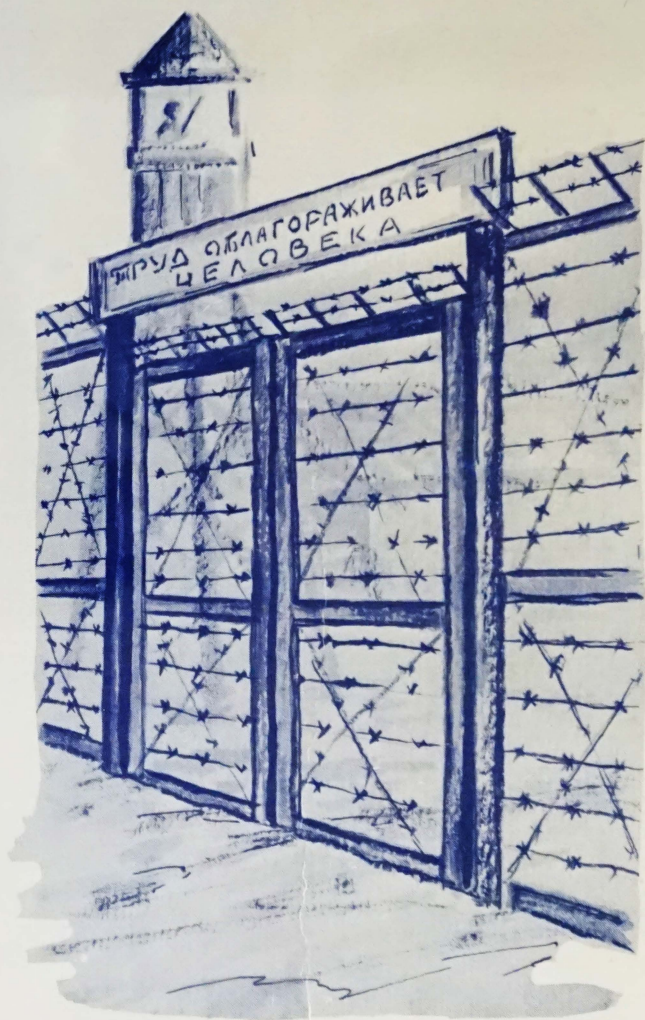

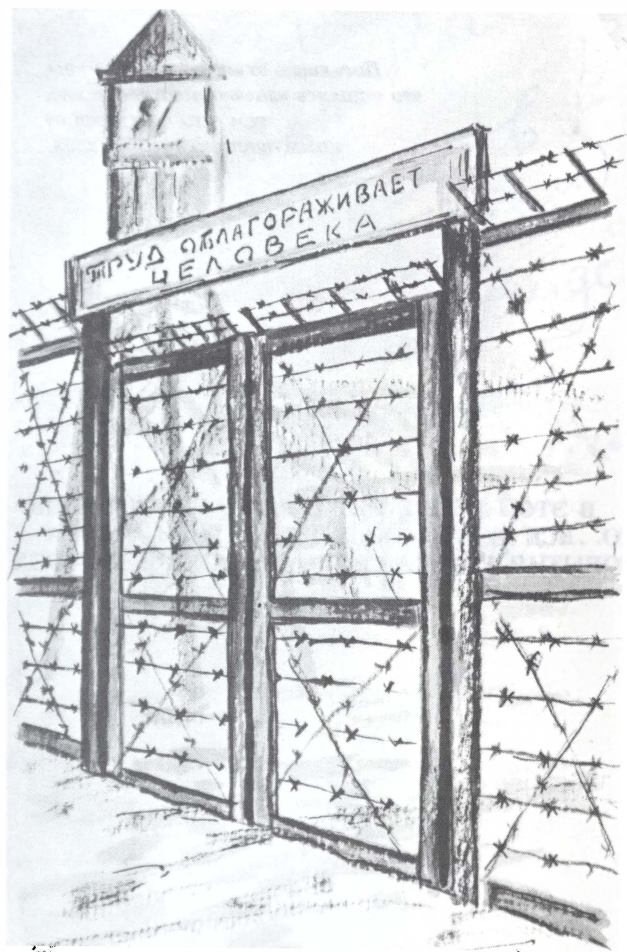
Ерухам Абрамов

**ЗАКОН ТАЙГА —
ПРОКУРОР МЕДВЕДЬ**

*Посвящаю эту книгу мученикам,
что остались навечно лежать в земле,
тем, кто пострадал от
коммунистического насилия.*

**В ЭТОЙ КНИГЕ НЕТ НИЧЕГО ВЫМЫШЛЕННО-
ГО. ВСЕ ВЗЯТО ИЗ ЖИЗНИ: ЛЮДИ, МЕСТА И
СОБЫТИЯ, КАК НА СВОБОДЕ, ТАК И В ЛАГЕРЯХ**

Китойлаг — ворота лагеря

Ерухам Абрамов

**ЗАКОН ТАЙГА —
ПРОКУРОР МЕДВЕДЬ**

(ИСПОВЕДЬ)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИМ
ТЕЛЬ-АВИВ 1988**

© *ВСЕ ПРАВА СОХРАНЯЮТСЯ
ЗА АВТОРОМ*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПО ПРОКЛЯТОЙ ДОРОГЕ...

Если попытаться рассказать всю историю моей жизни с самого начала, найти тот крохотный стерженек, за который как бы зацепилась моя судьба, — зацепилась, чтобы начать разматываться длинной, извилистой и пестрой лентой, — следует, вероятно, прежде всего вспомнить об одном раннем вечере...

Махач-кала. Северный Кавказ. Я, совсем мальчишка, вышел прогуляться с приятелем по нашей улице. Меня подозвали к себе ребята постарше — и дали весьма увлекательное, нетрудное для меня поручение: проследить за неким человеком, вышедшим из расположенного невдалеке ювелирного магазина: куда он направится? Нечего и говорить, что я с огромным удовольствием выполнил доверенную мне большими "работу". Награда, здесь же врученная, составляла пять рублей. По тем временам это было немало. Деньги я потратил тут же на какое-то лакомство.

Легкие заработки пришлись мне по вкусу. Я стал чаще появляться на улицах — теперь уж не только вечерами, но и с утра, прогуливал школу: надеялся вновь встретиться с теми, кто так щедро расплачивается за простое дело, почти игру...

Желание мое вскоре сбылось.

— Эй, мальй, — услышал я знакомый голос, —

поди-ка сюда.

Я оглянулся. Передо мною стоял тот самый парень, что дал мне первое задание. Он выглядел совсем взрослым: лет двадцати семи, кудрявый, с яркими черными глазами. Одет парень был превосходно.

— Хочешь пойти со мной?

— Куда?

— Туда же, куда и я.

Я согласился — и вскоре мы оказались в городском парке. В стороне от главной аллеи на открытом воздухе под навесом стоял бильярд: за столиками играли в нарды, домино, шашки. Игра шла на деньги. Мой новый друг усадил меня рядом с собою на лавку.

— Вот погляди на этого, слева, — он указал мне на одного из игроков, совсем молодого, щегольски одетого. — Это мой брат Алик. Его кличка — Муха. А рядом с ним Ахмед-азербайджанец...

— А откуда у них столько денег? — не выдержал я.

И в самом деле, игроки передавали друг другу довольно солидные суммы. Парень внимательно, чуть улыбаясь, смотрел на меня.

— А ты хотел бы иметь столько же?

— Да, — быстро произнес я.

— Ну что ж, пожалуй придется научить тебя, как деньги заработать. Уж тогда тебе не придется напяливать на себя лохмотья, — вроде тех, что сегодня на тебе. Ты приоденешься как следует — не хуже моего брата!

Рядом, под тентом, располагалось летнее кафе "Ласточка". Там мы и продолжили нашу беседу. Накормив меня, напоив лимонадом, даже плеснув в мой стакан немного вина, парень принялся расспрашивать. Я сразу ответил ему, как меня зовут, где я живу, но вот на вопрос о семье мне отвечать не хотелось: я опасался, что узнав о моих родных, парень поостережется связываться со мною, и все обещанное кончится ничем. В конце-концов я рассказал и о семье.

— Учишься? — последовал очередной вопрос.

— Конечно.

— Теперь слушай внимательно, дружище, — парень обнял меня за плечи. — О нашем знакомстве не болтай никому и нигде: ни в школе, ни с корешами, ни дома, понятно? Когда ты мне понадобишься — я тебя отыщу.

— А скоро это будет? — осмелел я.

— Ну, если уж слишком долго меня не повстречаешь — можешь придти сюда, на это место, и спросить обо мне...

— Как спросить? — перебил я.

— Спросишь: где Нос...

Нос?! От удивления я поперхнулся — и захохотал во все горло: возможно что и выпитый глоток вина дал о себе знать. Муха, Нос, — да что же это за имена? За все двенадцать лет жизни подобных имен мне встречать не приходилось...

— Ты все понял? — Нос поднялся из-за стола.

— Все.

— Вот тебе трешница, иди домой. И не забывай, что я говорил о болтовне.

Домой я вернулся поздно. Отец, впрочем, тоже еще не пришел с работы.

— Ты где ж так долго пропадал? — крикнула мать.

Я ничего не ответил. Вбежал в комнату — и засел за уроки. Но никакие уроки не лезли мне в голову: мысли мои возвращались к разговору в парке, к тому, что произойдет, когда Нос вновь позовет меня с собой... Я вспомнил о полученной трехрублевке. Достал ее из кармана, и долго любовался невзрачной смятой бумажонкой, за которую, однако, можно купить, что захочешь. А если таких бумажек много, то... Я куплю отцу, матери, братьям и сестре подарки, принесу мяса к обеду — и тогда мы заживем отлично! За этими радужными мечтами меня и застал голос матери: надо было выйти во двор помочь ей собрать развешенное белье, помочь по хозяйству.

Долгие три недели прошли в ожидании. Я даже

стал забывать о своем таинственном приятеле. Как-то раз я возвращался из школы около полудня. Вдруг кто-то коснулся моей руки и я услышал:

— Ну, как дела?

В первые секунды я даже не узнал спрашивающего, но как только вспомнил — сразу же сказал идущим со мною из школы ребятам "до свидания". Нос заботливо поинтересовался, все ли в порядке у меня дома, как идет учеба. Услышав, что все хорошо, он сказал:

— Сегодня вечером, часов в восемь, приходи на Буйнакскую улицу.

(Так у нас в городе называлась улица, выходящая к привокзальной площади).

Он объяснил мне, зачем и для чего приходите, но мне очень хотелось быть с Носом в позднее, почти ночное время. Целый день я не находил себе места, слонялся в ожидании. Но, наконец, свечерело. Я сказал матери, что иду к товарищу готовить уроки, — мол, задали так много, что придется готовить допоздна. Довольно ловко я увильнул от ее вопроса: к кому именно из товарищей я отправляюсь — ведь она знала их всех... Взяв с собою (по совету Носа!) книгу и тетрадки, я вышел из дому.

К восьми часам, как мне и было сказано, я стоял на месте. Минуты тянулись, словно годы. Носа не было. Я даже не знал, сколько мне пришлось ждать, ведь часов у меня не было. Я вглядывался в лицо каждого, кто проходил мимо и — ошибался... Пожалуй, я ждал не столько денег, сколько приключений, которые особенно любил, будучи крепким и смекалистым пареньком.

Наконец кто-то сзади подошел ко мне. Я резко повернулся и увидел Носа и еще двух. Обрадовался так, что меня в жар бросило, даже заговорить не мог.

— Долго ждешь?

И я, как взрослый, вежливо ответил, что только подошел, совсем недолго.

Нос похлопал меня по плечу и повел за собой. Шли мы долго, почти вышли к окраине города. Вошли в какой-то дом. За столом сидело несколько ребят. Все они были старше меня. Увидев нас, все поднялись, оставив карты. Было уже около десяти часов. Я очень устал от волнения и длинного пути, но старался не показать усталости. Когда мы вышли из дома, во дворе Нос сказал:

— Сейчас мы пойдем в одно место. Там тебе придется постоять в углу. Будешь ждать меня, покуда я сам не приду, или пришлю кого-нибудь...

— Просто так стоять и ждать?

— Не-ет! Ты должен внимательно следить за всеми, кто там будет проходить, а если заметишь милиционера — свистнешь два раза, когда он пройдет и больше ничего.

Мы шли не более пятнадцати минут.

— Все, — сказал Нос, — прибыли. Здесь и будешь прогуливаться от угла до угла.

Я "прогуливался" совсем недолго, но мне казалось, что прошла вечность. Да где же все те, кто выходил из дому вместе с нами? А может быть — надо мною смеются?! Поставили, как истукана — а сами ушли... Я хотел было уйти, боялся, что домашние начнут разыскивать меня. Было поздно. Я решил подождать еще немного, а потом — сбежать. И больше с Носом вообще не встречаться. Размышляя таким образом, я мерял шагами улицу, не забывая все же о милиционере, при появлении которого мне полагалось свистеть. Но милиционеры, как назло, не показывались...

И тут я услышал свое имя.

Пришел ко мне один из тех, кто находился в доме, куда привел меня Нос. Звали этого парня, немного мне и раньше знакомого, Васей. Прозвище его было "Лупатый".

— Хватит стоять, потопали, — сказал он. — Я провожу тебя до дому, а Нос велел передать тебе вот это.

С этими словами Вася протянул мне пятнадцать рублей.

— А сам он где? — спросил я.

— Он обещал встретиться с тобою через пять дней.

Я жил сравнительно недалеко от "сторожевого поста", где простоял так долго. По дороге мы с Лупатым судачили о том о сем, но думал я о другом... За что я получил эти деньги?

Дома спали. На мой стук вышел отец и принялся браниться, почему-де я шляюсь по ночам, надо было оставаться ночевать у товарища.

х х х

Шел 1941 год. К тому времени мне исполнилось тринадцать лет. Я решил оставить своих новых приятелей: всех этих Носов, Мух и тому подобное; стал прилежно заниматься, школу не прогуливал, проводил время с друзьями-одноклассниками.

Наступили дни летних каникул. Я был предоставлен самому себе.

Однажды мать послала меня в магазин. Она вручила мне деньги и хозяйственную сумку, и предупредила:

— Гляди, сынок, чтобы деньги у тебя не вытащили!

— Не беспокойся, — ответил я, подумав про себя: "Я и сам такой, что украсть могу..."

Придя в магазин, я стал в очередь (как и в те времена, так и сегодня, в Советском Союзе без очереди ничего не достанешь). За мною, разумеется, тоже заняли очередь пришедшие позже покупатели. А впереди, возле самого прилавка, толпилось несколько молодых ребят. Люди покрикивали на них, они ни на кого не обращали внимания. Наконец подошла и моя очередь. Я расталкивал лезущих вперед мальчишек, стараясь не дать им пробиться к продавщице раньше меня... Попросил взвесить мне два килограмма сахара. Полез в карман за деньгами. Но денег там не оказалось!

Покупатели орали на меня, чтобы я не задерживал очередь, обзывали жуликом, хулиганом, но я не двигался, не реагировал... Не помню, как выпихнули меня из очереди, как оказался я на улице. С пустой кошелькой и без гроша. Что делать? "Красть!!" — отвечал глухой рык из самого нутра души. — "Красть, как украли у тебя самого!"

Я был уверен, что деньги, данные мне матерью, я не потерял. Их украли. Украли такие же, как мои знакомцы Нос и Муха. Как я ненавидел их в эти минуты!.. Я подумал, что и мне они тогда дали краденные деньги, которые вытащили или отняли у кого-то вроде меня. Все замелькало у меня перед глазами, голова закружилась. Ничего не соображая, я начал в голос смеяться, но вовремя вспомнил, что нахожусь на улице... "Красть, красть!" — неистовствовал голос в моей душе, и мне казалось, что эти слова бросают мне в лицо встречные прохожие. — "У тебя украли — и ты укради. Разве ты хуже других?.. Кради у кого сможешь, но с пустыми руками домой не возвращайся: мать ждет сахара..."

С этими страшными мыслями я, сам того не замечая, брел по улицам, проходил мимо магазинов — больших и малых. Неосознанно, но как бы с определившейся уже целью, я внимательно осматривался, искал, где очередь побольше и потеснее...

К одной из таких очередей подбежал человек с корзиной. Он начал протискиваться вперед, говоря:

— Я впереди стоял, только на минутку вышел...

На ходу извлек из кармана кошелек, приготовил деньги, а кошелек второпях засунул в наружный карман. Я заметил это. Решил подойти к нему, стать вплотную, а там будь что будет. Начал пробираться следом за ним, а он уже стоял в голове очереди и объяснялся: "Вот, эта дама стояла за мной, она может подтвердить..." Сзади раздавались крики: "Совсем совесть потеряли, мы уже полтора часа торчим здесь — и никак к прилавку не подойдем!" Я стоял чуть позади незадачливого покупателя, в самой гуще разбушевавшейся толпы.

Все толкались, и я тоже... Я выставил вперед руки, чтобы меня не раздавили — и поневоле руки мои оказались у бедер мужчины. Я хорошо запомнил, в какой карман он положил кошелек. Рука моя начала подниматься все выше, я засунул два пальца в его карман, нащупал долгожданный кошелек — и... Меня охватил страх. Я был весь мокрый, пот катил с меня градом. Но пальцы мои цепко держали добычу. Теперь оставалось только извлечь ее из кармана.

Мужчина продолжал доказывать, что он здесь был, но рассвирипевшие люди кричали, грозились позвать милиционера.

Не знаю, сколько времени прошло с момента, когда кошелек оказался у меня между пальцами. Казалось — вечность. Но, наконец, кошелек оказался у меня в судорожно сжатом кулаке. Я незаметно бросил его в свою кошелку и начал выбираться из толпы, но безуспешно: меня все яростнее толкали вперед, к прилавку. Меня спасло появление милиционера. Бормоча, что вот, мол, наконец-то наведут в очереди порядок, люди стали расходиться по своим местам. Я принялся потихоньку выкарабкиваться, желая оказаться от своей жертвы как можно дальше. И вообще, подальше от людей...

Мне не терпелось заглянуть в кошелек, но на улице я не решался сделать это. А между тем жаркое кавказское лето — стоял июнь — давало о себе знать: мне нестерпимо хотелось пить. Но никакие силы не могли заставить меня раскрыть кошелек на улице, а других денег у меня не было.

Время шло. Я вышел из дому в полдень, но летние дни на Кавказе длинные: четырнадцать-пятнадцать часов...

Я направился к морю — не на пляж, а на пустынный каменистый берег, находившийся против линии железной дороги. Правда, там сейчас как всегда рыбаки — кто с удочкой, кто с закидкой; стоят — ждут свою долгожданную рыбку!.. Но я-то спрячусь за большой камень, присяду на корточки, будто за нуждой. Никто не обратит на меня

внимания, не помешает мне выяснить, наконец, что за добыча мне досталась.

О том, что меня ждут дома, что сахар я так и не купил, я больше не вспоминал. Скажу, что покуда дошла моя очередь, сахар кончился: так часто бывает. Отдам деньги — и все. Но вдруг в кошельке ничего нет!! Сказать, что потерял деньги — неудобно. Признаться, что украли? Ни за что! Ведь я сказал, что у меня не украдут... Что же будет? Ничего не надумав, я решил все же сначала посмотреть, что там в кошельке, а уж потом предаваться размышлениям. Через несколько минут я буду у заветного камня: я с ребятами часто бывал в этих местах и заранее знал, под каким камнем я спрячусь. Как я и предполагал, вокруг никого не было и только возле самого берега, на мели, стояли в резиновых сапогах рыболовы. Я сел под скалой. Минуты через четыре, убедившись, что никто на меня не смотрит, никто не следит, я раскрыл свою кошелку и достал кошелек. Долго разглядывал его, не решаясь расстегнуть замочек. Наконец — решился...

В первом отделении оказались какие-то бумаги, видно, документы. А во втором: четыре тридцатирублевых купюры, красиво сложенные "красненькие" (десятирублевки) — семь штук. Одиннадцать трехрублевок. Всего 223 рубля бумажками и немного мелочи. Я попробовал прочесть документы, чтобы узнать, кому принадлежал этот кошелек, но ничего не понял...

Прыгая со скалы на скалу, я подошел к мосту и пошел в сторону дома. Мне предстояло перейти привокзальную площадь, оставляя в стороне магазина — в том числе и тот, где я побывал...

Я решил идти домой переулками, чтобы поменьше прохожих могли увидеть меня. Но как поступить с кошельком? Не идти же с ним домой. Сначала я собрался было выбросить его в мусорный ящик, но вспомнил о документах. Нет, не выброшу, а спрячу где-нибудь во дворе или в подвале, а через несколько дней незаметно подкину в какой-нибудь

магазин. Там его подберут, отдадут в милицию...

Размышляя таким образом, я приближался к дому. Положил кошелек в карман, вошел во двор. Там никого не было. Я сразу вошел в заброшенный сарай, где под беспорядочно сваленными дворами спрятал кошелек. Положил несколько полешек сверху, чтобы получше замаскировать — и пошел в дом. Меня встретили только брат и старшая сестра.

— Где ты пропадал целый день?! Мать тебя разыскивать пошла по магазинам!

— Да я в очереди стоял... Сахар кончился, — я в другой магазин пошел — там тоже ничего не мог достать.

— Вечно ты ничего не можешь, — огрызнулась сестра.

— Вот завтра сама пойди и достань, — закричал я. — Вот тебе и деньги!

С этими словами я достал из кармана десятирублевку, такую же мать дала мне с собою.

Вошел отец и увидел, что мы ссоримся.

— Что случилось? — спросил он.

Я рассказал ему то же, что и сестре. Отец нахмурил брови.

— Ты, небось, не за сахаром в очереди стоял, а шатался со своими дружками, — сурово сказал он. — Совсем учиться перестал, хулиганишь, нас не слушаешь. Шляешься неизвестно где, дома ни черта не делаешь! Ведь скоро тебе Бар-мицву справлять, взрослый парень, а до сих пор торчишь в четвертом классе! — Отец повысил голос.

Тут пришла и мать. И она принялась бранить меня, подливая масла в огонь: припомнила при отце все мои грехи...

Родители ругали меня поочередно даже за ужином. Как мне помнится, в этот памятный день мать приготовила плов — с изюмом, на масле, с мелконарезанными ломтиками мяса. Впрочем, я так проголодался, что ел, не разбирая, что попало под руку, так быстро, словно боялся, что у меня отберут еду. Мать, зная что я ничего не ел целый день, положила мне больше всех...

После ужина я обещал отцу вести себя иначе.

Несколько дней я не выходил из дому: боялся. Деньги я спрятал под комодом, а монетки носил с собой.

Нас у родителей было шестеро: старшая сестра, еще сестра и трое малышей-братьев. С ними-то я игрался во дворе целыми днями.

Однажды мать обратилась ко мне с такими словами:

— Сынок, ты даже на улицу не выходишь, а друзья тебя не навещают. Может, поссорился с ними?

Я молчал.

— Иди-иди, сынок, — ласково продолжала мать. — Погуляй с товарищами. Только не допоздна, а то отец придет — узнает, что я тебя отпустила и будет меня ругать.

До прихода отца оставалось не более полутора часов. Понятно, что на такой короткий срок идти мне не хотелось.

— Завтра днем идет очень хорошая картина для детей, — ответил я матери. — Завтра я и пойду. А сегодня посижу дома.

Это было в субботний вечер 21 июня 1941 года.

Настало воскресенье, 22 июня. В девять утра ушел в кино на детский сеанс. Не забыл взять с собою кошелек, чтобы выбросить его незаметно под скамейку и пересесть на другое место. На мелочь я купил себе билет, а осталось еще и на мороженое. Бумажных денег я не взял.

Шел знаменитый "Чапаев". Я так увлекся картиной, что забыл о только что выброшенном кошельке. В одиннадцать часов фильм закончился. Я быстро вышел из зала и направился домой. Мне почему-то казалось, что за мной следят, я оглядывался, никого не обнаружил.

Возле нашего дома ребята с нашей улицы играли в "орел-решка". Они были старше меня, лет по шестнадцати-семнадцати, и мне очень хотелось поиграть с ними.

— Можно и мне? — несмело попросил я.

— Деньги есть? — ответили мне.

Я показал свои копейки. Прежде чем приступить к игре, мне начали объяснять правила. Я хорошо знал их, но поддакивал, говорил: "Хорошо, хорошо". Игра началась. Взлетела в воздух пятикопеечная монета. Упала на "решку": значит, я выиграл. Получил гривенник. Настала моя очередь бросать. Я выиграл еще раз. Потом еще и еще. Словом, четыре раза подряд. За этот день я выиграл около шести рублей и пошел домой.

— Приходи завтра, — крикнули мне в догонку, — еще поиграем.

Было приблизительно четыре часа пополудни, когда я пришел к себе. Поел, и хотел вновь выйти на улицу. Внезапно во дворе раздались громкие встревоженные голоса: "Война, война! Немцы на Советский Союз напали!" Я выскочил из дому. На улице было полно народу, все говорили о войне. Многие плакали, слушая по радио выступление Молотова.

Так началась для меня вторая мировая война.

Прошло несколько дней. О войне говорили с ужасом, слушали сводки Информбюро. Немцы захватывали город за городом, шли маршем по Белоруссии, Литве, Латвии... За два с половиной месяца в нашем городе почти не осталось молодежи: все, старше восемнадцати, пошло на фронт.

Настал сентябрь — и мы, мальчишки, пошли опять в школу. Многих учителей не было, они были в армии. Занятия шли вяло; дети играли в войну, подражая в игре тем из своих родных, кто ушел на войну настоящую... Уроков практически не было. С каждым днем наш класс пустел: одни пошли работать, другие — учиться какому-либо ремеслу.

В начале 1942 года я бросил школу и сделался настоящим вором: лазил по карманам, играл в карты, выигрывал, проигрывал... Жизнь моя проходила бурно. В свои четырнадцать я делал такие дела, которые и двадцатилетние творить не решались. Однажды я предложил двум моим "коллегам" проехаться по соседним городам, поскольку нас —

и особенно меня — уже слишком хорошо знала местная милиция. Не только мальчишки, но и воры постарше слышали о моих проделках, завидовали мне. Бывало, что и угрожали, но я как и не слышал этих угроз. Страх я не знал, и воровская удача всегда сопутствовала мне.

Я и мои дружки разъезжали из города в город, по всему Закавказью. А родной мой город Махачкала, столица Дагестана, стоял посреди нашего пути. Ездили мы и на пассажирских, и на товарняках. Все чаще приходилось пристраиваться к санитарным эшелонам, которые везли раненых в тыл: по всем городам Кавказа и Закавказья.

Война чувствовалась все сильнее: стали приходить похороны: так звались клочки бумаги, где сообщалось без подробностей о том, что "Ваш муж или сын погибли за Родину"...

С начала войны прошел год. В августе 1942 года мы возвращались из Баку. Денег у нас было много. Все подробности припомнить и описать невозможно, но читатель, вероятно, и сам догадывается, что вор — он без денег бывает крайне редко. В Баку мы приоделись во все новое, и ехали домой в пассажирском поезде "Баку-Махачкала".

По дороге на вокзале мы видели поезда, откуда выгружалось множество людей: старики, женщины, дети. Это были беженцы из России. Впрочем, почти каждая станция была забита людьми, под перронами плыл русский, украинский и Бог знает еще какой говор. В Дербенте станция была так забита, что пассажиров проходящих поездов не выпускали из вагонов.

Махачкала встретила нас ужасной вонью. Мы сошли с поезда и стали выбираться на привокзальную площадь, зажимая носы. Откуда это? При выходе на площадь расположилась милицейская бригада по проверке документов. У нас паспортов не было, так как ни одному из нас еще не исполнилось шестнадцати. Пришлось придумывать, будто ездили в Баку к родственникам. Я велел товарищам пробираться по одному, да и сочинять

по-разному. А если кого возьмут и найдут деньги, то говорить, что деньги даны родственникам для передачи родителям. В случае провала — друг друга не выдавать: воровской закон! Мы должны были встретиться возле столовой, что находилась невдалеке от площади.

Подходя к выходу в город, я увидел такую массу народу, которую и в праздники на параде не встретишь... Дети плакали, старики и старушки сидели, скорчившись на асфальте. Кто дремал, кто погружен был в горестную думу. Все цепко держались за свои пожитки.

У меня закружилась голова, и я не ответил на окрик: "Эй ты, документы!" Люди шли и шли. Милиционер махнул рукой и вытолкнул меня за ворота: подумал, наверно, что немой...

Вот оно что это такое — война! Только теперь я воочию увидел ее жуткое лицо. Неужто и нам придется скитаться по чужим городам, сидеть на асфальте, есть, там же и оправляться... Беженцы справляли нужду на месте, ибо для такой огромной толпы никаких туалетов не хватало. Оттого и поднимались над площадью тучи смрада: ведь жарища августовская.

Мы, как и было договорено, встретились у столовой, закусили. Разошлись, договорившись встретиться завтра, на берегу моря.

Дома меня встретили только мать и сестра. Мать на меня даже не взглянула, да и сестре было известно, что я стал вором и картежником. Рассказали мне, что соседка получила похоронку на сына, да и вообще — каждый день похоронки пачками приходят. Я поинтересовался, где отец. Мне неохотно ответили, что вскоре он придет с работы, и что он очень зол на меня.

— За твои хулиганские дела, — сказала мама. — Ты позоришь нашу семью. Мне в глаза людям стыдно смотреть из-за тебя, а отцу тем более!

Я ничего не отвечал, понимая, что расстрою родителей еще больше. А мне этого совсем не хотелось.

Вскоре пришел отец. За те дни, что я не видел его, он осунулся и похудел. Отец посмотрел на меня, а маме протянул какие-то бумажки: это были хлебные карточки.

— Ну, как дела, сынок? — наконец обратился он ко мне.

Я продолжал хранить молчание, ибо чувствовал, что мать очень боится нашей ссоры, боится того, что отец ударит меня — и тогда я окончательно уйду из дому. Но отец не тронул меня, и только спросил:

Когда же ты бросишь свои черные дела и возьмешься за ум? Ведь то, чем занят ты и твои дружки, долго продлиться не может: поймают вас и в тюрьму упрячут... А там несладко!.. Ведь война идет, неизвестно что со всеми нами будет. Бросил школу — так учись какому-нибудь делу, работай! Вот, если желаешь, я тебя учеником в часовую мастерскую устрою...

Во время этого разговора мать молча занималась приготовлением ужина, но ясно было, что она согласна с отцом. Словом, мои родители решили взяться за меня крепко. Отец говорил со мною долго, я не мог отказать ему — и согласился пойти в ученики часовщика: к двоюродному брату отца, Исаю (впоследствии я взял в жены его сестру).

— Ты уж не подводи меня, а я поговорю с ним завтра. Он мне не откажет... — сказал отец напоследок.

Я отправился спать, но сон не приходил. Все думалось о том, как трудно мне придется, если мои друзья начнут насмехаться надо мною, если я оставлю карты и воровство.

Утром я пошел к морю. Там, как всегда, собрались картежники, играли в "буру". Я вступил в игру, но мне не повезло; проиграв довольно много, я вернулся домой злой, и лег спать натошак.

На другой день спозаранок меня разбудил отец. Мы пошли в мастерскую, где нас встретили очень приветливо и радушно. Хозяин мастерской позна-

комил меня с учеником — молодым парнем, назвавшимся Мишико. Мишико сообщил мне, что работа у них начинается в половину восьмого утра. Шабашить я должен был в половине третьего: как несовершеннолетний.

Прошли месяцы. Дни становились все короче, похолодало, начались дожди. А я все работал в мастерской. Часовое дело я освоил быстро, но платили мне гроши. Мастер, придя однажды к нам в гости, даже похвалил меня, сказав отцу:

Ты даже не знаешь, какой у тебя парень растет! Настолько разбирается в работе, что начал уже самостоятельно мелкие работы производить.

Отец, конечно, радовался в душе, что сын его наконец-то стал на правильный путь. Он надеялся, что я больше никогда не вспомню о прошлом. Так оно и было бы, если бы не случай...

Как-то раз я работал вдвоем с мастером. Мишико, моего товарища, в этот день не было: простудился. Мастер сказал мне:

— Посиди один, покуда я пойду провести Мишико. Говорят, он крепко расхворался.

— Хорошо, — ответил я.

Мастер ушел, а я взялся за оставленное мне дело: будильник, который шел, но звонить — не звонил. Ремонт был несложный. Я настолько увлекся им, что не заметил, как в нашу мастерскую ввалились мои прежние друзья.

— Ого, вот и он! Посмотри-ка, заделался часовщиком! Вышел из игры! Ну, сколько ж ты теперь зарабатываешь, маменькин сынок? — издевательски спросил один из вошедших.

Не долго думая, я вышел из-за прилавка — и двинул шутника кулаком в живот. От боли тот согнулся. Тогда я огрел другого по зубам и вытолкал обоих вон.

Раньше они побаивались меня и никогда не решались бы вот так зидираться...

Позже я узнал, что они искали меня по всему городу: опасались, что я угодил в милицию. Случайно узнали о часовой мастерской — и решили

навестить меня.

Приятели мои, однако, не уходили, а остановились подле окна, продолжали разговор, как ни в чем не бывало. Рассказывали, что после моего ухода ничего у них не клеится, всей добычи: несколько карманных краж на рынке, да еще беженские сумки и чемоданы...

Прогнав их окончательно, я вернулся в мастерскую, чтобы закончить ремонт до прихода мастера. Зачем-то заглянул в ящик, где всегда лежали деньги. Лежали они и сегодня... А может быть, он специально оставил ящик незапертым, чтобы проверить меня?

Включил репродуктор. Передавали последние известия. Левитан рассказывал о наших доблестных солдатах, отражающих вражеский натиск. А между тем немцы наступали и находились всего в семистах километрах от нас — в Ростове. Мне стало страшно.

Пришел мастер.

— Как дела, — поинтересовался он, — Никто не приходил?

— Никто, — ответил я.

х х х

Наступил 1944 год. Теперь уже советская армия гнала немцев. Я продолжал работать часовщиком. Дали мне разряд и перевели в другую мастерскую. Мастером там был Али Мудунов — лакец (одно из племен горного Дагестана).

Но дружки мои меня не забыли. Однажды, когда я возвращался с работы, навстречу мне попался Рома, — тот самый, что навестил меня не совсем удачно, получив довольно сильно...

— Ты куда? — спросил он.

— С работы.

— Давай-ка я тебя немного провожу. А вообще... не посидеть ли нам в ресторане? Поговорим. Я тебе расскажу кое-что.

— Ну, об этом не беспокойся: я угощаю. Идем?

Мне очень хотелось поболтать с ним, но я боялся самого себя. Он явно видел, что я колеблюсь...

— Ну?

— Пошли.

Вскоре мы оказались за столиком ресторана "Дагестан" Рома надиктовал официантке довольно обширный заказ, включая бутылку сухого вина. Официантка ушла и мы остались с Ромой один на один.

За три года, что мы не виделись, он повзрослел, вытянулся, стал, как говорится, интереснее. Одет был неплохо, а красивые карие глаза его ярко светились в густых черных ресницах... Я глядел на него и думал: "Встреть я его на улице — ни за что бы не узнал. А он-то меня узнал сразу. Неужели я совсем не изменился?"

Рома расспрашивал меня о семье, о работе и наконец спросил о главном:

— Ази, ты и в самом деле завязал навсегда?

— Да, — ответил я, искренне надеясь, что говорю правду.

— Я, признаться, завидую тебе, что ты так легко и быстро справился с собой... Молодец! Клянусь, молодец! А я вот и сам хочу завязать, да не получается... Полтора года в колонии отсидел. Научили меня там многому. Мы с тобой и знать не знали такого...

— Как же ты угодил в колонию?

— А помнишь, как мы с Мусой к тебе в мастерскую приходили? Ты еще меня по зубам треснул.

Я отрицательно покачал головой; быть может, он меня для того и притащил в ресторан, чтобы потом отомстить за оскорбление. Рома заметил мою нерешительность.

— Не бойся, я не злопамятен... Вот после этого я и хотел завязать. Сказал Мусе, что пойду работать, как Ази, буду деньги матери домой приносить... Да и отец на фронте. Муса немного опешил — и говорит: "Ты что, вроде Ази хочешь в маменькины сынки записаться?" А я отвечаю: "Этот маменькин сынок тебе в пузо угадал совсем неплохо..." Ну, мы с ним разругались, и я пошел к себе...

Подошла официантка с заказом. Вместо сухого вина принесла крепкое: сухого не оказалось. Рома поглядел на счет, вытащил пачку денег и отсчитал официантке семнадцать тридцатирублевых. "Сдачи не надо!" Официантка рассыпалась в благодарностях.

— Так вот, — продолжил он свой рассказ. — Подхожу я к дому, а меня соседи встречают. Иди, говорят, скорей, тебя мать ждет. А что такое? Придешь — узнаешь... Я испугался: может, меня там милиция дожидается, на след напали. Захожу, — а у нас полно женщин, мать плачет... Пришла похоронная на отца... Остались мы одни: у матери нас четверо, я самый старший. Стал я искать работу. Ходил-ходил, но никуда меня не принимали. А в доме положение все тяжелее: не было даже денег хлебные карточки отоварить. Взялся я за старое... По карманам лазил, воровал и по магазинам. В доме стало малость лучше. Вернулся я как-то после одной удачной комбинации. А тут как раз облава. Повязали меня, нашли деньги, карты, альчики... Через три дня повезли в г.Каспийск, в детскую колонию. Просидел там полтора года, вернулся домой. А дома... Младший брат от голода умер. Вот так и живу, дружище.

Он разговаривал со мной как со взрослым. Я прекрасно понимал его и сочувствовал, не зная лишь, как сочувствие это выразить.

— Давно вернулся? — спросил я.

— Всего две недели. Успел старых приятелей встретить, возобновить, так сказать, знакомство... А что у тебя? Впрочем, ты же завязал.

За беседой время пролетело незаметно. Надо было расходиться, меня ждали дома. Мы распрощались. Я шел к матери, но во мне горело желание остаться с Ромой... Почему же он сам не предложил мне пойти с ним, заняться нашим прежним делом? Моя теперешняя работа показалась мне невыносимо скучной и нищенской: ведь я видел, сколько денег было у Ромы, как свободно он распоряжался ими... Разве я хуже?

Тысяча таких вопросов пылала у меня в голове,

но ответа найти я не мог.

Дома мать подала ужин. Мне кусок не лез в горло, но я все же что-то проглотил, прилег на свою тахту и усталился в потолок. Но спокойствие не возвращалось. Решил выйти пройтись — в тайной надежде кого-нибудь встретить. Прошелся, — да так никого и не встретил...

х х х

В день получки я возвращался домой. И столкнулся лицом к лицу с Ромой. С ним были еще два парня. Они не обратили на меня внимания, но я сам окликнул их, поздоровался.

— А, привет, Ази, — отозвались они. — Хочешь, пойдем с нами?

— Куда это?

— Да так, в одно место. Посидим, в картишки перекинемся.

Молниеносно пробила меня мысль: "Да — нет?!"

— Пойдем, чего ты? Не хочешь сам играть — посмотришь, как мы играть станем.

Шли мы недолго, путь этот показался мне знакомым. Вскоре мы оказались перед закрытыми воротами. Постучали. Нам открыла молоденькая девушка.

— Эй, Зейнаб, гостей принимаете? — весело спросил один из парней.

— Проходите, — рассмеялась девушка.

Парень потрепал ее по щеке, и мы вошли. Прежде чем закрыть ворота на засов, девушка осторожно выглянула на улицу, осмотрелась...

Двор, где мы очутились, был велик и тщательно прибран. Посредине росло большое тутовое дерево. Под деревом стоял стол, вкопанный в землю. По окружности двора находилось множество сарайчи-

ков и кладовых для всякого рода припасов, прочих хозяйственных нужд; такие дворы — побольше или поменьше, — встречаются часто на Кавказе.

— Ну-ка, Зейнаб, — обратился к девушке все тот же парень, — приготовь нам чего-нибудь и чай завари покрепче.

— А где сидеть будете, — спросила девушка. — Под деревом или в доме?

Двухэтажный дом, окнами на соседскую территорию, построен был в глубине двора. На верхнем этаже — как я узнал позже — находилось несколько спален, а внизу — кухня, столовая и шикарная гостиная с выходом на веранду.

Решили, покуда светло, посидеть во дворе. Рома с друзьями расселись для игры, а меня посадили "наблюдателем", хотя я играл не хуже.

Карты были новехонькими, только из магазина, несколько колод. Шла игра в "очко". Банк заложил парень, сидевший по левую руку от Ромы. Тысяча рублей... "Наблюдатель" не имеет права вмешиваться в игру, он должен быть глух и нем. Так что я только глазами хлопал.

Роме пришел валет червей.

— Триста, — объявил он.

И протянул руку за картой. Взял, посмотрел и сказал банкомету:

— Себе!

Банкомет положил свою карту на стол, прикрывал ее другой. Начал потихоньку раскрывать карты...

— Восемнадцать!

— Твое, — ответил партнер, отсчитал триста рублей и положил их в "банк"

Подошла очередь Ромы. В банке было тысяча триста.

Рома был совершенно спокоен, следил за партнером. Банкомет продолжил раскрывать свои карты — медленно, аккуратно. Но именно по этой приувеличительной медлительности чувствовалось, что он нервничает.

Рома выиграл. Протянул руку, взял деньги — и

положил их передо мной.

— Ази, — обратился он ко мне, — ты ведь хочешь играть. Вот тебе для начала, а там видно будет.

Мне и в самом деле нестерпимо хотелось попытать счастья. У меня были и свои деньги — семьсот пятьдесят семь рублей с копейками, моя получка... Теперь в игре участвовало четверо. Не стану утомлять читателя. Скажу только, что я оказался в выигрыше.

Девушка принесла нам чай и варенье. Усмехнулась, увидев подле меня на столе кучу ассигнаций. Я успел как следует рассмотреть ее, когда она наклонилась, разливая чай. Пышные груди натянули платье. Видно было, что взгляд мой она заметила. Подав чай, она пошла к дому. Мне хотелось посмотреть ей вслед, но странное смущение не позволило мне повернуть голову.

Стало темнеть, и мы решили зайти в дом. Говоря по правде, мне хотелось уйти: совсем не потому, что я боялся спустить все выигранное, — я в самом деле беспокоился, что родители будут волноваться, ведь было уже поздно. Но никакие силы не заставили бы меня сейчас сказать Роме, что мне надо уходить... Да и сам я не слишком-то стремился покинуть гостеприимных хозяев: интересно, чем все кончится...

Стол для нас был приготовлен заранее. Мы расселись в том же порядке, что и раньше — и игра продолжалась. Квартира была великолепно обставлена; на полу красивый ковер, на стенах — портреты предков. Старинная мебель говорила о давнем богатстве обитателей. И так здесь было сытно и спокойно, будто никакой войны нет — и не было... Неужели во всем доме живет одна Зейнаб? Все это было весьма загадочным.

Еще на крыльце Рома сказал мне:

— Ты никому не должен говорить, где был и что видел...

Игра шла своим чередом. Мне везло, и я все больше и больше втягивался в азартную круговерть;

был я, как говорится, в форме, а выиграв крупный куш у одного из участников (они, кстати, друг друга по именам не называли, так что я и не знал, как к ним обращаться), почувствовал себя на равных. Удача сопутствовала мне.

— Зейнаб, — позвал девушку один из парней.

Та не замедлила выйти из кухни. За это время деаушка успела переодеться в халат.

— Ну, вы нас кормить сегодня собираетесь?

— Наигрались? — засмеялась Зейнаб.

— Пожалуй, хватит. Надо и отдохнуть, — сказал парень. — Вы, небось, без нас соскучились.

Он взял девушку за руку и притянул к себе. Полез ей под халат и принялся лапать.

Я смотрел на них и злился на самого себя. Ведь и я мог вести веселую жизнь, иметь деньги, развлекаться с девчонками...

Я злился и на девушку, за то, что она позволяет парню трогать себя. Я буквально горел от ревности, хотя, понятно, что чувство мое было совершенно бессмысленным, — ведь никакого отношения к ней я не имел.

В комнату вошла другая девушка, назвавшаяся Эльмирой. Она постелила новую скатерть, начала накрывать на стол. К четырем стульям прибавили еще четыре. Нас всего четверо, почему же накрывают на восемь? Стол убирала одна Эльмира, но из кухни раздавались женские голоса. Когда все было готово, я онемел от изумления: чего только не было на столе! Водка, натуральное вино, мясное, колбасы, овощи, фрукты... А люди опухают и мрут с голода, маленьким детям есть нечего; Рома ведь сам рассказывал мне, что его младший братишка умер от голода!

Эльмира ушла и долго не появлялась. Ступеньки из гостинной вели на второй этаж. Мы начали закусывать. Мне, не спрашивая, налили в стакан водку, но я отказался. Налил себе сухого вина. Мы чокнулись — и взялись за еду.

Казалось, что мы так и останемся вчетвером. Стали рассказывать анекдоты. Многое я уже знал,

но было и кое-что новенькое. Выпили по второй, по третьей. Я повеселел — и тоже начал рассказывать. Все смеялись.

Я сидел спиной к лестнице, которая вела наверх. "У-у, детки, наконец-то! Что ж это вы так долго?", — произнес вдруг один из парней. Я обернулся. Парень уже рассаживал девушек. Возле Ромы села стройная черновосая, одетая в красивый ночной халат. Заметно было, что под халатом на ней ничего нет... Парень, что приветствовал вошедших, пристроил около себя белокурую голубоглазку. А возле другого — присела самая полная и грудастая. Выглядела она постарше остальных и чувствовалось, что она много повидала на своем веку. Получилось, что девушек было всего трое. А я сидел один, моргал глазами, не зная, как себя вести. А вокруг меня обнимались, шептались, не обращая на меня внимания.

Я хотел было подняться и уйти, но появилась Эльмира. Она была в ночном халате, как и все. Тело ее облегал полупрозрачный шелк. Я затаил дыхание. Свободное место и прибор были только рядом со мною. Она подошла, улыбаясь. Присела возле меня, — я отодвинулся, чтобы дать ей пройти.

— Ты чего испугался, — сказала она. — Присядь поближе...

Я сначала не понял. Посмотрел на присутствующих, но им явно было не до нас. Я подвинулся к ней вплотную — и она поцеловала меня в губы.

— Налей мне вина покрепче, — попросила Эльмира. — Я хочу выпить с тобой.

Я быстро схватил бутылку, налил.

— И себе, — сказала она.

Мы сдвинули стаканы, выпили. Нашему примеру последовали и остальные. Теперь мне нравилось все, что происходило за столом. Только что все казалось мне диким и гадким, а сейчас я почувствовал, что нет мне никакого дела до остальных: сижу я один на один со своей подругой, а что там другие делают — не замечаю...

От выпитого Эльмира раскраснелась, да и я сам

был вполне "готов" Она прильнула ко мне. Я обнял ее, глядя из-под прищуренных век на ее груди. Мне очень хотелось прикоснуться к ним, но я все еще не решался. Наконец я набрался смелости, потихоньку положил руку ей на грудь. Она не сопротивлялась, и я осмелел. Эльвира расстегнула несколько верхних пуговиц, я мял ее голые груди, а она целовала меня в губы. Ее рука проникла мне под рубашку, гладила мои плечи, спускалась на живот — и еще ниже... Она нежно взяла мою руку и положила себе между ног... Я был, понятно, не слишком ловок: в шестнадцать лет, работая в часовой мастерской, многому не научишься. Она сама расстегнула пуговицы на моей ширинке и взялась за член...

— Давай лучше поднимимся наверх, — предложила Эльмира.

Я согласился. Мы оказались в небольшой комнате. Изящно убранная кровать, напротив — трюмо и женский туалетный столик. Эльмира начала расстилать постель, убирать накидки. Я глядел, как искусно и ловко она управляет. Наконец она сбросила с себя халат... В комнате горела свеча.

— Ну — ложись, отдохни. А после спустимся, еще выпьем.

Я разделся. Оставшись в одних трусах, лег рядом с Эльмирой. Впервые в жизни я почувствовал женское дыхание на своей груди.

Можно сказать, что именно этот вечер и возвратил меня на воровскую дорожку. Я сообразил, что только вор может иметь достаточно денег, чтобы дверь этого дома была открыта для него и чтобы постель эта была расстелена в ожидании. После всего, что я увидел и узнал здесь, никогда не смогу я спокойно вернуться в мастерскую — и торчать там ежедневно за гроши.

...Мы оделись и держась за руки спустились вниз в гостинную. Все были в сборе.

— Долго же вы пропадали, — подмигнув, сказал Рома. — Ну как — все нормально?

— Да, — ответил я.

— Если тебе пришлось здесь по вкусу, можешь приходить с нами. Только не болтай никому и, понятно, никого с собой не приводи. Понял?

— Понял.

— А теперь так: за обед и за игру платишь полторы тысячи. Такое у нас правило.

Я хорошо понимал, что за подобные удовольствия надо платить, и не колеблясь тут же отсчитал требуемую сумму.

— Вот и все. Иди, садись возле своей девушки, занимайся, чем хочешь.

Эльмира подала мне стакан с вином, не забыла и себя. Ели мы, как голодные волки.

Рома предложил разойтись. Мы договорились встретиться через три дня. На прощанье Эльмира поцеловала меня и сказала, что будет ждать.

Вернулся я домой на рассвете. Дверь мне открыла мать. Шепотом спросила меня, где я пропадал. Я пробормотал что-то невнятное, бросился на приготовленную постель и заснул. Утром мать не стала будить меня, а отец уходил несколько раньше, так что и он не был мне помехой. Я провалялся до десяти часов, вспоминая вчерашнее.

Вечером я получил от родителей хорошую взбучку и на следующее утро вновь отправился на работу. Мастер строго спросил меня о вчерашнем отсутствии. Впрочем, он уже обо всем знал: отец заходил в мастерскую и рассказывал ему о происшедшем. Мастер относился ко мне очень хорошо, хотя он был лакец, а я еврей. На людях он покрикивал на меня, но наедине все было иначе. Вот и сегодня он добродушно похлопал меня по плечу и дал очередную работу.

Так и продолжилась моя служба в часовой мастерской.

Я едва дождался воскресенья. В этот день мы должны были встретиться возле кинотеатра "Темп" в три часа дня. Я загодя хорошенько выспался, оделся понарядней и после обеда, взяв с собою все деньги, что были у меня, собрался уходить.

— Ты куда, сынок? — спросила мать.

Я очень любил ее. Да и она души во мне не чаяла, страшно беспокоилась, как сложится моя жизнь. Но я так ждал этого дня, меня тянуло как магнитом...

— Я, мама, иду прогуляться. А если приду поздно, то волноваться незачем. Я уже взрослый, а вы меня как несмышленишка взаперти держите!

— Ладно уж, ладно, — перебила мать мои излияния. Но я не остановился:

— Да и вообще, а не девчонка, а перень, мужчина. Хватит за мной бегать да расспрашивать: где, с кем, куда!.. Надоело!

И с этими словами я хлопнул дверью.

Пришел я на назначенное место раньше других. Вскоре появился один из давнишних парней: "А, ты уже здесь..."

Поздоровались за руку.

— Ну, как день провел? — спросил он неожиданно. А у нас сегодня очень удачно получилось: обвели одного фраера... Но ты, может, чем другим занимаешься? На толкучке был?

Я понял, что они воруют на толкучке, где у нас продавали все, начиная от старого тряпья до персидских ковров и драгоценных камней.

— Да нет, мы с ребятами в Хасавюрт на субботу ездили. Тоже неплохое время провели, — соврал я, чтобы не показать ему, что я в воровском деле кумекаю плоховато.

— Как тебя звать? — выпалил я, чтобы переменить разговор.

— Меня — Ата, — как ни в чем не бывало отозвался он.

— Куда мы сегодня? — поинтересовался я.

— Все туда же — туда всегда ходим, — ответил он, не говоря, впрочем, куда именно.

Пришел Рома с товарищем и мы двинулись в путь.

— Ну что, Ази, дома тебя ругали, когда ты под утро пришел? — спросил Рома.

— Я привык.

По дороге Рома познакомил меня и с другим парнем: того звали Ага. Рома также рассказал им все, что знал обо мне. Мое общество их вполне устраивало: да они и сами видели, как я играл, как вел себя во время игры.

Я надеялся, что откроет нам Эльмира, но на пороге оказалась незнакомая мне женщина лет сорока-сорока пяти. Эльмиры не было...

— Что это вы так поздно? — обратилась женщина к Аге.

Все начали оправдываться, что-то объясняли ей, называли какие-то имена. К нам навстречу вышел пожилой мужчина. "Наверное, хозяин", — подумал я. Рома и Ага поздоровались с ним на руку. Затем, оставив нас с Атой во дворе, они вошли в дом. Мы сели за стол под деревом.

Мне все это перестало нравиться. Я надеялся увидеть Эльмиру, посмотреть в ее глаза, улыбнуться ей. Неужели весь вечер ее не будет?.. Хотел даже спросить о ней у Аты, но воздержался. Было в Эльмире нечто магическое, влекущее, что заставляло меня постоянно думать о ней. "Неужели сегодня я не увижу ее?" — вновь подумалось мне.

— Ази! — послышался голос Ромы.

Я вошел в дом. За столом сидел мужчина, рядом — Ага, а Рома стоял.

— Хозяин дома хочет сказать тебе пару слов, — обратился он ко мне.

Выходит, я не ошибся: он и в самом деле хозяин...

— Мое имя Халид, — холодно сказал мужчина.

Мы обменялись рукопожатием.

— Мне рассказывали о тебе, — без улыбки произнес Халид. — Но я должен предупредить тебя еще раз. О том, что ты бываешь здесь, не должна знать ни одна живая душа. Все, что здесь происходит, — известно только тебе и им. Если хоть словечко из тебя выскочит — суровое наказание не замедлит явиться. Причем беда ждет не только тебя, но и твоих родных.

Коротко и ясно. Я понял, что этот дом —

притон воров, картежников и проституток. На воровском языке — "яма". Сам хозяин здесь не квартирует. Ему приносят ворованное добро, а он уж перепродает его в другие города.

— Фарида, — позвал хозяин. — Сделай ребятам все, чего пожелают, а мне дай стакан крепкого чаю, уходить пора.

Фарида постелила на стол во дворе скатерть. Было еще совсем светло и жарко. Мы принялись за игру. Играли с азартом, даже завязался спор между Ромой и здоровенным Агой: Рома обвинил его в мошенничестве. Я играл с осторожностью, чтобы не продуться: даже оставил на всякий случай часть денег про запас, в потайном кармане (загашнике).

Уже вечерело, когда в ворота постучали. Послышался женский смех и голоса. Пришла Эльмира! Я хотел было встать из-за стола, но пришедшие уже входили в дом. Да, это была Эльмира и другие девушки. Я успокоился и повеселел. Если сначала игра у меня не клеилась, то теперь словно крылья выросли, фортуна вновь повернулась ко мне лицом, я стал выигрывать и ни на что не обращал внимания. Не прошло и получаса, как две девушки внесли самовар, стаканы, сладости. Одна из них — Эльмира, а другую я не знал: в тот памятный вечер ее с нами не было. Незнакомка была молода, круглолица, со вздернутым носиком, но так тоща, будто с голоду помирала.

— Салям, — усмехаясь, обратилась к нам Эльмира.

— Салям-салям!

Другая девушка подошла к Аге. Она, вроде, жаловалась ему на что-то, но мне было не до нее. Спустя некоторое время Фарида — та, старая, — пригласила нас в дом. Я поднялся первым, сунул в карман деньги. В доме мы еще некоторое время продолжали игру, но втроем, так как Ага, сказав: "Приду часа через два, без меня не уходите", — удалился с девушкой.

Вернулся он немного раньше, но один. Прошел в кухню, шепнул что-то Фариде, и она быстро

одевшись, ушла. Ага сел с нами.

Фарида, после довольно длительного отсутствия, возвратилась с тремя девушками. Одну из них я узнал — это была блондинка, приятельница Аги. Они поздоровались и поднялись на второй этаж.

Было уже около десяти вечера. Я проголодался, но подозревал, что сегодня нас кормить не станут.

На этот раз я в конце-концов проигрался. Деньги вылетели все до копеечки, и я начал игру в долг, взяв у Ромы. На мое счастье он и сам решил прекратить игру.

Закон карточной игры следующий. Проиграв свои деньги, можно и задолжать, но ты обязан уплатить проигранное и занятое вещами или ценностями в определенный срок. Иначе к тебе прилипала кличка "заигранный". Узнав об этом, воровской мир начинал избегать тебя. Этого я боялся до смерти, да и не я один, разумеется.

Накрывала на стол на этот раз Фарида. Все мы как следует проголодались. Об игре за столом не вспоминали.

Рома предложил пойти на одно весьма выгодное дело, но сказал, что для успешного результата потребуется еще один человек: "Втроем это нам не под силу, а чужого я приглашать не хочу. Вот если бы Ази согласился... Хор-роший куш!" Долго уговаривать меня не пришлось.

Вечером мы составили план. Договорились встретиться на другой день вечером после десяти в парке на улице Пушкина. Говорил по большей части один Рома. Остальные молчали, слушая его.

В комнату вошла Фарида, неся аппетитно пахнущее блюдо баранины под соусом.

— Подождите, ребята, сейчас я остальных позову и все сядем, — сказала она.

Показалась блондинка Аги, а к Роме подсела и тут же начала обниматься девушка лет восемнадцати-двадцати. Она подходила ему больше, чем та, что была прошлый раз. "Он, видать, их тут всех перепробовал", — подумалось мне.

А я остался один. А вдруг мне придется иметь

дело с Фаридой? Ну, нет — лучше пойти домой и больше вообще сюда приходить... Послышались шаги. Эльмира подошла и села возле меня.

Печаль мгновенно прошла. Я начал болтать и смеяться, спрашивать ее, почему она задержалась, почему невесела.

— Я была занята делами, оттого и не вышла сразу, но теперь я с тобой. Налей мне, пожалуйста.

Я исполнил ее просьбу, положил на ее тарелку соус и соленья.

Ребята и их партнерши были уже навеселе. Гулянка шла вовсю. Моя Эльмира выпила еще вина и теперь с наслаждением закусывала. Я уже был не новичок, и поспешил схватить ее за груди. Почувствовав хмель от выпитого, она и сама "завелась": обнимала, целовала меня, даже покусывала мои губы...

— Послушай, — оторвавшись от моего рта, внезапно заговорила она, — как тебя звать, я даже этого не знаю, а провела с тобой ночь... Эх, до чего я дошла!

— Ази...

— А ну-ка скажи мне, Ази, сколько девушек ты уже перевидел?

Это было для меня как обухом по голове. Врать мне не хотелось

— Ты даже целоваться не умеешь, — продолжала Эльмира.

Я тут же признался ей, что она у меня — первая. Услышав это, она оттолкнула меня и уставилась зверимыми глазами.

— Так я у тебя — первая?

— Да.

— Какой же ты вор, если до сих пор с девушками не баловался?! А-а, тебя только хотят сделать вором в этом доме, как меня — сделали проституткой... Сколько же тебе лет?

— Семнадцатый пошел.

Она громко засмеялась. Смеялась она долго, а я смотрел на нее и во мне закипала злоба. Я хотел даже ударить ее, но удержался.

— Юноша, — вдруг прекратив смех, сказала она, — так это я тебе "поломала" в семнадцать лет?

Мне казалось тогда, что она издевается надо мною. Но она по-своему жалела меня.

— Хорошо... Я научу тебя всему прекрасному, что только есть в интимной жизни. Всему, чему научили меня взрослые, после того, как я впервые познала мужчину.

Она вскочила из-за стола, обняла меня за шею так крепко, что я испугался: еще задушит... Но она запрокинула мою голову и начала осыпать меня поцелуями.

Мы поднялись в ее комнату, где и в прошлый раз мне побывать довелось. Проходя по коридору, мы слышали сладостные стоны и смех из других помещений — там забавлялись наши друзья. В комнату Эльмиры никто не имел права входить без спросу: ключи всегда были при ней. Она сама выбирала себе мужчин; приходилось ей быть и с Ромой, и с Агой. И сегодня — она выбрала опять меня, сегодня я был в ее объятиях...

В эту ночь она рассказала мне свою историю.

Эльмира была одинокой: ее отца убили на фронте, а мать вышла замуж за другого и с ним уехала в Баку. В этом доме Эльмира жила и раньше. Училась, а когда началась война, пошла работать санитаркой в госпиталь. Хозяева дома во время войны купили другой, еще более великолепный, а этот — превратили в притон. Долго Эльмира не сдавалась, живя в самой гуще распутства, но просуществовать на одну зарплату было невозможно. В 1942 году Халид — хозяин дома, взял ее девственницей... Поддавшись уговорам Фариды, она согласилась проводить время с ворами и картежниками. Это далось ей нелегко, но иного выхода не было: иначе не выжить было в те страшные годы, когда буханка хлеба стоила тысячу - тысячу пятьсот рублей. Следует принять во внимание и ее юный возраст: когда началась война и она осталась безо всякой поддержки, ей было семнадцать. Нынче ей был двадцать один, но она следила за своей

внешностью, и никто не давал ей ее лет.

...Мы оставались в ее комнате, куда я не услышал, что Рома зовет меня. Надо было уходить.

Мы ушли с Ромой и Ата, а здоровяк Ага остался ночевать, как и в прошлый раз.

Прошло два дня. Идти мне не очень-то и хотелось, но меня мучил долг Роме, который я обещал вернуть в субботу.

В десять вечера я явился на условленное место, как договорились.

Мы шли грабить жилье состоятельного человека, хорошо знакомого Роме. Хозяева отправились куда-то, оставив дом без присмотра, о чем Рома был прекрасно осведомлен: он давно уже следил за этими людьми, но удобного случая до сих пор не представилось... Владелец дома заведовал какой-то базой и был очень богат.

По плану я входил в дом вместе с Ромой. Ага стоял за калиткой во дворе, Ата — в случае опасности, обязан был оповестить нас свистом, находясь на улице.

Ключи и отмычки были у Ромы. Он владел ими искусно и я с удивлением наблюдал, как быстро он расправляется с замками.

Квартира была обставлена соответственно доходам хозяина: прекрасная мебель, ковры на стенах и на полу. Долго не раздумывая, Рома открыл шкаф. Нащупал в его глубине шкатулку, открыл ее, высыпал содержимое в карманы. Затем мы направились в другую комнату — эта оказалась спальней. Рома приподнял матрац на постели, распорол его по шву, засунул внутрь руку и стал там шарить. Все, что хотелось, он молча перебрасывал мне. Это были пачки денег, все — новенькие срублевки. Я не успевал распахивать их по карманам. Закончив, Рома тщательно заправил постель.

— Ну, Ази, достаточно, пошли, — он действовал столь четко и элегантно, что, казалось, все совершилось само собой. Я думал, что это — отработанный воровской стиль, но нет — это оказалось совсем иным...

Я пошел вперед, он — за мной. Закрыв замок. Ага, заметив нас, распахнул калитку, посмотрел по сторонам, вышел. За ним я, затем — Рома. Я должен был встретиться с Агой на углу. В свою очередь Рома, встретившись с Ата, шли к яме другой дорогой.

У калитки ямы поджидала нас Фарида.

За все прошедшее время я не мог вымолвить ни единого слова, да и сейчас мы сидели за столом, как немые. Заветный "груз" был у меня в карманах и за пазухой.

Вскоре вошли Рома и Ата, за ними — Фарида. На лестнице послышались шаги хозяина.

— Ну как, ребята, все в порядке?

— Да, — ответил Рома за всех.

— Давайте все наверх, а ты, Фарида, приготовь стол. Да чтоб весело было за столом, только, ребята, без шума.

Безмолвно мы двинулись за ним. Проходя мимо комнаты Эльмиры, я чуть было не приоткрыл дверь, но не решился. Мы вошли в одно из верхних помещений. Повидимому, это была хозяйская спальня: мягкая двуспальная кровать, стол, шесть стульев.

Мы расселись, а Рома принялся выкладывать на стол все, что обнаружил в шкатулке. Здесь были золотые серьги и кольца, множество цепочек, бусы, золотые монеты, какие-то светящиеся камни (лишь потом я узнал, что это брильянты), еще различные украшения.

Вслед за Ромой настала моя очередь. Я выложил из карманов и из-за пазухи деньги. Они были сложены аккуратными пачками. В каждой — сто сторублевых ассигнаций — всего одиннадцать пачек.

Увидев все это, сваленное в одну кучу, я ужаснулся. Да ведь это целое состояние, награбленное за каких-нибудь полчаса! Так вот почему они всегда при деньгах, пьют, едят и веселятся...

— А теперь — давайте-ка все разделим по-честному, — произнес хозяин. — Нас в деле — восемь человек.

— Конечно, — поспешно согласились Рома и Ага.

И тогда я сообразил, что нас — меня и Ата — хотят обматуть.

— Разделите деньги, — продолжил хозяин, — а уж золото мы сами... Вам оно все равно не нужно: потащите продавать и подпалитесь.

Спорить мы не стали. Хозяин сам взялся за дележку. Мне он вручил две пачки. Из третьей выгасил несколько бумажек, а остальное также положил передо мной.

— Рома, ты мне сколько должен? — спросил хозяин.

Была названа какая-то сумма. Оказалось, что и остальные были должниками хозяина.

— А ты, — обернулся он в мою сторону, — все деньги с собой не бери. Оставь у Фариды. Когда понадобится — будешь понемногу брать.

Я оставил две непечатых пачки у Фариды, рассчитался с Ромой. У меня осталось пять тысяч двести рублей.

— Ну, а теперь — ужинать! — другим голосом сказал хозяин. — Потопали вниз. Сегодня все за мой счет! Только без шума, — еще раз предупредил он. — Я ухожу. Кто хочет остаться ночевать — пожалуйста. Я Фариду предупредил, она вас разместит.

Стол был накрыт особенно пышно. Мы принялись за еду. Страх все еще не покидал меня. Ведь на такое дело я еще никогда не ходил, да и столько денег — в глаза не видывал. А золото, а все остальное...

Фарида кликнула девушек.

Мужчина теряет над собой контроль, когда появляется перед ним желанная женщина. Ничего подобного я раньше не знал, — да и девушек у меня не было. А нынче, когда возникает передо мною она, Эльмира, исчезает страх, забывается прошедшее, не думается о будущем; куда-то исчезает работа, дом — все-все. Я не понимал, отчего это так, только ли со мною происходят подобные чудеса, или это у всех... Как это было

важно для меня, но спросить, посоветоваться было не с кем.

Я обнял Эльмиру, прижался к ней. Страх леденил меня, и я дрожал в теплой комнате.

— Ты чего дрожишь? — прошептала она.

— Так... Что-то морозит...

— Может, ты боишься?

— Нет! Мне бояться нечего... Разве что тебя, — неловко отшутился я и небрежно поцеловал ее в щеку.

Я устал от всего пережитого и предложил Эльмире не теряя времени, подняться наверх.

— Ты стал смелый и опытный, как все настоящие мужчины, — одобрительно отозвалась она. — Пошли!

В комнате, раздеваясь, она спросила, не собираюсь ли я, как и другие, остаться ночевать. Я был несколько ошарашен. Помедлив с ответом, я поинтересовался: "А можно?" — "Да почему ж нет? Если все остаются, значит и тебе можно" — "Только мне утром на работу. Ты меня разбуди". — "Не беспокойся, разбужу. Мне ведь тоже надо на работу, только чуть позже".

Я проснулся рано — еще не было семи. Вечером Эльмира забыла закрыть окно, и утренний свет разбудил меня. Сама она еще спала. В тишине я слышал ее тихое дыхание. Осторожно, стараясь не разбудить ее, я поднялся. Но она все-таки проснулась и спросила сонным шепотом: — "Ты уже уходишь? Который час?" На будильнике было без десяти семь. — "Рано еще. Полежи со мной немножко" — попросила она.

Мы еще чуть-чуть понежились. Наконец я встал. Умылся, оделся. В доме все спали, кроме Фариды.

Вернулся в комнату Эльмиры. Она вновь дремала. Одеяло сползло с нее, и я нежно закутал ее поплотнее. Она поцеловала меня.

— Я бы хотел у тебя деньги оставить — на хранение. Хорошо?

— Положи ко мне под подушку...

Когда я наклонился над ней, она снова обняла меня и горячо поцеловала.

— Иди-иди, а то опоздаешь. В субботу придешь?

— Еще не знаю.

Я подумал, что ей все-таки сладко со мной. За эти три встречи она научила меня многому...

В самом деле, с тех пор, как я познал ее, я как-то сразу возмужал и стал смотреть на мир другими глазами. Все больше затягивало меня воровское житье, — ибо я отлично понимал: не будет у меня денег — никогда не смогу я встречаться с Эльмирой, да и вообще посещать этот дом. Придется вернуться в ту скуку, в которой я жил до встречи с Ромой — и с Эльмирой...

Это они — и, разумеется, хозяин ямы, — наполнили мою душу тем непроницаемо-черным мраком, что привел меня в тюрьмы и лагеря. Но именно эти годы скитаний дали мне понять что есть зло, а что — добро, научили разбираться в людях. Скитаясь из тюрьмы в тюрьму, из зоны в зону, из ссылки — в ссылку, я часто вспоминал Рому и его друзей. И никогда не забывал Эльмиру. Она, и только она поселила во мне доброту и ненависть, научила различать друзей и врагов...

Нет, она не была проституткой, — я готов тысячу раз прокричать это во всю глотку. Нет, нет и нет! Она была жертвой. Жертвой голода и нужды, тоски и безысходности...

х х х

Города и села Дагестана остались без мужчин и молодежи. На улицах пухли и умирали от голода дети и старики. молодые женщины мучились без кормильцев, с младенцами на руках. Они просили хлеба, а "хозяева республики" и не слышали предсмертных воплей.

Начальство, в руках которого была сосредоточена власть над беспомощными людьми, взапуски благоустраивалось, строило роскошные дома, а народ — перебивался как придется. Ведь начальству не приходилось по суткам стоять в очередях, они не приходили в свои неотопленные жилища измученные, голодные, озябшие... Они и в глаза не видели карточек, а все получали "с черного хода" — самое лучшее, отборное. Постоянная давящая, иссушающая

нужда и заставила женщин, подобных Эльмире, переступить через стыд. Голод и холод — не лучший страж женской чистоты и стыдливости, и голодная смерть, что все ближе и ближе, — разве она не сильнее девической чести?! Эльмира была одна из сотен тысяч...

Халид — хозяин ямы — взял ее насильно. И не было на него никакой управы, потому что и он был властью, пусть маленькой, но властью.

Мы должны простить этим женщинам — на путь греха их привела не распутная страсть, не жажда наслаждений, а жестокая судьба.

Но есть и другая категория женщин. Они бесятся с жиру, от сытой жизни, от безделья. Надоедает им муж — и они находят себе любовников. Таких я презираю от всего сердца, ненавижу. Они-то и есть — падшие, грязные, лживые проститутки...

А Халид... Ну что же, таких людей всегда хватало во времена войн и голода. Они также вели войну, но свою личную; обогащались, толкали сирот на путь воровства и разврата. Ведь это именно Халид организовал мою первую кражу! Ведь это в дом его друга мы и пошли, именно он и устроил вечеринку, чтобы дом остался пустым и мы могли действовать без помех!

Деньги он отдал нам все, но огромное богатство — золото и драгоценности — досталось только ему.

А разве Фарида, муж которой погиб на фронте, не была всего лишь послушным орудием в его руках?

Но и Халид был мелкой сошкой. А были и значительно крупней. Они не организовывали налетов, нет! Они "всего лишь" грабили людей, давая им куски черствого хлеба в обмен на драгоценности — ведь золото есть не станешь! А откуда брался этот хлеб? От обвешивания других бедняков, которые долгими часами стояли перед магазином, надеясь получить по своим карточкам жалкий паек.

Остановить время невозможно. Иногда, оглядываясь на прошлое, сожалеешь, что все проскочило так быстро, так незаметно, так безвозвратно... И

ничего не успел полезного сделать: ни для самого себя, ни для других.

Горько думать о долгих-долгих годах, проведенных в тюрьмах, далекой Сибири, в лагерях, на пересылках, когда, словно скотину, перепихивали тебя из вагона в вагон... А за что? Мальчишкой, законы Страны Советов в компании с Халидом, превратили тебя в преступника, изуродовали... Закон и власть учили: превращайте людей в воров и убийц, проституток и злодеев. Тогда они и станут "настоящими советскими людьми", с которыми можно делать что угодно, ибо голод, страх, ложь растлили их души. Так оно и было...

х х х

Работа моя в мастерской шла своим чередом. Время в ней тянулось необыкновенно долго. Я с трудом дожидался конца рабочего дня.

Ну, а после работы меня, как всегда, влекло в компанию воров и карточных игроков. Иногда я самостоятельно отправлялся на пассажирский вокзал, чтобы стянуть кое-что: ведь карты требовали денег. Словом, двигался по воровской дорожке, не оглядываясь.

У Халида я бывал не слишком часто, примерно, раз в неделю. Там шел кутеж, девушки и прочие развращения. Но главное — это игра; за пару месяцев я продулся полностью и окончательно. Все, что удалось накрасть в компании с Ромой, и все, что накрал после самостоятельно. На дело в компании с Ромой я, впрочем, больше не ходил, да и они меня не приглашали. Мне и самому нравилось действовать в одиночку: свидетелей нет и доход весь остается. Я лазил по карманам, снимал цепочки и часы. Все это я сдавал хозяину.

За карманное воровство часто ловили, — я это слышал, и сам, понятно, видел, — сажали в тюрьмы, а малолеток отправляли в детские колонии.

Меня это не страшило. Я лез напролом; бывало так, что если мне известно было какое-либо лицо, у которого наверняка найдется для меня пожива, я

упорно преследовал облюбованную жертву до тех пор, покуда не достигал желаемого.

Так случилось и в ноябре 1944 года.

Дело было в субботу. В мастерскую я не пошел, потому что у меня больше не оставалось денег для ближайшего воскресного похода в яму. А без денег я туда не ходил.

Война подходила к концу. Советские армии успешно наступали по всем фронтам. Так что и беженцы начали помаленьку возвращаться по своим заброшенным домам.

Как обычно в субботу из Махачкалы отправлялись поезда во все концы страны. Я прогуливался по перрону в ожидания поезда. Народу было много, — как всегда в такое время. Многие уезжали семьями, иные — "на разведку", оставив детей покуда на месте. Никто в этой многолюдной толпе не обращал на меня внимания.

До прихода поезда оставалось не более получаса, а я все еще не высмотрел себе жертву. Вдруг кто-то толкнул меня в спину, отодвигая в сторону. Я посмотрел на грубияна в упор. Одет он был превосходно: заграничное кожаное пальто, на шее — красный шарф тонкой шерсти. В руках он держал два огромных чемодана.

— Ты чего?! — заорал я.

— Не путайся под ногами, — отбарабанил он на ломанном русском.

Мне стало ясно, что это не беженец, а профессиональный спекулянт, едущий продавать свои товары в Россию.

Я решил проследить за ним. Незаметно двинулся вслед, украдкой прощупал карманы его пальто. Затем — и брюк. Наконец подали сигнал посадки. Все поднялись со своих мест: кто с детишками на плечах, кто с пожитками, — подходили к подъезжающему поезду. По всему перрону поднялся вой, крик, детский плач, ругань — все смешалось в непроходящий гул. Каждому хотелось прорваться первым, и мой спекулянт изо всех сил работал ногами и локтями. Я шел за ним как прилепленный.

Он, разумеется, не замечал меня, давно забыв о нашем столкновении.

Поезд был подан. Двери распахнулись и посадка началась. Вскипели водовороты человеческих тел: очередность и порядок не соблюдались — собственно, и соблюдать-то их возможности не было. Я выбрал подходящий момент: рукой приподнимая пальто, — так тяжела была добротная кожа! — другой проник в карман его брюк. Почувствовал какой-то твердый предмет: конечно, кошелек. Я хотел было извлечь руку с зажатой в ней добычей, как на мою ногу рухнуло что-то тяжелое. Это "клиент" с силой бросил мне на пальцы ноги свой чемоданище... Он вцепился в мою руку с кошельком, а свободной рукой принялся бить меня, вопя что-то в толпу. Окружающие расступились, а доброхоты начали призывать милицию. Милиция незамедлила явиться. Когда дежурный подошел, спекулянт продолжал отделять меня, обильно приправляя побои — матерщиной. Я не стерпел и со всей мочи въехал ему ногой под низ живота. Он взвыл, а вокруг раздались одобрительные возгласы: "Правильно, хорошо треснул по яйцам!" С полминуты он не мог прийти в себя, держась за пах. Но бежать я не мог: милиционер крепко держал меня за руки.

— Гражданин, пройдемте в отделение, — сказал милиционер.

— Как в отделение?! — в ужасе закричал спекулянт. — Мне ехать надо! У меня билет на поезд. Вы вот его в отделение берите: он у меня кошелек хотел выгащить! — Он все еще едва выговаривал слова, так как боль — не проходила. — Его и берите...

Толпа постепенно уменьшалась: поезд вот-вот должен был отправляться. "Клиент" ухватился за свои чемоданы и бросился к вагону.

— Гражданин, — настойчиво произнес милиционер, — пройдемте в отделение. И предъявите документы.

— Товарищ начальник, мне же ехать надо! Меня

в Ростове родные ждут! Этот мальчик залез ко мне в карман, а больше я, честное слово, ничего не знаю...

Милиционер взял один из его чемоданов и предложил ему следовать за собой. Другой рукой он придеривал меня, да так крепко, что я и пошевелинуться не мог. Спекулянт повиновался — выхода не было. У меня сильно болела голова и ушибленная нога. Стыдно было смотреть по сторонам. Я боялся, что нам навстречу попадутся знакомые, но на мое счастье никого не оказалось.

Нас привели в вокзальное отделение. По пути спекулянт усиленно уговаривал милиционера отпустить его, уверял, что его ждет семья. Мол, завтра они договорились встретиться в Ростове... Это ни к чему не привело.

Меня отвели в какую-то комнату (я даже не знал, что это и есть моя первая тюремная камера). Там сидело несколько мальчишек. Никого из них я не знал. Из их разговоров между собой я понял, что их снимали с поездов как беспризорных. Через два часа меня вызвали.

За столом сидел тридцатилетний милиционерский с офицерскими значками. Меня подтолкнули к столу.

— Сядь, — раздался грозный голос офицера.

Только теперь я заметил, что в кабинете находился и тот — со своими чемоданами он разместился в уголке.

— Фамилия?

— Абрамов.

— Имя?

— Иерухам...

— Год рождения?

— 1929.

— Место проживания, адрес полностью.

Вот тут-то я запнулся: очень не хотелось отвечать, но я смертельно боялся побоев. Да и все равно узнают... А Рома мне давно еще рассказывал, как бьют в милиции.

— Я проживаю на улице Сулеймана Стальского

— Работаешь?

— В часовой мастерской, учеником...

Все, мною сказанное, милицейский записывал. Закончив, он отложил ручку.

— Ты этого человека знаешь? — и он кивком головы указал на спекулянта.

— Нет...

— Что ты на вокзале делал? Почему не на работе?

— Опоздал... Проспал... А на вокзале — так просто, гулял, хотел к морю пойти, на берегу посидеть...

— Правду говори! — закричал вдруг офицер. — Нечего нас за нос водить! Я тебя, сволочь, выведу на чистую воду, — размахивал он руками. — Хотел, видите ли, на морском бережку посидеть в такую погоду!.. Подожди, я тебе сделаю здесь холодную ванну, так ты век будешь помнить!

Он рывком встал из-за стола, подошел ко мне, поглядел в упор. Я подумал, что вот сейчас он меня ударит, и весь сжался.

— Ты раньше в милицию попадал? — спросил он несколько помягче.

— Никогда.

— Магомедов, позвал он кого-то, приоткрыв дверь. В ответ послышалось: "Здесь, товарищ следователь!" — Позвоните и узнайте в горотделе, такой задерживался ли ранее, — с этими словами следователь протянул невидимому мне Магомедову только что исписанный лист бумаги.

— Ладно, — следователь вновь уселся за стол. — Так зачем ты ему в карман полез? Вор? Карманник?

— Нет-нет, — поторопился ответить я.

— А тогда за что ж он тебя лупил?

Я вовремя вспомнил, с чего началась эта встреча: спекулянт толкнул меня на перроне. Да и нога все еще давала знать о себе. Когда я в камере снял ботинок, то увидел, что два пальца у меня на ноге вспухли и посинели. Все это я и рассказал следователю, прибавив, что я пошел к поезду, чтобы отомстить обидчику... А тут началась посадка,

на ногу мне что-то тяжелое свалилось, так что я даже закричал от боли, а он — я кивнул на сидящего в углу, — схватил меня за руку и принялся бить. Ну, я ему и ответил: стукнул промеж ног. А остальное, мол, вы сами знаете...

В дверь постучали. Вошел по-видимому тот самый Магомедов. Он что-то прошептал следователю на ухо и удалился.

— На дело давно ходишь? — после недолгого размышления спросил следователь.

— На какое еще дело? — я прикинулся, будто ничего не понимаю.

— Один был на вокзале?

— Один!

— А дружки твои где?

— Нет у меня никаких дружков, я к морю шел...

— Неправда, негодяй, — завопил внезапно из своего угла долго молчавший спекулянт. — Я твою руку у себя в кармане поймал, потому и бросил чемодан...

— Замолчи! — гаркнул следователь. — Тебя не спросили!

— Ведь я знаю, — продолжал он, что ты пошел за ним в толпу, чтобы карманы его очистить. Свидетели показывают, что видели у тебя в руках его кошелек. А ты мне байки травишь.

Он поднялся из-за стола, открыл двери и позвал милиционера. Меня отвели в камеру.

Там я пробыл несколько дней. На допросы меня больше не вызывали. Меня это страшно мучало: ведь неизвестность дальнейшего страшнее всего... В голове вертелись тяжелые мысли: сколько дадут, куда пошлют... Ночи я проводил, не смыкая глаз. Так продолжалось долго, а потом я словно смирился со своим положением и перестал переживать.

На четвертый день о том, что меня арестовали, узнали дома и на работе. Отец и мать пришли ко мне. Меня вывели к ним в коридор. Они бранили

меня и одновременно утешали. Мать плакала, а отец был молчалив. Я чувствовал, что душа его разрывается на части... Он рассказал мне, что судить меня собираются за воровство и как несовершеннолетнего отправят в детскую колонию. Я все это слушал, а хотелось мне одного: сейчас же пойти с ними в наш дом, выспаться в теплой постели, утром отправиться в мою мастерскую — и все забыть, забыть к черту!..

В эту ночь я нова не спал: горькие думы не давали даже вздремнуть.

Утром меня вновь вызвали на допрос. Допрашивал меня другой следователь, седой, в гражданском. Через день после этого допроса меня перевели в городскую тюрьму — в камеру предварительного заключения. Мать приносила мне передачи, но свидания нам не давали. А мне так хотелось увидеть ее, отца, сестер...

Как-то раз нас вывели на обычную пятнадцатиминутную прогулку на тюремный двор. Прохаживаясь, я заметил пожилого человека в форме охраны. Аккуратно заправленная гимнастерка, шапка-ушанка, на ремне кобура. Он направился в сторону туалета. Покуда он находился там, я все думал, где я видел его раньше, откуда знаю. И наконец — вспомнил: это был Халид — "хозяин", как все мы его называли...

Я решил подобраться поближе к туалетам.

— Куда пошел, арестованный, — раздался окрик дежурного.

Я остановился. Продолжил прогулку, стараясь, однако, держаться поближе к дорожке, ведущей к туалетам.

Хозяин вышел. Спокойным размеренным шагом зашагал в кабинет дежурного. Когда он поровнялся со мной, то поднял глаза, всмотрелся — и без малейшего удивления продолжал свой путь.

Я был убежден, что это хозяин. да как же это?! Ведь он владелец ямы, притона воров и проституток...

Нас загнали обратно по камерам, а я все никак

не мог опомниться от этой встречи на тюремном дворе: не понимал, как он очутился здесь, среди блюстителей закона...

В войну людей долго в тюрьмах не задерживали. Дело спешно передавалось в суд, там и решалась судьба арестованного. Для "демократии" придавали подсудимому защитника — и процесс начинался. Такой процесс, как мой, длился от силы часа полтора в полупустом зале.

Как-то меня вызвали в дежурку. Я надеялся, что встречу там хозяина, но вместо него увидел мужчину лет пятидесяти, с коротко подстриженными усами, в шинели без погон.

— Гражданин Абрамов? — осведомился он, увидев меня.

— Да.

— Меня назначили твоим адвокатом.

Я и слова такого не знал, но утвердительно кивнул, будто мне все ясно. Мужчина представился полным именем, затем вышел в соседнюю комнату. Туда же немедленно вывели и меня. Посадили на стул — и все началось сначала. После стандартных вопросов он прямо спросил, что заставило меня лазить по карманам? Ну, вот, в частности в карманы гражданина Абдухамилова?..

— Какого Хамилова?! — заволновался я. — Знать я никого не знаю! И вообще ни к кому в карман не лазил! — резко отрубил я.

— Ты, Абрамов, успокойся. Известно, что на вокзале ты совершил попытку обворовать Абдухамилова, полез к нему в карман за бумажником. Имеются показания свидетелей.

Я уже владел собою. Принялся доказывать, что ничего такого и в мыслях не держал, а в толпу за этим Хамиловым пошел, чтобы отомстить ему за удар. А когда упал чемодан, я согнулся от боли. Здесь-то мне на глаза попался лежащий на асфальте бумажник — и я его поднял. В это время он схватил меня за руку... Словом, я упорно держался своего.

— Так ты это подтверждаешь?

— Да!

На этом наша беседа закончилась. Мужчина сообщил, что суд состоится через несколько дней. Судья Гусейнова. "Женщина", — подумал я, но промолчал, не стал интересоваться.

Меня вернули в камеру. У соседей я спросил, что такое "адвокат". Защитник, — объяснили мне. Вот это слово было мне знакомо и понятно.

Через день мне сообщили, что суд назначен на восьмое декабря. Оставалось еще девять дней.

Миновало пятое декабря: "День Конституции". Наступил день суда. Мне было жутковато, но мои соседи по камере успокаивали меня. Ведь и их должны были судить вместе со мною: всего шесть человек зараз.

В десять часов утра нас начали выкликать по фамилиям: "...Абрамов, на выход!" — раздалось в камере. Все вызванные поднялись. Их вывели. Это были мелкие воришки; промышляли, как, впрочем, и я сам, на базаре. Двое — какие-то Камилов и Смирнов — шли за воровство в квартире и ограбление продуктового магазина.

Нас усадили в "воронок". Машина остановилась у здания городского суда Махачкалы. Выходя из кузова, я заметил отца и хозяина мастерской. Мать тоже была рядом.

— Ази, — воскликнула мать.

Я повернулся на ее голос, и стыдно мне стало глядеть ей в глаза. Я вдруг сильно озяб, но и в самом деле было холодно — ветер, снег... Нас завели в здание суда и всех вместе посадили в какую-то комнату.

Первыми вызвали Камилова и Смирнова: это были ребята постарше, восемнадцатилетние. Шли они по второй судимости: успели отсидеть по городу в детских исправительно-трудовых колониях. Разбирательство длилось около двух часов. Каждый получил еще по году тех же детских колоний...

— Абрамов! — услышал я голос за дверью.

Словно сирена, он ввинтился в мои уши.

Я оказался в зале суда, сидящим на скамье подсудимых. Меня заранее предупредили, чтоб на вопросы я отвечал четко и ясно, а к присутствующим в зале — не оборачивался. Эту "консультацию" дали мне еще и ребята в камере.

Возвышение, где стояли судейские кресла, оставалось пустым...

— Суд идет! — заорали в зале. Все присутствующие встали, и я с ними.

Первой вошла в зал женщина средних лет в пальто внакидку. За нею двое заседателей. Судья заняла среднее место, а заседатели разместились по сторонам.

Слушание дела началось.

— Абрамов, встаньте, — обратилась ко мне судья нежным женским голосом.

Я встал — и началась уже знакомая мне процедура с именем, фамилией, адресом и т.д. Затем пошли вопросы.

— Раньше судились?

— Нет.

— Знаете, в чем обвиняетесь?

— Да.

— Признаете себя виновным?

— Нет!

— Что имеете сообщить суду по существу дела?

Я повторил все, что ранее твердил следователю и адвокату. Коротко и ясно. Однако, я отлично видел, что судья совсем не прислушивается к моим словам: листает какие-то бумаги и временами — поглаживает на меня искоса. Это необычайно нервировало меня.

Когда я закончил свой рассказ, она обратилась к прокурору и адвокату: "Есть вопросы к подсудимому?" Оба отрицательно покачали головами.

— Абдухамитов! — скомандовала судья.

— У меня екнуло сердце. В зал под конвоем ввели того самого, с чемоданами, в красном шарфе... Разумеется, ничего этого при нем не было: он заметно похудел и осунулся, так что и узнать

его было трудно.

— Расскажите по существу.

Поблекшим голосом он повторил свои показания. Сразу после этого его вывели из зала. Больше я его не встречал, но позже мне сказали, что он был осужден на восемь лет за спекуляцию...

Больше свидетелей не было. Выступил прокурор, который просил для меня год детских колоний. За ним выступил адвокат, предложивший оправдать меня, так как никаких прямых доказательств моей вины нет. Адвокат зачитал также просьбу "коллектива" моей мастерской, где меня характеризовали как отличного работника, предлагали взять на поруки.

Судья поднялась со своего кресла. За нею, словно по команде, подскочили и все остальные. Вышли... Минут через пятнадцать раздалось: "Суд идет!" Вновь присутствующие поднялись на ноги.

Зачитали текст приговора. Я был оправдан, как несовершеннолетний.

Проделав все формальности, я ушел из зала суда вместе с родителями. Домой! Мне даже не верилось... Выходя из зала, я увидел человека в форменной шинели, которого повстречал на тюремном дворе. Он прошагал вглубь помещения... Я не ошибся: это был "хозяин".

Лишь после я узнал, во что обошлось мое оправдание: двенадцать тысяч рублей. Взятка, которую с трудом собрали мои родители. Меня это бесило больше всего... Сыграл свою роль и "хозяин". Он, оказывается, специально приходил в суд — боялся, что я по молодости "расколуюсь" и всех выдам. Но так как этого не произошло, то впоследствии он при всех бурно хвалил меня за выдержку и молчание в тюрьме и во время процесса...

Первое испытание я выдержал.

Наступил 1945-й. Я сидел в мастерской. Весной вести с фронта были радостными: немцы фактически проиграли войну.

В один из весенних дней мне крепко захотелось

сходить в яму. Прямо отправиться туда я не решился: ведь почти четыре месяца не был, кто знает, как обстоят там дела... Был субботний вечер, прохладно. Я оделся потеплее и отправился на поиски ребят. Но все было безуспешно — их не было ни в одном из тех мест, где, по моим расчетам, они могли бы оказаться. Желание становилось все сильнее. Особенно хотелось вновь повидать Эльмиру, — да и других девушек, которых я познал там... Я принял решение пойти прямо к дому, но только, чтобы остаться до поры до времени незамеченным: вдруг меня не впустят, вдруг все покинули этот гостеприимный дом... Я заметил, что околачиваясь возле ворот, разговариваю сам с собой, повторяя вслух тревожащие меня вопросы.

Прохаживался я, впрочем, так, чтобы сразу заметить меня было невозможно...

Шло время. Было уже восемь часов вечера. Шел мелкий противный дождь с ветром, и я продрог и промок до костей. Но в то мгновение, когда я уже решился было уйти, послышались знакомые голоса. Ребята, конечно, не ожидали увидеть меня, и я двинулся к ним навстречу... Поравнявшись с ними, я поздоровался, как ни в чем не бывало.

— Ази! Ты что здесь делаешь? — воскликнул Рома.

— Ждал вас. Весь промок, хотел уже домой уйти.

— Давно стоишь?

— Да что-то около часу.

— Ты вот что, Ази, — несколько нерешительно сказал Рома, — мы пойдем, а ты после подойди... Минут через десять-пятнадцать... Если хвоста не будет. Войдешь без стука, понял?

Они направлялись к дому, а я продолжил свою вынужденную прогулку. Когда они скрылись за углом, я окинул взглядом улицу, заглянул в ближайшие переулки. Везде было тихо, ни души — погода особенно к прогулкам не располагала. Покрутившись еще чуть-чуть, я пошел по направле-

нию к дому. Встретил меня Ата.

— Порядок? — негромко осведомился он.

— Да-да, пошли скорее, я совсем замерз.

Наконец-то я очутился в тепло натопленной комнате ямы...

Снял насквозь мокрую телогрейку, сапоги, и поспешил присесть за стол. вошла Фарида, поздоровалась, спросила: "Как дела?" Я на все ответил вежливо и степенно, будто ничего не случилось.

Общество с удовольствием выслушало мой рассказ о произошедшем. Я рассказал все, опустив только свою встречу с "хозяином": мне почему-то не хотелось сообщать им об этом.

— Я всегда знал, что ты выдержишь, Ази, — подытожил мой рассказ Рома.

— Молодец, старина, — присоединился к нему Ага.

На этом разговоры закончились, и на столе появились карты.

— Ты, Ази, сыграешь? — спросил Ага.

— Нет-нет, — ответил за меня Рома, — он пусть отдыхает сегодня. Да и с деньгами у него, небось, не слишком...

Он буквально не дал мне открыть рта. Это было очень обидно.

— Деньги-то найдутся, — веско заметил я. — Но мне что-то холодно.

— Ничего, старина, — крепко хлопнул меня по плечу Ага. — Часика через два согреешься в постели! Возьмешь милую девушку, она тебя согреет. Так и забудешь, что на улице холодно тебе было!.. Ха-ха-ха...

Его хохот передался и остальным. Ничего в этом плохого не было, но опять мне стало обидно от их лукавого смеха...

Подали, как всегда, чай с вареньем. Эльмиры в доме не было, это было ясно.

В игре я в этот вечер действительно не участвовал — не хотелось брать у них в долг. я просто решил подождать, чем закончится сегодняш-

ний вечер.

Вновь появилась Фарида, вся мокрая, а за нею показались и девушки. Одна из них прямо с порога подошла к Аге и прикоснулась ладонями к его щекам. Тот подскочил: "Ты вся холодная, как лягушка!" — "А ты согрей меня, если можешь!"

— Ладно, давайте, раздевайтесь, — сказал Рома.

Три девушки были мне знакомы, а четвертую я видел впервые. Она явно предназначалась для меня, так что теперь окончательно ясно было — Эльмиры нет и не будет...

— Ну, наигрались — и хватит, — сказала показавшаяся из кухни Фарида. — Девушки хотят веселиться, время позднее.

Все наши "дамы" совместными усилиями накрыли стол. Вскоре выпитое дало о себе знать. Девушки без особого стеснения занялись нами, да и мы не оставались в долгу. Сидящая возле меня старалась изо всех сил. Я не отставал от нее, но — с Эльмирой все это было иным... Мы раскрывались друг-друге, и отлично понимали каждое взаимное движение.

Словом, ночь мы провели на славу. Домой не пошли, так как дождь зарядил надолго, а на работу завтра идти не надо было — вечер был субботний...

х х х

Я вновь вернулся в мир воров. Стал заниматься делами покрупнее, чем карманные кражи. Иначе и быть не могло. Раз меня тянуло в этот мир, раз хотелось мне оставаться в нем — я должен был воровать, иного способа оставаться в воровском мире, разумеется, не существует.

Настал день 9 мая 1945 года. Победители ликовали, а с ними и мы — воры. В этот день никто не обращал на нас внимания, добыча была крупной. "Хозяин" позволил нам отпраздновать "день победы" в яме. Веселье продолжалось около

двух суток подряд... Я заранее предупредил родителей, что пировать буду с друзьями. Мать умоляла меня не ходить, но я настоял на своем.

Жизнь моя проходила однообразно: воровство, карты, проститутки. И не было на земле такой силы, что могла бы отвлечь меня от всего этого.

В том же году от тяжелой болезни скончалась моя мать. Долгое время я постоянно думал о ней. Приходили на ум невеселые мысли о всей нашей семье, об отце: как же он справится со всем? Ведь кроме меня в доме находилось четыре малолетних... Работу в мастерской после смерти матери я бросил и начал промышлять по-крупному.

Однажды на пути в Ростов я свел знакомство с настоящими профессиональными ворами. С ними я стал ездить по всем городам Кавказа и Закавказья. Часто неделями не бывал дома, если и появлялся, то дня на два-три, а потом — уезжал опять. Несмотря на мою юность, вору уважали меня как смелого и ловкого парня. У них я научился многому... В частности, я окончательно понял: нечем расплатиться — не играй. Иногда страшновато было глядеть на иные способы "расплаты": ничего не стоило заставить проигравшего раздеться догола и пробежаться по улицам в любое время дня и ночи, во всякую погоду. Но это были, так сказать, шутки: ведь выигравший мог — и делал это — опять-таки раздеть догола женщину посреди улицы... Словом, много было всяческих мерзостей. Ничего подобного в нашей яме я не видел. Вообще, Рома и его друзья стали казаться мне мелкими сошками в этом страшном мире.

Воочию увидев все эти ужасы, я, в очередной раз, решил порвать с новой компанией, поселиться дома, заняться каким-нибудь тихим делом. К тому времени у меня оказалось довольно много накопленных ценностей: драгоценности, деньги и кое-что еще.

Приехав домой, я получил от отца и от родственников солидный нагоняй. Они особенно

настаивали на том, чтобы я женился: мол, трудно, за младшими нужен уход... Однажды все мои родственники, среди которых преобладали родичи матери, предъявили мне ультиматум: или ты, Ази, окончательно уедешь из этого города и больше не вернешься, или — в память умершей матери твоей, — остепенись. Женишься, начнешь работать. Как все. Больше мы не позволим тебе позорить наш род! Я знал, что все это — дело рук моего отца, из всех сил старавшегося спасти меня и честь семьи; ему казалось, что женитьба как-то исправит положение. А я в свою очередь боялся даже этого слова... Жениться, думалось мне, значит — уничтожить все в себе. Пойдут дети, каждодневная скучная работенка... Как и мой отец, с утра до вечера я буду знать лишь одно: семья, дети, работа, дом, хозяйство... Я буду связан по рукам и ногам и никогда больше не веселиться мне с друзьями, не проводить ночи с нежными и многоопытными девчонками... Нет, нет и нет!!

Но родственникам удалось сломить мое упорство. Я поддался их уговорам: надоели ежедневные нарекания отца и всех тех, кто буквально не давал мне ни минуты покоя — ни дома, ни на улице.

2 мая 1946 года, когда мне исполнилось восемнадцать лет, была сыграна свадьба. Меня женили на моей близкой родственнице. Это была девушка из хорошей семьи. Она была верна мне и помогала всегда и во всем...

После женитьбы отец и родные принялись подыскивать для меня подходящую работу. Удалось выхлопотать у городских властей разрешения на будку для мелкого ремонта часов. Я начал работать самостоятельно. Поначалу приходилось нелегко, ведь те, кто знал кое-что о моем прошлом, не очень-то соглашались воспользоваться моими услугами в качестве часового мастера: как такому часы доверить? Но постепенно все наладилось. Работал я хорошо и заработал немалые деньги. И на другие дела совсем не оставалось времени.

Отец и все родственники души во мне не чаяли.

Только и было разговоров, как наш Ази исправился, как превосходно обставил квартиру, какие драгоценности подарил жене, как красиво он ее одевает... Одним словом, и на работе и дома царили покой и довольство.

Но так продолжалось недолго. Быть может, во мне что-то надломилось, сам не знаю. Но только все это семейное счастье мне наскучило. Я стал разыскивать старых приятелей. Они обо мне, можно сказать, позабыли, однако знали, что найти меня можно в будке "Ремонт часов". Как-то они даже навестили меня за работой. "Интересно, насколько тебя хватит, — глумились Рома с Агой. — Да! О тебе Эльмира спрашивала, просила привет передать..." — "Спасибо, — сдержанно отозвался я. — Передайте и вы ей привет...". С той поры они больше не появлялись. "Хозяин" тоже знал о переменах в моей жизни, но не вмешивался.

Все это вспомнилось мне в один прекрасный день за работой. И я решил в ближайший субботний вечер сходить в яму. Случилось это летом 1947 года...

Взяв с собою большую сумму, я оправился по знакомому адресу. Постучал... Открыла Фарида.

— Как поживаешь, Ази, сынок, — обрадованно забормотала она. — Все же пришел проводить нас, не забыл...

Надо сказать, что решимость моя вновь появиться в яме смущала меня самого. Но я решил, так сказать, нанести прощальный визит, сказать "до свидания" Эльмире — и забыть все навсегда...

Рассеянно отвечая на многочисленные вопросы Фарида, я присматривался к сидящим за столом во дворе ребятам. По всей вероятности, игра шла крупная. Я поздоровался и присел рядом. Ага выиграл банк (весьма солидный), и следующий банк повел Рома. Я вступил в игру. Рома держал себя осторожно, так как был в крупном выигрыше, но ему все же не везло. Я играл уверенно и вскоре последовал неплохой выигрыш. Ата и Рома проду-

лись окончательно и вышли из игры.

Нас пригласили в дом. Мы закусили, выпили немного. Рома с Атой решили отправиться по домам, но Рому я все же упросил остаться. Ага предложил продолжить игру вдвоем. Я согласился. К полуночи я проиграл все принесенные с собой деньги, уплатив Аге все до копейки. Ага и рассчитался за всех нас с "хозяином".

По дороге меня мучили угрызения совести за расточительство. Я поклялся, что отыграю все обратно. Обычная история...

И раз за разом я приходил в яму, оставляя там вещи, золото, драгоценности. Ага доил меня как фрейера.

Однажды Эльмира сказал мне с упреком:

— Ази, зачем?! Зачем ты ходишь в этот проклятый дом к этим проклятым людям?! Ты проигрываешь последние копейки, принес даже драгоценности жены. Не достаточно ли? Ведь ты женился, работаешь, неплохо зарабатываешь, а все для чего? Чтобы тут же отдавать заработанное этим подонкам, которые не знают ни дружбы, ни чести, ни товарищества... Ведь Ага знает, что ты проиграл ему женино имущество, но все втягивает тебя в игру...

Я сидел молча, вслушиваясь в ее слова и сознавая, что говорит она от всего сердца, жалея меня и мою семнадцатилетнюю жену.

Каждое слово Эльмиры было правдой, и я понимал это. Но перебороть себя не мог.

В тот вечер, вернувшись, я не застал дома жены. Никто со мною не разговаривал. Я, как зверь, метался по комнатам. Бешенство овладело мною.

— Где Маня?! — кричал я.

Молчание присутствующих было мне ответом. Я ворвался в нашу спальню. Вещей жены не было.

— Куда Маня ушла? — спросил я у сестры.

Больше молчать она не могла...

— Маня ушла к своим. Забрала свои вещи — и ушла...

Эльмира была права! Я обидел свою молодую

жену, обидел жестоко... Ведь ночами я не бывал дома, да еще проигрывал вещи, проиграл фактически все, что у нас было, даже те подарки, которые я сам сделал жене. Чем больше я упрекал себя, тем сильнее разгоралась во мне ненависть к Аге — это он, он доил меня, насмехался и подначивал...

Несмотря на мои уговоры, жена наотрез отказалась вернуться. Ее поддерживали родители, а отец мой не хотел вмешиваться, ибо и он был полон стыда за мое отношение к семье, за мою слабость и подлость...

Я закрыл мастерскую, бросил дом — и вновь заметался из города в город, надеясь найти приятелей: воров-профессионалов.

В Нальчике мне сообщили, что их "накрыли": взяли на ограблении магазина и вкатили по восемь лет каждому. Последняя моя надежда рухнула. Ждать помощи было неоткуда.

Я начал действовать в одиночку. Но одиночество мое длилось недолго: появились друзья в Ростове и в Баку, в Грозном и в Минводах... Всю добычу я привозил к себе в Махачкалу — и проигрывал... Мне не везло. С женой я не жил, и старался не видеть ее. Ведь я совершил много гадкого, и я дал себе клятву, что покуда я не верну все проигранное, я не приближусь к ней.

Однажды счастье улыбнулось мне. После двухмесячной отлучки я разыскал Агу. Играли вдвоем. Рома и Ата не вмешивались. Я выиграл у него около восьмидесяти тысяч. Больше денег у него не оказалось, а в долг играть я не хотел. На этот раз мы играли не в яме, а на морском берегу, неподалеку от города.

Ага пришел в ярость.

— Ази, ты, я вижу, научился играть! Это хорошо... Приходи в субботу в яму, там и продолжим.

— Отлично, — холодно ответил я, — приду.

— Только денег с собой побольше захвати, — издевался Ага.

Настала суббота. Мы собрались в яме с самого утра. "Хозяин", вопреки обыкновению, оказался дома, видно, он и ночевал здесь. О моем приходе он был предупрежден. Мы поздоровались, он добродушно похлопал меня по плечу. Первый раз после нашей встречи на суде я увидел его... Вскоре он ушел. Фарида провожала его до калитки.

Мы расселись. Игра началась как-то вяло: то я, то Ага проигрывали поочередно. Ставки постепенно увеличивались. Я играл уверенно, но крайне осторожно, так как жаждал вернуть все проигранное и — особенно! — драгоценности жены. До прихода Ромы и Аты я стал обладателем весьма крупной суммы. Он расплатился честно, как полагается игроку. Но по выражению его лица было понятно, как сильно переживает он свой проигрыш. Но ведь то же самое происходило и со мной, так что я не придал этому никакого значения.

Пришли Рома и Ата. Они хотели было включиться в игру, но Ата в последний момент передумал. Так что им досталась роль наблюдателей.

Следует отметить, что Ага в прошлом месяце засватал невесту и скоро должна была состояться свадьба.

Он был старше меня лет на шесть, намного выше ростом; здоровенный смуглый парень. По каким-то причинам в армию его не брали...

Итак, игра продолжалась. Выиграв у него все ранее проигранное и даже драгоценности, я успокоился.

Когда я вошел в дом, отец даже не взглянул на меня. Я молча проследовал в свою комнату, выложил все свои деньги — и надежно спрятал их. Не все в одно место, а по разным заначкам, частями.

Затем я вернулся к отцу.

— Отец, сказал я, — помоги мне вернуть Маню. все утраченное я сегодня вернул. На этом мои грязные дела закончены. я обещаю.

Мне удалось убедить отца встать на мою защиту. Вскоре жена вернулась в дом...

Жена вернулась, а я занялся поисками работы. Но как назло, никуда меня не принимали. Как-то раз я встретил ребят, и они предложили сыграть, деньги у меня с собою были, но немного. Мы направились в яму. Это было 14 апреля 1948 года.

По пути я рассказал им, что вернул жену. Предупредил также, что задерживаться не собираюсь, хочу к вечеру быть у себя. Разумеется, упомянул и о желании устроиться на работу.

— Надолго? — небрежно бросил Ага.

— Навсегда, — ответил я. — Хватит. С прошлым покончено. Войны больше нет, многие мои друзья — в тюрьме. Они сидят, а я — не хочу этого! И вам советую идти работать... Вон Ага скоро женится и сам все бросит.

Так разговаривая, мы добрались до ямы. Открыла нам Эльмира. При виде ее меня обдало жаром. Давненько я не видел ее, уже и не вспомнишь, когда в последний раз были вместе... Это, вроде, было в тот вечер, когда жена покинула наш дом. Она тогда уговаривала меня, а я обещал ей не появляться здесь больше... Да уж видно такова моя судьба...

Мы поздоровались. Эльмира была удивлена моим появлением, хотя до нее доходили вести, что я иногда бываю в яме. Но она-то всегда работала по ночам в больнице, и продолжала учиться на медицинском факультете. Скоро станет врачом-терапевтом. Она рассказала мне, что вскоре должна получить квартиру, и тогда уйдет навсегда из этой грязи. В последнее время она старалась не появляться во время кутежей и иногда совсем не выходила из своей комнаты...

"Во время войны я должна была как-то выжить, просуществовать, — говорила Эльмира. — Да и страшилась хозяина, ведь он способен на все. Скольких он погубил, сделал игрушками в своих руках... А тех, кто пытался сопротивляться — убирал с дороги. Ты, Ази, многого не знаешь — когда-нибудь я расскажу тебе... Будем друзьями! Познакомь меня со своей женой: я уверена, мы

подружимся... А то, что было между нами, пусть для всех останется тайной”.

Все это Эльмира говорила мне, когда я в перерыве между двумя этапами игры поднялся к ней наверх.

А игра сегодня шла, как во сне: мне невероятно, необыкновенно везло. Рома и Ата проигрались дочиста. Оставался один Ага. Но и у него деньги явно подходили к концу: это я чувствовал по его поведению.

После того, как мы отобедали, Ага предложил мне сыграть один на один. Такого оборота я не предвидел, решив про себя, что на сегодня мне вполне достаточно. Однако отказываться не стал.

Выйграв у Аги дополнительный солидный куш, я неторопливо поднялся из-за стола.

— На сегодня — хватит. Плати, а завтра продолжим.

— Что?! — заревел он.

— То, что слышал. Плати. А там посмотрим.

— Ну нет! Ты будешь играть сейчас, или вообще ничего от меня не получишь!

Я сохранял хладнокровие.

— Ага, ты хочешь играть?

— А как же!

— Вот и расплатись сначала. А потом — продолжим.

— Уплачу все сразу, — настаивал он на своем.

— Нет. Ты заплатишь мне теперь, или все узнают, что ты — ”заигранный”.

На шум вышла Фарида.

— Вы что, с ума сошли, — набросилась она на нас с упреками. — Кричите, словно на базаре. Вот узнает он — и никогда вас больше не пустит... А ты, — обратилась она к Аге, — если проиграл — уплати. Он же всегда поступал с тобою честно, все отдал, даже подарки жены...

Когда за Фаридой закрылась дверь, Ага злобно произнес: ”Старая подстилка!”

— Разве она солгала? — бросил я ему. — Что ж ты ругаешь ее? Когда я был в проигрыше, то всегда

платил тебе полностью и без лишних разговоров... Те вещи, которые я тебе проиграл — у тебя дома, мне это известно. Ты, быть может, вообще не желаешь платить? Если ты думаешь, что я боюсь тебя, потому что ты старше и здоровее — то ошибаешься! Я возьму у тебя все, что мне причитается — опозорю тебя перед всеми. А если ты не уплатишь — я превращу свадьбу в кровавую бойню.

На этом я закончил свою речь и хотел было выйти, но тут Ага набросился на меня. Сзади его ухватил Рома, придержал. Он все же вырвался, но до столкновения дело не дошло. Ага лишь осыпал меня грязной руганью.

Наступил праздник первого мая. Мои товарищи и я решили отметить его в ресторане. Поскольку праздник этот "действует" два дня, в ресторан мы пошли второго. Наше пиршество было в самом разгаре. Был, разумеется, Рома и другие... Внезапно к нашему столику подошел Ата.

— Ази, — сказал он, — с тобой хочет поговорить Ага. Он ждет тебя...

— Где же он? — спросил я.

— Недалеко отсюда.

Я подумал было, что Ага хочет все же возвратить свой долг или предложить сыграть еще разок. Но выходить мне не хотелось.

— Передай ему, пусть зайдет к нам. А потом мы с ним обо всем договоримся. Сейчас я не могу оставить стол и друзей, — ответил я.

Ата молча покинул ресторанный зал.

Я и в самом деле не опасался Аги. После нашей стычки в яме я обзавелся ножом, ибо превосходно знал, что одними ругательствами и взаимными оскорблениями дело не кончится... Нож был надежно прикреплен к лодыжке правой ноги, ожидая того часа, когда неизбежно придется ему вступить в игру... Но я был убежден, что все это случится уж никак не сегодня, в праздник.

Через некоторое время вновь появился Ата. Он принес весть о том, что Ага настаивает на встрече.

На столе с закуской и выпивкой было практически покончено. Я решил, что следует выйти.

— Ребята, — обратился я к компапии, — вы посидите, а я пойду — спрошу у него, чего ему надо от меня. И вернусь немедленно.

— Нет, — вскочил Рома. — Без меня ты никуда не двинешься!

Я подозвал официантку и уплатил за всех. Затем обратился к Ате: "Иди, скажи ему, что я сейчас буду..."

Он удалился. А я, стараясь не привлекать внимания, отвязал нож и поместил его в более удобное для меня место: под ремень. Я словно почувствовал нечто неладное... Ага стоял на углу, неподалеку от ресторана. Мы приблизились к нему. Вместо разговора я вновь подвергся грязным оскорблениям. Ясно было, что он настроен враждебно, собой не владеет, так что я решил быть начеку.

Ага предложил пройти к морскому берегу. Я согласился. Ата и Рома в наш разговор не вмешивались. Вскоре мы оказались под железнодорожным мостом. Ага внезапно остановился.

— Ты почему повсюду треплешься, что я не отдаю тебе долга?!

— А разве я лгу? — ответил я вопросом на вопрос. — Те вещи, которые я выиграл, они теперь по праву принадлежат мне, а ты подарил их своей невесте. Оттого-то ты и не возвращаешь их. Вот я и рассказываю всем, что ты заигранный, поэтому никто и не желает связываться с тобой...

Он не дал мне договорить. Из всех сил он ударил меня по лицу и крикнул: "Я тебя сейчас заколбасю (убью)!!" Рука его оказалась за бортом пиджака. Показалась рукоятка кинжала. Но извлечь его я ему не дал. Мгновенно ухватив его за кисть левой руки, я резко развернул его — и мой нож оказался у него под левой лопаткой. Ударив его, я отпрыгнул в сторону. Ага — в последнем судорожном усилии он все же выхватил свой кинжал, — сделал несколько качающихся шагов по направле-

нию ко мне, — упал замертво.

Рома и Ата, увидев, что произошло, убежали. Затем опомнился и я.

Я бросился домой, чтобы предупредить родных о несчастьи, но там, оказывается, все уже знали. Как выяснилось, Ага разыскивал меня повсюду два дня, а незадолго до нашей роковой встречи приходил к нам домой. Мой братишка, сообразив, что дело плохо, так как знал — кто таков Ага, нааметно пошел за ним вслед. В тот момент, когда я убил обидчика, он стоял на мосту, под которым все и происходило. Дома он был раньше меня...

Вопрос стоял просто: кому жить, кому умереть? Я выбрал жизнь. Виновным себя я не считал: он затеял все это, он первый коснулся меня, он первый попытался пустить в ход кинжал... Так что я ни о чем не жалел. Я защищался, а не убивал его. Его труп найдут с кинжалом в окоченевших руках. Так для чего же он обнажил его, если не для убийства? Да, у него осталась невеста, которая через три дня должна была войти в его дом. А у меня — жена! Да и не было у меня никакого другого выхода, чтобы спасти свою жизнь...

Так говорил я сам себе, убегая из дому, из города, садясь на первый проходящий поезд.

Итак, я совершил убийство. Надо было спастись. Захватив с собою все имеющиеся у меня деньги, я, попрощавшись с родными, отправился в Баку. Родителей я предупредил, чтобы не вздумали пытаться разыскать меня: когда появится возможность, я сам свяжусь с ними.

Но Баку мне не годился, так как расположен был в опасной близости от Махач-Калы. Там меня могли обнаружить. Я принял решение отправиться на другой берег Каспия. В порту я взял билет на пароход "Дагестан", идущий в Красноводск.

Прибыв на место, я немедленно сел на поезд, отправляющийся в Ташкент, — самый большой город Средней Азии, город, где причудливо перемешались Восток и Запад, город, славный своими шумными рынками... В таком многонациональном

и многоязычном скоплении людей легче всего скрыться тем, кому это необходимо.

Мне не пришлось долго разыскивать себе подобных. В течение весьма короткого времени я обзавелся новыми знакомствами в местном воровском мире. Вместе с вновь приобретенными приятелями я разъезжал из города в город, занимаясь обычным промыслом. За два месяца я успел объездить всю Среднюю Азию.

Но тревога за родных не давала мне покоя. Я решил во что бы то ни стало получить весточку о происходящем в родном доме. Для этого я избрал Дербент. Там проживали наши многочисленные родственники. С их помощью я надеялся узнать обо всем.

На одной из станций, примерно, километрах в ста от Дербента, я вышел из вагона поразмяться. Прогуливаясь по перрону, я услышал возглас: "Уду у!", что в переводе с азербайджанского означает: "Вот он!" К счастью, мой поезд в этот момент тронулся. Вскочив в первый попавшийся тамбур, я оказался на другой стороне путей. Когда хвостовой вагон поравнялся со мною, я поймал ногами ускользающую подножку. Войдя в вагон, я предъявил билет кондуктору. К билету я присовокупил сторублевую ассигнацию. Моя просьба спрятать меня от посторонних глаз была незамедлительно исполнена: кондуктор сунул меня в каморку, где располагается печь для отопления вагона. Через пятнадцать-двадцать минут он явился в мое убежище.

— Разыскивается крупный преступник.

"Крышка, сейчас схватят", — промелькнуло у меня в голове. Кондуктор же продолжал рассказ.

— Весь вагон обыскали, никого не нашли. Да и весь поезд прочесали. Нет... Послушай, может это тебя ловят?

— Нет-нет, — ответил я по-азербайджански.

— Эх, наша милиция всегда так: всех рядят в преступники, а посмотришь — хуже их и нет

никого. Только и знают, что нас доить. Вот с меня сейчас полторы сотни содрали! "Даш-баш, даш-баш"... Пристают, как черти. Ни за что не отвяжутся, куда не обдерут.

Поезд подошел к Дербенту. Кондуктор отомкнул двери кочегарки, и я протиснулся между нагревателем и стеной. Так, впрочем, приходилось поступать на всех станциях...

— Аллах, где ты, парень, — негромко позвал меня проводник. — Дербент, выходить тебе надо!

Я вылез из своего неуютного убежища весь чумазый, в саже и пыли с головы до ног.

— Ну вот ты и добрался, — продолжал проводник. — Только на перрон не лезь, а выходи в противоположную сторону...

Я воспользовался его советом. Выйдя из вагона, я быстро огляделся по сторонам и пошел вдоль железнодорожной насыпи по направлению к городским строениям.

Было около восьми часов вечера. Только-только начало вечереть. Недалеко от вокзала жили мои родственники. Я решил зайти к ним на минуту: только умыться, расспросить о родных — и уйти. Ясно было, что остаться у них даже на краткое время невозможно. Опасно, как для меня, так и для них.

На мой стук дверь открылась. Мой приход был для них, словно гром среди ясного неба. На мое приветствие никто не отозвался. Находившиеся в комнате мгновенно встали — и покинули ее, даже не спросив, откуда я прибыл...

Я не винил их. После войны укрывательство преступника (будь он хоть совершенно невинен, а "укрывающие" — его ближайшие родственники, абсолютно не имеющие отношения и даже ничего не знающие о его делах), вело к немедленному аресту. А там — лагеря, каторжные работы: надо было восстанавливать разрушенное хозяйство...

В этом доме жил мой двоюродный брат. Он-то и покинул комнату. Однако, жена его, которую звали Алта, сказала: "Ази, быстренько раздевайся, умывай-

ся — и уходи! Родственники убитого тобою уже дважды были здесь в компании с милицией”. Я, разумеется, последовал ее словам.

Покидая их, я взял адрес одного из близких родственников отца, жившего в десяти километрах от Дербента. В полночь я сел в пригородный поезд. Дом родственника отца я нашел быстро, так как мне заранее объяснили дорогу.

Увидев меня, родственники очень перепугались, однако на мои расспросы об отце, братьях и сестрах ответили достаточно подробно. Разговаривать больше было не о чем. После совсем недолгого пребывания у них, меня — очень вежливо и очень настойчиво — попросили покинуть дом. Я лишь попросил их купить мне билет на станции — за мои деньги. Те согласились. По дороге я все же разговорился с провожающим. Первым долгом я поспешил дать ему понять, что прекрасно понимаю, почему они сторонятся меня и никого не виню: ведь я совершил убийство не вступаясь за честь рода, а в результате своей преступной жизни; предсказание отца: ”Будешь скитаться по тюрьмам и загубишь свою молодость”, начало сбываться.

Беседуя таким образом, мы добрались до вокзала. Поезда долго ждать не пришлось. Я подошел к вагонам, стараясь держаться в затемненной части перрона. Произошла лишь небольшая заминка с проводником: он не пускал меня, говоря, что вагон переполнен, мест нет совсем. Я запрыгнул на подножку, поезд тронулся, и, вися таким образом, стал уговаривать проводника. Говорил, мол, учусь в Москве, опаздываю на экзамены... Все было напрасно. Пришлось посулить ему денег. Это сразу подействовало. Мгновенно он пустил меня в вагон, принес постельные принадлежности и даже постарался доставить мне чай в полночь. Словом, я лишний раз убедился во всемогуществе чудодейственных бумажек.

По всему огромному Союзу без взятки не проедешь — это как бы дополнительная плата за

билет.

Через три часа мы прибыли в мой родной город. Лежа на полке, я глядел в окно... Здесь мой отец, моя семья, жена. Господи, как мне хотелось встретиться с ними, обменяться хоть словом! А поезд тронулся, увозя меня все дальше и дальше от родных краев, в бескрайние просторы России. Усталость и грусть одолели меня. Я уснул крепко, забыв обо всем, даже о том, что мне следует скрываться от людей. Все было в порядке: билет при мне, так что ревизоров бояться нечего. Проснулся я в час дня. Хотелось есть. На первой же стоянке я вышел на перрон, куда мелкие торговцы выносят для продажи проезжающим кое-какую снедь: овощи, фрукты, хлеб, жареную рыбу, картофель в мундирах. Запасшись едой, я направился к своему вагону. Внезапно ко мне подошел друг отца... Не останавливаясь, буквально на ходу, он предупредил меня, чтобы я ни в коем случае не показывался на глаза: на меня объявлен всесоюзный розыск. Наспех поблагодарив его, я тут же исчез в своем вагоне и до самой Москвы не высовывал носа.

На Казанский вокзал поезд прибыл в шесть утра. Голод давал о себе знать, но все еще было закрыто. Дождавшись открытия привокзальной столовой, я плотно позавтракал и решил прогуляться по городу. Решил зайти в Мавзолей. Побывав там, я пошел еще и в музей Ленина, который располагался неподалеку, осмотрел и его. Побродив еще малость по городу, я решил уехать — в Куйбышев, на Волгу.

В Куйбышеве я пробыл всего день. Не знаю, отчего, но города эти мне были не по вкусу. Я решил вернуться обратно в Ташкент. Этому решению помогло то, что я вспомнил адрес родственников жены, проживающих там: его вручили мне еще в Дербенте.

Через неделю я вновь оказался в Ташкенте. Приняли меня родственники жены хорошо, но через несколько дней стали смотреть на меня с плохо

скрытым раздражением. Пробыв у них недолго, я снял квартиру, — вернее комнату, где, кроме меня, жил еще один парень из Одессы. Я занялся поисками друзей, помаленьку знакомился с городом. Чего только не творил я за два с половиною месяца пребывания в Узбекистане: мне, скажем, надо было подробно изучить расписание всех поездов, проходящих через местный вокзал, твердо запомнить время открытия магазинов. Все это было мне необходимо, так как я решил вернуться к своему старому ремеслу карманного вора. Ничего другого не попадалось: на работу без прописки меня не брали, а идти в милицию за пропиской мне не следовало.

"Местом работы" я избрал очереди.

За всю свою сознательную жизнь в СССР — до войны и после, и сегодня, когда непрерывно сообщается о том, что западные страны все больше и больше отстают от Советского Союза по всем отраслям хозяйства, — я не помню дня, чтобы людям не приходилось стоять в очередях: будь то гастроном или промтоварный магазин. Даже за пивом целая вереница желающих стоит на улице, чтобы побаловать себя кружкой пива; причем вторую не выпьешь, так как надо снова возвращаться в хвост. Эти искусственно созданные человеческие скопления как нельзя больше были на руку карманникам.

Вскоре, после моего возвращения к прошлым занятиям, у меня завелись деньжонки. Я купил барахла — и стал жить припеваючи. У меня появились друзья, — "артисты", как я их называл. Среди них были представители всех национальностей великой империи. В Ташкент, словно в водоворот, стягивался воровской мир со всех концов государства. Здесь можно было встретить профессионалов от 12 до 70 лет, мужчин и женщин. В этой буче оказался и я. Встречались мне воры с необыкновенной биографией, опытные, утонченно-интеллигентные люди, про которых никогда не скажешь, что они преступники, у которых за спиной долгие годы

тюрьмы, Сибири и — заграницы. Мне интересно было слушать их рассказы, посидеть с ними за бутылкой, когда раскрывалась их душа и все пережитое оборачивалось увлекательными историями... Всякую свободную минуту я старался проводить в обществе таких людей. Чаще всего их можно было встретить в парке им. Тельмана. место было действительно великолепное: отличный ресторан на островке, отделанный на восточный манер, вокруг — цветы и пальмы, журчание маленького водопада, ароматы вкуснейших восточных блюд, музыка и — девушки. Всех наций, расцветок и типов... Здесь же игорный дом — бильярдная, отдельные кабинеты, — словом, делай деньги и лови кайф. Посещая этот ресторан, люди, казалось, забывали обо всех невзгодах и неурядицах.

Я тоже любил бывать там. Но — для этого требовались немалые деньги. В Ташкенте умели, так сказать, даже камни прекращать в звонкую монету. Во время войны здесь жили роскошно, на широкую ногу. Недаром говорили: "Ташкент — город хлебный". Воистину, это было правдой!

Деньги каждый добывает по-своему. Кто честно вкалывает в СССР и тянет на одну зарплату, — в ресторан не пойдет. Не на что. Но кто ж это живет на одну зарплату?! Все что-нибудь "химичат", приворовывают, приторговывают. Но воры разделяются на две категории. Те, кто ворует у государства — за прилавком, за баранкой, на профессорской кафедре, в министерском кресле, — именуются честными ворами. А те, кто ворует у этих воров — именуются ворами нечестными. Стоит только поглядеть на эту ситуацию непредубежденно — и все станет ясным: ведь если не было бы воров честных — у кого крали бы нечестные? В квартиру рабочего, с трудом волокущего семью от получки до аванса, от аванса — до получки, вор не пойдет, так как нечего там взять. Выше я рассказывал о том, как ограбили мы квартиру одного из честных воров — взяли более миллиона наличными и драгоценностями. Разве богатство это досталось ему честным

путем?! Нет, он нагло и жестоко грабил рабочих и служащих, тех, кто трудился, чтобы не умереть с голоду, чтобы выдали им драгоценные хлебные карточки. Если рассудить здраво, то поймешь: нет во всем огромном СССР такого человека — от всемогущего министра до рядового рабочего, кто не воровал бы, кто удовлетворялся бы собственным заработком... Не воруют только те, кто не может добраться до чего-либо лакомого, либо такие, которые по роду занятий ни в чем не нуждаются: у них всего выше головы. Но и это не совсем так, ибо человеческая природа берет свое. Смело скажу, что девяносто процентов работающих во всех отраслях народного хозяйства — врачи, учителя, артисты, преподаватели ВУЗов, чиновники — честные воры. Их девиз: "Воруй больше!" А девиз воров нечестных был всегда: "Воруй у вора!"

...15 августа 1948 года я был пойман с поличным. Попался я один. Меня привели в 4-е отделение ташкентской милиции. Спрашивали о сообщниках, но я все брал на себя. Избив до потери сознания, меня бросили в камеру. На третий день ареста перевели в ташкентскую тюрьму.

В камеру, приблизительно шесть на четыре метра, натолкали около ста человек. Дело происходило в жару, когда температура в Ташкенте: 35-36 градусов. В камере всегда сидели голые, на карачках, — иначе не уместишься. Если кто не выдерживал и начинал жаловаться на жару, его бросали в карцер. Это называлось — "принимать ванну": карцер был так холоден, что через пятнадцать минут пребывания там у человека зуб на зуб не попадал.

Я еле-еле сдержался. Ведь до прибытия сюда меня непрерывно в течение трех дней избивали... Нашел уголок и пристроился тихонько.

Тут до моего слуха дошел негромкий разговор: вели беседу про воровское житье-бытье, про воров-законников. Я прислушался, потом пробрался поближе, — и увидел одного из своих знакомых. Он также узнал меня, "представил" мне сокамерни-

ков, предложил перекусить. Старшие сокамерники успокоили меня.

После нескольких дней пребывания в этом аду нас повели в баню, затем распределили по камерам. Я, как помнится, попал в 261-ю. Там тоже было несладко. В крохотной квадратной камерке размещалось на нарах десять человек. Встать было практически невозможно, даже полшага не сделаешь. Все подследственные, находившиеся в этой камере, были ворами.

Потекли бесконечные истории. Больше всего мне почему-то запомнилась одна, рассказанная невысоким, лет тридцати, черноволосым армянином, по имени Карпис. Рассказывал он о случае из жизни сового друга Аванеса (фамилию я не помню). По его рассказу, однажды, соскочив с трамвая возле одного из ташкентских базаров, этот друг обратил внимание на молоденькую замурзанную нищенку, сидевшую у входа.

— Карпис! Посмотри на эту девочку! Сказка! — вдруг загорелся Аванес. — Сука буду, заберу ее с собой. Вымою, приодену, королевой будет!

— И возьмешь в жены? — рассмеялся Карпис.

— Да! И натаскаю ее себе в помощницы.

Не теряя времени, Аванес подошел к девушке и заговорил с ней. Та никак не могла поверить, что этот симпатичный, хорошо одетый армянин не смеется над ней, но ему все-таки удалось убедить ее пойти с ним.

Карпис рассказывал, что когда она переделалась и привела себя в порядок, он не узнал ее.

Постепенно Аванес начал вводить ее в курс своих дел, познакомил с людьми, которые в случае, если он сядет, могут помочь ей выкупить его. И действительно, она несколько раз выручала его через этих людей. В последствии они покинули Ташкент и переехали в Киев, а потом в Харьков. Там Аванес сунул кому-то в лапу и получил хорошую трехкомнатную квартиру. Обставили ее

прилично. По моде того времени. Деньги всюду делают свое. К этому времени у них уже было двое детей. Но как говорится, сколько гнилое колесо ни крутится, все равно развалится. В один прекрасный день Аванес сел, да так, что и она не смогла его выручить. Правда добились, что он получил всего пять лет, вместо положенной ему, вору-рецидивисту, десятки. И поплыл Аванес со своей пятеркой в местные лагеря. Первое время она часто навещала его с бердянкой (передачей). И вдруг пропала. И Аванес заюзил. Он хорошо знал, что означает, когда жена вора не является вовремя с передачей и сразу заподозрил неладное. И не ошибся. Жил там у них по соседству один полковник в отставке. И, когда ей было особенно тяжело, он к ней и подкатил. Короче говоря, бросила она Аванеса и сошлась с этим полковником. Годы прошли, вышел Аванес из лагеря, вернулся домой, жену подколол и исчез. Говорили, что умер через несколько лет в лагере от туберкулеза легких.

...Разговаривать в камере мне было не о чем, разве только слушать. Один из воров только спросил меня: "Ты "у хозяина" (в тюрьмах) сколько раз бывал?" — "Ни разу..." — "Ну ничего, обтешешься, поумнеешь, многое узнаешь".

В другой раз произошел следующий разговор.

— Ты, сынок, что натворил? — осведомился мужчина в летах.

— Баловался, наверно, — начал подначивать меня столь же солидный арестант.

А я — молчал...

Только однажды я отважился рассказать им историю, что произошла со мною: включился, так сказать, в беседу взрослых. История произошла странная, — рассказывая, я старался употреблять истинный воровской жаргон.

— Как-то сел я в трамвай и надыбал фрайера. Пристроился к нему вплотную и во мгновение ока выкупил у него лопатник. Через минуту он обнаружил пропажу. Стал осматриваться, искать, шарить по полу, но я совершил свою работу так

быстро, что ему и в голову не пришло меня заподозрить. Однако, так как вокруг никого не было (трамвай был полупустой), он обратился ко мне: "Ты у меня кошелек стянул?!" Одет я был недурно, аккуратно выбрит и причесан. Так что мой ответ был соответствующим: "Да зачем мне твой кошелек, сумасшедший?!" Вот тут-то и произошло нечто удивительное. Я почувствовал, что кошелек в руке у меня больше нет: кто-то мягко и ловко извлек его из моей неплотно сжатой ладони...

На следующей остановке я, не торопясь, вышел из вагона.

Когда трамвай исчез из виду, ко мне подошла молодая девушка.

— Держи крепче, это твоя покупка, — сказала она, протягивая мне кошелек. Я буквально лишился дара речи...

Девушка была не одна, с подружками. Они выглядели совсем детьми, не верилось, что мы коллеги.

— Сколько же тебе лет? — с трудом проговорил я.

— Тринадцать, — ответила та, что вернула мне кошелек.

Я пришел в себя.

— Покупка это ваша, — галантно ответил я, — во всяком случае, я дарю ее вам, вы это заслужили.

Даже не поинтересовавшись содержимым кошелька, я пошел своей дорогой.

Как-то прогуливаясь в городском парке, я вновь встретил этих девушек. С ребятами. Одна из них, — та, которой я отдал кошелек, — подошла ко мне, обняла, познакомила со своими спутниками. Была она какая-то особенно радостная, сияющая, вся светилась. Мы погуляли всей компанией. Отстав немного с одним из парней, я спросил об этой девушке. "Ей тринадцать, — ответили мне. — Вчера стала женщиной. Целку ей поломал во-от он. — Рассказчик указал на некоего молодого человека.

— Он — сифилитик, а она, дуреха, и не подозревает ни о чем..." Я пришел в ужас. "Вы не должны были допустить этого!" — возмущение мое было беспредельным. — "Да мы его сами боимся, он способен на все, — последовал ответ. — Говорит: "Раз меня наградили, так и я буду награждать всех, куда не попадусь..."

С этими словами мой собеседник исчез. Больше никого из участников этой истории я не встречал.

— Аллах, чего только не бывает в жизни, каких только подлецов не приходится встречать! — проговорил на ломаном русском мой сосед по нарам, узбек из Самарканда.

Ровно месяц пробыл я в этой камере. Каких только повествований о тюрьмах и лагерях, о рудниках и тайге сибирской я не услышал!..

В конце этого месяца меня предупредили, что вскоре состоится суд.

15 сентября 1948 года меня судили. Прошло пять месяцев с того дня, как покинул я родительский дом.

На суде мне даже говорить не дали. Спросили, как обычно, фамилию, имя, отчество, год рождения и прочие "установочные данные", и через двадцать минут зачитали приговор: шесть лет трудовых лагерей.

Затем вернули обратно в тюрьму, но на этот раз посадили в общую камеру с теми, кто уже имеет приговоры. Готовились к отправке в лагерь. Здесь сидели фабричные и заводские рабочие, арестованные за кражу... катушки ниток или лоскутка (в приговорах это называлось "расхищением государственного имущества"), сидели крестьяне, которые "присвоили" початок кукурузы или несколько яблок. За все это давали семь-восемь лет каторги.

Один из заключенных рассказывал, что прошел всю войну, а жена в это время работала в колхозе, "давала урожай для победы". Вернувшись он узнал, что один его ребенок умер от голода. Он продолжал трудиться, чтобы прокормить оставшихся детей. Однажды он взял на плантации три кисти винограда.

Его осудили за "кражу колхозного добра" (в приговоре не упоминалось, какого именно). Опять-таки, семь лет. "Лучше бы мне не возвращаться домой, не видеть и не знать всего этого ужаса", — в отчаянии повторял он...

Работал в этой тюрьме надзирателем некто дядя Ваня. Имел за спиной, так сказать, двадцать лет "беспорочной службы" И зятя около себя пристроил. Кстати, дочь его работала здесь же надзирательницей, только в женском отделении. И даже он не мог припомнить такого количества заключенных...

И действительно, все было переполнено: поток шел за потоком. Надо было набрать как можно больше рабов для "великих строек коммунизма", в газетах красиво именуемых "комсомольскими стройками".

Тюрьма была заполнена молодежью. Наденет девушка со швейной фабрики лоскут материи на голову вместо косынки, а на проходной ее останавливают, арестовывают и шьют дело о воровстве на производстве... Дают пять лет...

Чем больше становилось заключенных, тем богаче делалась Страна Советов. Эти заключенные давали стране нефть, руду, марганец, ртуть, золото, они строили новые промышленные предприятия, прокладывали железные дороги...

После суда я неделю провел в тюрьме, дожидаясь этапа. Меня с группой других заключенных отправили в лагерь, расположенный неподалеку от Ташкента: в город Чирчик. Весь он был целиком и полностью построен каторжниками, только до войны, в период сталинских партчисток. Затем и его задним числом приписали к "комсомольским стройкам", даже адрес сменился: "Станция Басу, п/я 1".

По прибытии в лагерь нас построили колонной и начали переключку по алфавиту. Мне пришлось дожидаться долго: в Ташкенте я раздобыл документы на имя Якубова Якова Семеновича. Но вот раздалась и новая моя фамилия. Я вышел из строя. Как и все прочие, разделся догола и держа свои

пожитки в руках, пристроился к длинной очереди в баню. Одежду при входе сдавали на дезинфекцию. После бани нас распределили по бригадам. Выдали мне лагерное обмундирование: китель, брюки, кальсоны черного колера, нижнюю сорочку, фуражку (она звалась почему-то — "Уйти-уйти), знаменитые "ЧТЗ": обувь из автомобильных покрышек.

Я попал в "молодежную" бригаду. С ребятами я познакомился быстро, а многие оказались мне знакомыми еще по воле.

Ночь я провел без сна, только под утро мною овладела тяжелая дрема. Разбудил меня голос соседа: "Вставай, пора на работу!" Сводили нас в столовую на завтрак, затем — после проверки, — в шесть утра мы приступили к работе. Мы должны были рыть канал шириной, приблизительно, в 25-30 метров, (вывозить вырытую землю из котлована). Объект назывался "Акаван". Канал предназначался для орошения Голодной степи. Работенка показалась нам на первый взгляд не слишком тяжелой. Народу копошилось множество. Поднимали наполненные землей тачки по деревянным настилам (один шел впереди, а другой подстраховал его сзади), долбили кетменями землю.

Я еще не отведал, как следует, этого труда. Да и не только я: ведь вся наша бригада состояла из молодых здоровых парней с горячей кровью в жилах... Завтрак наш состоял из 150 граммов хлеба, овсяной каши с песком и мелкими камешками, которые отвратительно скрипели на зубах, и кипятка. Это было все. Работа в страшный среднеазиатский зной вызывала сильную жажду, но воды не было, — вернее, ее не давали заключенным. В полдень раздался звон чугунного колокола. Обед!

На обед выдали нам суп-баланду. В содержимом этого варева разобраться было невозможно. Я заметил несколько крупинок, какие-то зеленые листики: то ли капуста, то ли что другое. На второе — перловка, опять пополам с камешками. Я зачерпнул ложку, но мне стало так противно, что я

выплюнул набранное. Видевшие это засмеялись, а один крикнул мне: "Зачем выплевывать, лучше все сразу выкинь!"

Но делать это было небезопасно. Вдруг мы услышали злобные вопли надзирателя. Он вопил на паренька-новенького из соседней бригады. Новичок выбросил содержимое миски на землю. "Стерва, не нравится жратва?! Не по вкусу пришлось, зажрался, падла, дармоед!? Скажи спасибо, что это получаешь!" — с этими словами надзиратель огрел беднягу прикладом.

"Встань! Пойдешь сейчас работать один, без напарника и без отдыха. Тогда узнаешь, как еду выбрасывать!" Пинком в зад он сбросил парня с места. Невезучий пошел работать в котлован, мы же — могли продолжить наш жалкий обед. Надзиратель приговаривал, злорадно поглядывая на свою жертву: "Пристрелю как бунтовщика".

Парень трудился до тех пор, пока окончательно не выбился из сил. Он упал, но, чтобы тачка не скатилась, крепко вцепился в нее обеими руками. Надзиратель подошел поближе. "Вставай, стерва, бунтовать вздумал?" — таким образом он издевался над обессиленным, покуда тот не потерял сознание. Тогда его поволокли в санчасть. Что представляло из себя это заведение — описать невысказанно. Достаточно сказать, что над ней всегда стояло плотное облако жуткой вони, от которой можно было задохнуться, как в дыму... Там лежали вповалку дезинтерийные и прочие инфекционные больные. О гигиене смешно говорить... Люди умирали пачками, и их списывали, словно паршивый скот.

Одни умирали, а на смену им приходили новые, так что начальству беспокоиться не приходилось.

Особенно плохо приходилось с водой. Во время работы ее не давали, так как боялись потерь рабочего времени. Люди мерли от жажды прямо в котловане... Трупы со страшными пересохшими ртами валялись на грунте.

В жилую зону нас приводили едва волочащими ноги. Только теперь я начал понимать, что такое лагерь. За несколько дней пребывания там я смертельно устал... А впереди было шесть долгих лет. Выдержу ли я? Вероятно, такой вопрос задавал себе не я один, но особо мы не делились своими мыслями: каждый замкнулся в себе.

Недалеко от лагеря протекала речка Басу — медленная, узкая. Каждый день, когда нас вели на работу, я любовался ею, мечтая искупаться.

Время шло. Я вживался в лагерный быт, привыкал к нему...

Помню один тоскливый, зимний день. Шел дождь со снегом. Дорога, по которой вели нас к котловану, была, разумеется, проселочной. Дождь превратил ее в болото, куда ноги погружались по щиколотку. Иногда дорога буквально отрывала подошвы. Направляющие все прибавляли шаг, чтобы быстрее миновать тяжелый участок пути...

Конвоировал нас старшина со своим отделением. Этот конвой отличался особой жестокостью. Старшине тоже трудно было шлепать по грязи. Он крикнул: "Направляющий, короче шаг!", но колонна продолжала идти с прежней скоростью — видно, впереди не слышали слов старшины. Конвоиры стали прикладами останавливать внутренние ряды, а начальник конвоя с пистолетом в руках добежал до головы колонны. Мы услышали три выстрела и ругань... "Всех перестреляю, сволота!!" Раздалась команда для всей колонны: лечь в грязь. По рядам прошло, что впереди трое убиты. Нас колотили прикладами, сапогами. Стоило кому-нибудь поднять голову, как он немедленно получал прикладом по затылку... Досталось, понятно, и мне по ребрам. Нас мучали с наслаждением, старательно. Одни визжали и выли от боли, другие лишь обессиленно стонали, но издевательство продолжалось.

Пролежали мы в грязи под дождем больше часа. Затем нас подняли и повели обратно в лагерь. С нас струями стекала грязная вода и кровь. В таком

виде нас заставили "поразматься": бегать по двору полчаса. Потом загнали в бараки.

А застреленные остались лежать на обочине. Мы видели, как за ними снарядили подводу с тремя заключенными...

Бараки не отапливались. Мы разделись, отжали мокрое насквозь белье и одежду, переоделись в сухое...

Вскоре нас вывели во двор зоны, под дождь. Три трупа лежали во дворе. Нас выстроили в одну шеренгу и заставили пройти мимо убитых. Проходя, я прочитал надпись: "Каждый бунтовщик получит то же самое". У одного из убитых был пробит лоб. Другой лежал с раскрытым окровавленным ртом: видно, хотел что-то сказать в свою защиту, но его остановила пуля. Третий был убит в грудь. Все трое скончались мгновенно, хоть в этом им повезло...

Трупы лежали во дворе двое суток, потом их убрали.

Начальника конвоя мы некоторое время не встречали. Но вскоре он появлялся вновь: теперь на его плечах красовались новенькие погоны младшего лейтенанта МВД. Поощрение за зверское убийство ни в чем не повинных людей. Это было настоящее лицо советского законодательства, без маски, без прикрас...

Комендант лагеря здесь отличался особой жестокостью. Все ужасы, творившиеся в зоне, голод, жажда, смерть больных, были полностью на его совести. Однажды утром этому коменданту прямо на вахте во время развода отрубили голову... К ужину назначили другого, но его царство длилось совсем недолго: во время того же ужина его закололи, как кабана.

х х х

Мало того, что эти негодяи убивали нас, они и нас самих превратили в зверей...

Расскажу об одной бригаде. Она состояла из полутора сотен человек. Бригадиром там был один, со странной фамилией Базар. Вся его бригада состояла из бывших басмачей, власовцев и пленных последней войны. Базар имел весьма внушительный вид: с огромными черными усами, а на одной руке было у него всего два пальца — большой и указательный. Имел он и личную охрану: около него постоянно находились двое верзил с дубинками. Базар вселял трепет в сердца заключенных.

Я установил с ним хорошие отношения. Он частенько угощал меня наркотиками, однако я не употреблял их, а раздавал своим ребятам.

Чтобы завоевать доверие лагерного начальства, Базар и его помощники заставляли работать своих людей до полного изнеможения. Они, как настоящие изуверы, измывались над заключенными; им ничего не стоило убить любого. Даже над своими соотечественниками-узбеками Базар жестоко глумился.

Однажды я сказал ему:

— Базар, нельзя так издеваться над людьми. Ведь это твои же родичи...

— Не твое дело, армяшка. (Он думал, что я армянин, так как я и в самом деле похож на армянина).

— Я не армянин, Базар, я еврей, — ответил я. — Прошу тебя, перестань пить кровь из людей! Ведь у всех есть дети, жены, родители. Они ждут их, а ты загоняешь их, как скотину.

Базар уставился на меня свирепыми глазами. Наступило напряженное молчание. Наконец он произнес по-узбекски:

— Это не твое дело. Кет! (уйди).

Я выдержал его взгляд. Затем сказал:

— Аллах есть на небе, Он накажет тебя, проклятый гяур.

С этими словами я повернулся и ушел.

Он не решился ничего мне сделать, так как отлично знал, что добром это для него не кончится, несмотря на всю его власть...

Но на этом дело не кончилось, ибо в один знаменательный день произошло событие, которое изменило весь ход моей лагерной жизни. Да и не только моей.

Бригада Базара рыла канал под уклоном то ли 40, то ли 45 градусов. Понятно, что на такую крутизну ввозить тачки с породой было непросто — требовалась недюжинная сила и ловкость. Один из каторжников держал тачку за рукоятки, а другой — волок по ее крючком по деревянному трапу. Однажды двое из бригады Базара, — худые и истощенные, — не смогли справиться с этой тяжелой работой. На их беду тачка соскочила с трапа, а поставить ее обратно они были не в состоянии.

Измученные усилиями поставить проклятую тачку на место, несчастные вынуждены были остановиться. Один из них достал кисет и принялся скручивать цыгарку. Неожиданно к нему подскочил один из Базаровых телохранителей и с криком: "Кто тебе перекур позволил?!" со всего маха ударил бедолагу дубинкой по голове... Я много видел страшных смертей, но подобного мне встречать не приходилось: кисет выпал из пальцев несчастного, а сам он застыл неподвижно, как бы вбитый в землю...

Все это происходило в нескольких шагах от нас. Я крикнул ребятам:

— Бери кирки и лопаты! Пошли к Базару, пора судить его!

В этот момент люди Базара окружили его со всех сторон, не давая никому приблизиться. Наша группа подошла почти вплотную... Я собрал весь имеющийся у меня запас узбекской ругани — и обрушил его на Базара. Надо сказать, что он не терпел, когда кто-либо позволяет себе разговаривать с ним вольно в присутствии его "охраны": это могло плохо сказаться на его авторитете.

Но на этот раз Базар почти не отвечал. Лишь коротко предупредил:

— "Ближе не подходите. Начнется резня!"

Тогда я обратился к его бригаде.

— Что вы стоите, как бараны?! Смотрите на этого подлеца, словно на Бога... Он за свое благополучие вас всех по одному перебьет!

Наше столкновение увидел конвой. Охранники стали стрелять в воздух. Раздалась грозная команда: "Разойдись!!" ...Мы вынуждены были исполнить приказание, так как ясно было, что охрана, как и все лагерное начальство, в любом случае будет на стороне Базара: ведь такие мерзавцы помогали и начальству, выжимали из несчастных заключенных последние соки, чтобы "дать норму".

Охрана отделила нашу бригаду от общей колонны. Так и повели нас обратно в лагерь. Мы видели, как напарник умирающего бригадника с трудом оторвал от земли его негнущееся тело, взял на плечи и вошел с ним в строй. Через минуту началась агония: судороги, кровавая пена... И его списали, как скотину, и на его место пришел новый каторжник...

Бригада Базара также была отделена от колонны. Нас всех предупредили, что если что-либо случится с ним — наказаны будут все. Меня начальник лагеря предостерег особо, как зачинщика: "Я тебя загоню, куда Макара телят не гонял". Мне было уже все равно, страх исчез, а гордость и дерзость словно сами собою, без раздумий, заставили меня произнести такую фразу:

— Если там Еремушка (так называли северян) оленей своих пасет, то и мне, сыну Авраама, найдется место в тех краях. И, как Ицхак, буду и я пасти там своих овец...

Начальник лагеря был русским; высокий, интеллигентный на вид, майор. Моя дерзость преспокойно могла бы привести к смерти в изоляторах... Но майор почему-то ограничился коротким окриком: "Вон отсюда, бандит".

И я покинул его кабинет, не произнеся более ни единого слова.

На мое счастье этот майор был новичком. Он сменил своего предшественника, который получил

десять лет (впрочем, он не был отправлен за решетку, а в качестве лагерного "самоохранника" стерег других) за, так сказать, "роскошную жизнь". А погорел он вот за что. При лагере имелось подсобное хозяйство, ферма, обширный огород. Молоко с фермы предназначалось для лагерной администрации, а излишки — продавались заключенным через лагерную лавку. Так вот, начальник лагеря купал в молоке свою жену... А уж затем молоко это доставлялось в продажу заключенным.

Кого-то из его помощников это крепко заело: он решил донести на свое начальство. Заварилась каша, в лагерь начали прибывать одна комиссия за другой, обнаружилось, разумеется, всяческие злоупотребления... В конце концов начальник схлопотал десятку, но, как сказано, на общие работы не отправлялся.

Постоянный голод лишал заключенных, которым неоткуда было ждать помощи, человеческого облика. Молодые ребята, в основном, из России, становились гомосексуалистами, предоставляющими себя желающим за пайку хлеба. У каждого заключенного из бригады Базара был свой "мальчик". Своих соотечественников они не трогали: говорили, что русские для этой цели весьма хороши, только, мол, и драть их...

По закону мужеловство каралось пятилетним сроком, но начальство смотрело на происходящее сквозь пальцы. Это было как бы еще одно поощрение для таких "замечательных работников", как базаровы ублюдки. Естественно, что других заключенных это правило не касалось: их-то судили за гомосексуализм по всей строгости.

Рядом с каналом строили ГЭС. При копке котлована для фундамента на глубине восьми-десяти метров обнаружили подковы, старинные сабли. Как-то мое внимание привлекла странная серая полоса, шириной, приблизительно, до метра. Я стал долбить это место ломом, и вскоре лом мой провалился в пустоту. Это было что-то вроде

склепа, старинного захоронения. Я увлекся своей "археологией", и в себя пришел от окрика охранника. Как сегодня помню, фамилия этого охранника была Волков. Он наставил на меня дуло винтовки. "Вылазь, покуда не пристрелил!" Я убеждал его, что обнаружил нечто интересное, но он только угрожающе покачивал своим оружием, смотря на меня взглядом, вполне соответствующим своей фамилии... О своей находке я больше не заикался.

На другой день на работу меня не вывели, а велели собираться на этап: начальник сдержал свое слово и я отправлялся пасти телят в далекую Сибирь...

На воротах лагеря, который я покидал, было написано "ТРУД ОБЛАГОРАЖИВАЕТ ЧЕЛОВЕКА" Эта надпись врезалась мне в память.

(Конец первой части)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РУСЬ КАТОРЖНАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ташкентская пересылка, куда привезли нас из Чирчика (вернее, из П/Я Басу-1) была набита до отказа. Из нашей группы этапников, где было сто человек, отделили нескольких — в том числе и меня — и сунули в переполненную уже камеру. Здесь я немедленно обнаружил множество знакомых: из самого Ташкента и из родимых мест, кавказских. Наперебой здоровались, расспрашивали друг друга о новостях... Затем перешли к дому, к родным. В камере стоял невероятный гул от множества голосов, так что переговариваться было трудно.

Среди прочих знакомых оказался там и мой приятель Володя, парень моего возраста. Кличка его была — "Дочка". Еще на воле он прославился, как замечательный певец: блатные песни в его исполнении никого не оставляли равнодушным... Я, кстати, сам как будто неплохо пою их; и теперь иногда, в кругу друзей, могу взять в руки гитару.

Увидевшие Володю прервали разговоры и стали просить его спеть. После долгих уговоров он согласился. На этот раз он пел лермонтовское: "Выхожу один я на дорогу..." Его напевный голос вновь поразил меня, хотя мне, конечно, приходилось его слушать множество раз. Это был истинный артист...

На Ташпересылке камеры были с большими решетчатыми дверьми. Когда Володя запел, во всем коридоре наступила тишина. Появился и начальник режима. Фамилия его была Плевако. Так звали знаменитого в дореволюционной России адвоката. Но был он евреем-ашкеназийцем, человеком необыкновенно дерзким и жестоким. Мы было думали, что начрежима прервет Володино пение, но и он сам, казалось, был покорен прекрасным голосом и стихами Лермонтова. Песня окончилась. Начальник обратился к Володе с такими словами: "Дочка, красиво ты поешь. Но если я еще раз услышу твой голос в камере — двадцать суток карцера тебе обеспечено... А на этот раз — прощаю." Все заключенные в один голос поблагодарили начрежима...

Через несколько дней нас загнали в телячьи вагоны, обмотали колючей проволокой состав — и поехали мы в бескрайнюю каторжную Сибирь.

Наш поезд остановился на станции Китой, под Иркутском. Станция эта была лагерной, и оттого звали ее — Китойлаг.

Только здесь я поистине узнал воровской мир и его законы, вернее, впервые увидел, как законы эти применяются "на практике".

В этом месте я вынужден несколько отвлечься от своего повествования, чтобы дать "теоретическую подготовку" читателю.

Воровской мир на воле и в лагере — мир закрытый. В последние десять-пятнадцать лет появились воспоминания и рассказы из воровского быта. Все эти книги написаны не ворами, а "фрайерами", которые знали воровскую жизнь, во-первых, по-лагерю, а во-вторых — знали эту жизнь лишь "снаружи". Неосведомленность таких авторов вполне понятна. Но и некоторые книги, написанные теми, кто имел отношение к воровской среде, по тем или иным причинам путают читателя.

Приведу только один пример. Через всю "лагерно-воровскую" литературу проходит слово "пахан", то есть что-то вроде диктатора-главаря воровской

группы. Так вот, никаких таких "паханов" нет и не было...

Естественно, что пожилые и опытные воры пользовались уважением своих товарищей. Если возникали какие-либо трудности, то к таким людям могли обратиться за советом, за помощью, чтобы они своим профессиональным и нравственным авторитетом повлияли на события. Но никаких преимуществ у даже самых уважаемых воров — не было. Попробовал бы кто-то, пользуясь уважением товарищей, потребовать себе большую часть добычи, или что-либо другое!.. Его авторитет немедленно упал бы, а сам он, скорее всего, лишился бы жизни.

Хочу описать случай, происшедший со мной в Махач-Кале. Я с товарищами (Иваном "Беспальым" и "Мишаней") промышляли тогда около кинотеатра "Темп".

Я расстегнул пиджак у одного фрайера и уже приготовился "выкупить" у него кошелек, как "Беспальный", заметив, что я поймел солидного сазана и уже готов ощипать его, начал тихонько оттирать его от меня, рассчитывая заняться сам. Я его шепотом предупреждаю, мол не наглай Беспальный, мой сазан, а он делает вид, что меня вообще не видит. Тогда я сильно толкнул фрайера, тот сразу схватился за карман, а я начал выбираться из толкучки. Выбрался и жду, когда появится наша братия. Там я рассказал одному пожилому вору, по кличке "Спартак", что произошло. Где-то через полчаса подвалил туда и Беспальный с Мишаней. Спартак начал было ругать их, но Беспальный оборвал его и обозвал меня "шандрастиком". Я не выдержал и кинулся на него, но меня оттащили. Тогда я при всех предупредил его, что если еще раз засеку его за подобным делом, всажу нож в его поганое брюхо.

И многие поддержали меня, заявив, что мол оголец прав, если так и сделает.

Много вокруг нас крутилось тогда так называемых "колымских фрайеров" — босяков, которые

после отсидки за бродяжничество выдавали себя за воров и во время гулянок старались присоединиться к дармовому столу. Обычно этих блюдолизов мы гнали от себя, но голод и война развели на Руси столько бродяг, что воровской мир и его законы тонули в этой лавине.

Правителям страны всеобщего счастья нужна была дармовая рабочая сила для великих строек социализма, поэтому при малейшей провинности человека хватали и бросали в лагерь. А после освобождения, даже если и хочет человек завязать, вернуться домой, начать новую жизнь — то сделать это было очень трудно, так как не разрешалось вернуться в родные края, к родителям, родственникам, которые могли бы помочь встать на ноги.

Но вернемся к нашему рассказу:

Итак, что такое законник? Каким правилам и законам он должен подчиняться?

Хотя кое-где, в разрозненном виде, об этом уже говорилось, я повторяю все это по пунктам. Начну с поведения на воле.

Вор-законник должен быть абсолютно честным: по отношению к товарищу, во время любой игры он должен честно расплачиваться при проигрыше и требовать того же от товарища по игре (о "заигранных" я уже говорил выше); вор не должен заниматься мужеложеством. Страшное признание вызывает тот, кто во время "дела" припрятал часть добытого для себя. Такой нарушитель принадлежит практически любому наказанию по выбору товарищей, вплоть до смертной казни. Вор-законник не имеет права также служить в армии, и не работает.

В лагере законы более суровы.

"Законник" может:

а) исполнять должность бригадира, если это не ведет к необходимости заставлять работать других;

Законнику запрещается:

а) выдавать товарища вышестоящему начальству;

б) подличать по отношению к кому бы то ни

было: будь человек вором или фрайером;

в) занимать должность бригадира, если это связано с необходимостью давать подписку об обязанности сообщить по начальству о действиях находящихся в подчинении заключенных, сообщать о готовящихся побегах;

г) быть комендантом лагеря, завбаней, завпарикмахерской, поваром, хлеборезом, нарядчиком, каптерщиком, медработником, бухгалтером и т.п. Одним словом, законнику в лагерях (при советской власти) запрещено выполнять любые работы, которые повели бы к облегчению его участи по сравнению с другими заключенными.

Здесь следует упомянуть, что до революции 1917 г., вплоть до 1930 г. законы лагерной жизни для воров были несколько полегче. Изложу их так, как слышал от воров 50-60 летнего возраста.

1. Не быть "сукой", то есть в любых ситуациях не выдавать товарища, отвечать только за себя:

2. Не проигрывать того, чего у тебя нет;

3. Во время совместной кражи не припрятывать добычи. За это убивают на месте;

4. Не быть педерастом.

Нетрудно заметить, что эти четыре пункта позволяют вору делать все, чтобы облегчить свое существование в лагере.

После 1940 года положение в лагерях резко изменилось: появилось множество воров и групп воров, которые ничего друг о друге не знали, так как межворовские связи были нарушены. Если в зону попадал вор, о похождениях или хотя бы о кличке которого никто из находящихся в данном лагере не знал, его законником не признавали и отталкивали... Воровской мир пытался таким образом спасти себя от самозванцев и провокаторов. В результате этого возникло множество враждующих группировок, которые не признавали одна другую и жили по собственным законам. Итак, раздел произошел. Так продолжалось приблизительно до 1946 года. И тогда начальство перешло к

главному, чтобы уничтожить воровскую солидарность: воров стали гнуть, то есть вынуждали их становиться суками, идти на службу к начальству, предавать товарищей.

История воровского мира сохранила нам имя первой "суки" — это был бывший вор Борис по кличке "рваный". Он первым приступил к выполнению "государственного задания" — гнуть воров!.. Было это, как рассказывают, в 1946 году на Воркутинском лагпункте...

Из рассказанного ясно, что "сгибание" производилось руками самих "сгибаемых", тех, кто не выдержал, предал, пошел на службу к начальству. "Кадры" предателей находились в самоохране. Об этом уже писали другие, так что я вернусь к своему рассказу.

х х х

Итак, в мае 1949 года я впервые попал в Сибирь. Мы, новички, ничего не знали о законах в этих отдаленных лагерях. Нас вывели из вагонов, построили... И тогда впервые прозвучала в моих ушах знаменитая присказка: "Здесь — закон-тайга. Прокурор — медведь"...

Атака началась с первой же минуты, когда наша колонна была введена на территорию лагеря. Мы услышали странную команду: "Воры-законники, отойти в сторону!" В недоумении мы переглянулись. Из строя, разумеется, никто не вышел. Команду повторили еще и еще раз. Пауза — все по-прежнему. Тогда из кучки начальства вышел человек в гражданском. Он вплотную подошел к нашему строю и, в упор уставясь на моего соседа, проговорил: "Что ж это ты, Старуха, приказа не слышал?"

Обращались к моему товарищу Саше. Его кличка была названа правильно. Старуха вышел из

строю и его увели в какое-то помещение. Через некоторое время его вернули в строй... полуживого. Старуха любил хорошо одеться: он говорил, что вор не должен скупиться, быть всегда сытым, выбритым, аккуратным. До того, как увели его, он одет был в темно-синий бостонский костюм и хромовые сапоги. Теперь на нем были какие-то жалкие лохмотья, не заслуживающие названия одежды. Он едва стоял на ногах. Нам пришлось придержать его... Что случилось?! На этот вопрос он ответил, едва ворочая языком: "Суки гуляют..." Я не понял и переспросил. "Суки там гуляют..." — еле слышно сказал Саша Старуха и умолк.

Позже я узнал, что этот в штатском, что вывел Сашу из строя, был его давним знакомцем, да и не только его... Это был некто Коля Бессмертный. Он узнал Сашу среди полутора тысяч человек...

Сашу отвезли в фанзу. Раздели до-гола. Принялись избивать, заставляя кричать: "Я не вор, я не вор!" Подводили к нему других воров из этого лагеря, заставляли бить, пинать по ребрам, хлестать по лицу. Когда Саша от побоев терял сознание, прекращали побои. Потом Сашу вновь вернули в строй, чтобы показать всем нам, что ждет нас в случае неповиновения.

Надо сказать, что Коля Бессмертный был превосходным знатоком воровского мира, отличным психологом. Воров он знал, законы воровского мира — также знал. И со своей гнусной работенкой справлялся неплохо...

В Средней Азии, где мне довелось сидеть раньше, — как, впрочем, и на воле, — если среди воров появлялся кто-нибудь, о котором известно было, что он — сука, его всеми возможными способами убивали... О таких случаях сразу же становилось известно и в лагерях и на воле.

Но в Китайлаге нас встретила сплошная сучья орава. Эти мерзавцы были целиком и полностью в распоряжении начальства, выполняя его планы и

замыслы... Командовал расправой над ворами сам генерал Булгаков Семен Иванович — начальник Китайлага. Это именно он произнес знаменитое "закон — тайга", указывая в сторону сплошных зарослей, и — указывая пальцем в землю, — "прокурор — медведь"...

Когда нас, воров, отделили от остальных, то строем отвели в сторону. Затем начали заводить группами по пять человек на внутреннюю площадку зоны. Там находилось четыре фанзы — домики китайского типа. Меня завели в одну из этих фанз.

Меня окружили четыре жлоба. Трое русских, из заключенных, а один — "нацмен", надзиратель, в форме. Потом я узнал, что он — азербайджанец.

Он и задал первый вопрос:

— Ты кто?

— Человек, конечно, не зверь.

Вошел Коля Бессмертный. Он обратился к одному из присутствующих:

— Ну-ка отведи этого к тому, что в другой фанзе и заставь быть по морде! Да покрепче!

Услышав его слова, я решил ответить резко, пока меня не вывели.

— Не хлопочи так сильно. Того, чего тебе хочется, все равно не будет...

Но договорить мне не дали. Двое подхватили меня, а надзиратель свел мои руки за спиною и подвесил за веревку, прикрепленную к потолку. Затем веревка натянулась и я повис в воздухе на вывернутых руках. В углу фанзы стояли валенки, набитые песком. Один из палачей взял из них и принялся наносить мне размеренные удары по бокам... После нескольких минут пытки я не чувствовал боли, ибо весь правратился в боль. А он колотил меня, приговаривая: "Хочешь жить?.. Хочешь?! Тогда говори: я не вор, я буду во всем помогать администрации..." Я не отвечал ни да, ни нет. Не было сил... Несколько секунд отдыха. Затем за меня взялись заново. Я почувствовал страшный удар по позвоночнику, — и больше уж ничего не чувствовал. Очнулся я через день.

Это было в одном из БУР-ов, точнее — в одной из фанз, отведенных в этом лагере под барак усиленного режима.

Я увидел над собой лицо Саши "Старухи".

— Ничего, дружище, все будет хорошо, — уговаривал он меня.

Все тело ныло. Я был измотан и изуродован. Все же, кое-как собравшись с силами, я приподнялся и сел на нарах. Осмотрел новое свое место жительства...

х х х

Суки-стукачи безраздельно владели лагерем. Им разрешалось делать, практически, все, что в голову взбредет, но с ведома начальства, при условии, что они будут держать в узде других заключенных, заставляя их работать.

В этом лагере суки были комендантами, нарядчиками, бригадирами (хотя многие из них были совершенно безграмотны), завбаниями, поварами, каптерщиками, завещующими изоляторов. Особенно жестокими были бригадиры, выжимавшие последние соки из заключенных. В этом лагере заставляли работать даже тех, у кого не было сил подняться. Их избивали до полусмерти и волоком волокли на работу.

Бывало и так, что такого бедолагу выволакивали в зону, раздевали до гола и заставляли стоять на пне, облепленным комарами и мошкаррой. А в это время бригадир вместе с надзирателями, надев накорманники, любовались этим зрелищем.

...Как-то вечером, после тяжелого рабочего дня, в наш барак вбежал один из заключенных, совсем молодой парнишка, с криком:

— Суки идут!!! Человек десять, с пиками...

Мы вскочили. Но было уже поздно. Суки с

пиками в руках стояли в дверях барака. К своему изумлению и отвращению я узнал в одном из них своего приятеля по воле — Витю "Чахотку". Вот уж никогда бы не подумал, что и он станет сукой...

Я внезапно схватился за его пику, не давая двинуться вперед.

— Витя, да как ты мог сдаться и поднять руку на таких же?! Мы же с тобою на воле вместе "лазили", вместе пили, с блядьми кутили... И вместе расправлялись с суками. А теперь? Сам стал сукой и пришел со своей сворой гнуть нас... Уматывай, гад, отсюда, суцье отродье, мать твою в глотку!..

Он резко отпихнул меня.

— Уходи, армяшка, по-хорошему, а то я тебе ребра пересчитаю, а ты их не досчитаешься! Забудь мою кличку, забудь все, что на воле было...

Тем не менее он ушел от нас. Больше я никогда не встречал его. Позже прошел слух, что он умер от туберкулеза, которому и был обязан своею кличкой.

Мне трудно говорить это, но многое связывало нас на воле. Он был необыкновенно вежливым и чувствительным парнем. Никогда не мог понять, как вор может поднять руку на вора, как можно выдать товарища... Но лагерная инквизиция отлично знает свое дело — и он не выдержал. А много ли могло выдержать все эти побои и издевательства... Возможно, что и болезнь его, о которой он знал, также сыграла свою роковую роль, заставив его пойти по пути предательства...

Из ста с лишним законников, пришедших одновременно со мною в этот лагерь, осталось двадцать пять. Каждый день из барака уводили по несколько человек — и больше мы не встречали их. Пришла и моя очередь. Как-то утром меня не погнали на работу, а оставили в бараке. Не выводя оттуда, меня начали бить по ребрам. Вскоре все ребра на левом боку были сломаны... После этого меня повели в баню "освежиться". Раздели догола, обвязали веревкой — и начали опускать в колодец с ледяной водой. Час с лишним они измывались над моим изуродованным телом: то вынимали из воды,

то вновь погружали, следя, чтобы я не захлебнулся и не умер, лишив их тем самым развлечения. Вдоволь повеселившись, меня бросили полуживого в изолятор-одиночку. На другой день пытки возобновились. Мне, как водится, предложили условия, но я не согласился. Издевательства длились до ночи, а на ночь, в одних трусах, меня оставили в "специальной" землянке... Я не смогу описать, что происходило со мною в этой адской яме. Я хотел наложить на себя руки, но что-то остановило меня...

На третий день в землянку просунулась голова Коли Бессмертного.

— Ну, как поживаешь? Может одежду тебе подать? Ты уж, сделай милость, оденься... А может, ты еще не выспался, граф Монте-Кристо?

По указанию Коли, завбаней вернул мне мои вещи. Затем меня, окоченевшего, отвели в какую-то комнатку, а сами вышли... Как я узнал позже, между завбаней и комендантом Колей произошел спор по моему поводу. Завбаней ни в коем случае не хотел отпускать меня, не согнув. Ведь он и сам был бывшим вором-законником. Звали его также Колей, а кличка его была — Дух. Так все его и звали. Однако наш психолог-комендант утверждал, что мол, "это кавказское племя согнуть невозможно". На том и порешили. Меня вернули в нашу фанзу. Там сидело человек шестнадцать. Все были погружены в тяжкие раздумья.

Навстречу мне поднялся Саша.

— Где ребята? — спросил я.

— Кого согнули и в другие лагеря отправили, кто не выдержал и концы отдал... Такая, одним словом, житуха.

А рабов-каторжников все гнали и гнали: каждый день, каждую ночь. Не хватало барачников, даже мисок для пищи. Во время ужина или завтрака было не во что принять еду от раздатчика, и некоторые заключенные накладывали суп и кашу в снятый с ноги ботинок: боялись, что если сначала суп, то каши потом не достанется... Кто был

пошустрее — выживал. Слабые умирали как мухи. Именно из них и готовили стукачей.

Именно в эти дни, когда начальство было занято вновь прибывшими каторжниками, в нашей бригаде случился побег: прямо среди бела дня, на объекте. Побег был глупым и необдуманым, так что провал не заставил себя ждать. Двое горемык незаметно подобрались ближе к лесным зарослям, выскочили с территории объекта — и пустились бежать. Их немедленно догнали. Одного пристрелили на месте, другому — всадили пулю в рот, когда он собирался что-то сказать своим тюремщикам, просил о пощаде. Это уже второй раз, что я видел такую смерть. Он, однако, умер не сразу... Когда нас привели обратно с объекта в лагерь, на возвышении возле вахты мы увидели два тела: одно неподвижное и другое, медленно шевелящееся. На этом месте они пролежали три дня, причем раненный каторжник все не умирал. Затем ему "контрольным выстрелом" продырявили голову. Оба трупа выбросили в общую яму.

Скорее всего, они бежали, зная, что погибнут. Искали смерти. Я пишу эти строки и мне начинает казаться, что люди не могут поверить в правдивость моих строк, так как у меня у самого, пережившего все это, — мурашки бегают по телу. Но это было, есть и будет в советских лагерях, при их зверском режиме. Иногда я перестаю писать, бросаю ручку и ухожу от письменного стола. Окунаясь в далекое прошлое моей жизни, я не перестаю удивляться, как я мог выжить и уцелеть. Ведь случалось, люди, истощенные и измученные непосильным изнурительным трудом, бросались в запретную зону лишь для того, чтобы их пристрелили, как за побег. Смерть была безразлична им, ведь мертвым завидовали живые. Так и мне не раз хотелось броситься в эту запретную зону и быть расстреленным, одним махом сбросить с себя непосильное ярмо. А охрана знала, что эти люди не готовят побег, просто идут на смерть, и они стреляли, не задумываясь, в упор.

В нашу фанзу поселили четырех новеньких: Саша "Бодайбо", Коля "Кац", Миша "Поташ", и еще один Миша — "Зверь". С ним у меня произошла такая история.

Дело в том, что Мишу Зверя я знал с детства. Семь лет мы не виделись, он возмужал, был выше среднего роста, здоровенный, действительно зверь... Он как и я был евреем. Считался законником среди нас.

Убедившись в том, что он и есть тот самый Миша из Грозного, я заговорил с ним на нашем языке, но в ответ услышал:

— Друг, я не тот, за кого ты меня принимаешь, и твоего языка я не понимаю...

Это меня не остановило. Я продолжал говорить с ним на нашем языке. Уж очень меня заело его нежелание признаваться, притворство. Возможно, что причиной этому было одно неприятное для него дело. В свое время он крупно проигрался, а расплачиваться — нечем было. Ему дали срок для уплаты и он поехал добывать деньги. Но по дороге он попался на воровстве и его засадили в тюрьму. Вот тут-то он нарушил воровской закон: он обязан был сначала расплатиться, а уж потом "лазать". Следовательно, совесть его перед воровским миром была нечиста, и по нашим законам он считался заигранным... Все это я выложил ему на нашем языке, а в заключение добавил: "Если хочешь, я все это повторю на русском языке!"

Миша "Зверь", услышав все мною сказанное, пришел в неопишемую ярость: казалось, что он немедленно зарежет меня на месте. Его вспышкой заинтересовались присутствующие. Они принялись наперебой спрашивать, что произошло, но я прервал их вопросы: "Если Миша хочет, пусть сам скажет, в чем дело".

Однажды Саша "Бодайбо" пригласил меня "побеседовать". Предложил закрутку анаши, и начал осторожно выяснять, что именно мне известно о Мише "Звере". Мгновенно поняв, к чему он

клонит, я сказал:

— Знаешь, Саша, ты хоть и старый тигр, но и я — молодой барсенок. Я ведь понимаю, что именно тебе хочется услышать. Но мелко же ты плаваешь, если надеешься у меня что-либо выудить.

Анаша подействовала на меня. Я вновь принялся дразнить Мишу, но, разумеется, на нашем языке. Он злобно ходил взад и вперед по бараку, положив обе руки за спину, подходил ко мне, щелкая зубами... По закону вор с воров не дерется, а доказывает на сходке воров, что собеседник оскорбил его. Если это доказано, то истец становится пред виновным и дает ему пощечину. Ни о каком серьезном избиении речи быть не может. В этом есть глубокий смысл. А уж если произошло нечто непоправимое, оскорбление нанесено непрощаемое, — то виновного ждет смерть. И никак не мордобой...

Итак, Миша бесновался, требовал, чтобы я перевел сказанное ему на русский, но все же не признавался, что отлично понимает каждое слово. Я тоже завелся.

— Согласен!

Все в нашей фанзе замерли.

— Я перевожу, — объявил я. — Миша, слушай внимательно-внимательно! Дорогой Миша, не посо-сешь ли ты у меня хуй.

Хохот заглушил мои слова. Тряслась наша дряхлая фанза, а Миша ругал меня на чем свет стоит.

х х х

За меня принялись вновь: три дня подряд меня держали на вахте, издеваясь, мучая и пытая. Уже не выдерживая побоев, я сказал присутствующему при пытках начальнику режима: он, как будто, был в полковничьем звании.

— Гражданин начальник! Я родился на Кавказе

и мать родила меня стоя. Когда я вырос, то она завещала мне не быть подлецом. А если придется умереть, то умереть, как мужчина. Лучше умереть молодым, чем быть старым подлецом — вроде вас... Да сохранит Бог перенести все то, что перенес я от ваших рук и от рук ваших братьев-убийц...

Не успел я закончить свою речь, как еновь на меня набросились суки. Те, кто еще недавно вместе со мною ели, работали, спали, а сегодня, превратившись в негодяев, хотят весь мир утащить за собой. Потерявшего сознание, меня отволокли в фанзу и бросили на нары. Избили меня до того, что я стал оправляться кровью. На другой день раны мои дали о себе знать с удеса-теренной силой, но меня погнали на работу. Товарищи, держа меня под руки, шли рядом со мною. Среди нас был один вор из Иркутска — Паша "Японец", имеющий за плечами много лет заключения.

В полдень на объект пришла группа сук. Когда Паша увидел их, он схватил столярный топор и пошел к ним. Суки ничего не подозревали. Паша буквально вплотную подошел к некоему Юре "Шраму", бывшему вору из Омска и одним ударом разрубил ему голову: она рассеклась как арбуз. Суки, увидев, что происходит, кинулись на нас с ножами. Пашу "Японца" они зарезали на месте. Мы не остались в долгу. Началась резня. Ко мне рванулся один из сук, держа в руке нож. Я едва успел схватить его за руку... И по сей день у меня на пальцах видны шрамы от тех порезов.

В это время слышались выстрелы охраны. Они бы поубивали нас всех, но мы вовремя прекратили бой.

Нас построили и повели в зону. Измученных и полумертвых пинками загнали в изолятор... Ночью я проснулся от боли в голове: кто-то зубами впился мне в темя... Это был тот самый, с ножом. Я выл от невыносимой боли. Товарищи, как могли, перевязали мне рану каким-то тряпьем. На утро нас разбросали по-двое по камерам. Я попал вместе с

одним персом по имени Гафар. Еле стоящих на ногах, нас бросили в залитую водой камеру изолятора. Предупредили: "Сегодня будет вам варфоломеевская ночь!" — и ушли... Двери захлопнулись. В углу валялись несколько досточек от развороченных нар, от которых осталась только рама. Мы с Гафаром кое-как пристроили эти досточки на рамы и уселись, поджав ноги.

Делать было нечего. В лагере началась резня. Суки убивали воров, так как те, немногочисленные и разделенные начальством, не могли ничего сделать... Мы ждали своей участи. Чтобы убить время, начали вспоминать прошлое. В десять вечера, или около этого, наш разговор был прерван шумом в коридоре. Шли суки.

— Начнем отсюда, — сказал кто-то за дверью.

Мы втиснулись в стену, ожидая смертного часа, готовясь дорого продать свои жизни. Пока суки в коридоре обсуждали, что да как, кого прикончить раньше, подоспел "комендант" — Коля "Бессмертный". Своим властным голосом он заорал: "Всем уйти отсюда! Вам не убивать велено, а гнуть, применяя все методы! Гнуть, понятно?!" Так он спас нас от неминуемой гибели.

С утра нас начали выводить из камер. Дошла очередь до меня. Меня впихнули в комнатку. За письменным столом сидел начрежима. Его фамилия была Григорьев, — это ему я сказал все, что было у меня на сердце...

Начались уговоры и угрозы.

— Гражданин начальник, — сказал я, — я предпочитаю смерть. Это лучше, чем быть такими как они, — и указал на группку стукачей-сук в углу.

Меня схватили. Левую руку заложили в дверной косяк. И стали закрывать дверь.

Я лишь кричал: "Убейте, убейте меня сразу! Сукой я все равно не буду..."

Руку освободили. Словно труп, я рухнул на пол. Сам Григорьев, сопя как дикий зверь, начал топтать меня ногами.

Через двое суток я очнулся в незнакомой камере. Местные ребята рассказали мне, как я попал сюда, как меня приняли за мертвеца, но когда я пошевелился, перевязали мои раны...

Я подумал: как избежать бессмысленной и неминуемой смерти? И решил — расколоться. Чтобы меня послали на пересуд...

Я рассказал одному заключенному, что настоящая моя фамилия вовсе не Якубов, а Абрамов, что 2 мая 1948 года я убил такого-то, скрывался... Словом — все. Тот рассказал другим, те — сукам. А уж суки понесли известие к начальству. Через несколько дней меня вызвали к оперуполномоченному. Все сказанное в камере я повторил и ему, со всеми подробностями. Позднее мне пришлось от всего отпираться на следствии, но жизнь я свою спас.

Не пришло и четырех недель, как меня вызвали и сообщили:

— С вещами! На пересуд.

К тому времени я уже вновь был в своей фанзе, с друзьями. Услышав, что мне велено собираться, они решили проводить меня до вахты. В это время к нашей компании подошел Коля "Бессмертный". Обращаясь к одному из провожающих меня, он громко сказал:

— Ты, падло, забыл, сколько раз мне ноги целовал?! А ты, стерва, сколько раз говорил, что не вор?!

Так, переходя от одного к другому, он выдал "характеристики" на всех.

И пусть Бог будет свидетелем того, что сказал он обо мне:

— Чего вы все, вместе взятые, стоите по сравнению с этим зверенышем?! Нам не удалось согнуть его. Вот он и уезжает на пересуд.

Никто не знал, почему меня вызывают. Даже Саше "Старухе" я ничего не сказал...

Прощавшись со всеми и поцеловав на прощанье Сашу, я направился к выходу. Навстречу мне

с протянутой рукой приближался "Бодайбо".

— Ну, прощай. Ты много увозишь с собою: так и не сказал нам ничего о Мише "Звере", — проговорил он тихо, почти шепотом.

Я ответил ему, что, мол, если доведется на Колыме встретиться, тогда и поговорим об этом. А "Зверь" — парень неплохой.

Меня привели на вахту. Там находился "Бесмертный". Упомянув о Саше "Старухе", как о своем хорошем бывшем товарище, он перешел к нравоучениям:

— Вот... Везут тебя на пересуд. Возможно, что родные тебя выкупят. Ты уж их слушайся. Молодой, здоровый... Будь человеком, брось воровство. Сам видишь, что теперь в лагерях творится. Это не тридцатые годы, когда воры всем заправляли и жить в зоне полегче было.

Меня увезли в Иркутскую пересылку.

Будущее меня не страшило. Я не слишком твердо представлял его, зная лишь одно: надо выдержать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

По прибытии в Иркутскую пересыльную тюрьму меня немедленно загнали в камеру. Я был очень рад этому, так как был жестоко измучен. Мне повезло, и я проспал трое суток, поднимаясь лишь на еду.

На четвертые сутки я проснулся от шума в камере. Привезли очередного заключенного. Это был мужчина в цвете лет, здоровенный, стройный, настоящий русский богатырь. Кто-то из сокамерников внезапно встал и двинулся к нему навстречу, распахнув объятия.

— Вань, тебя каким ветром сюда занесло?! — звучно произнес он.

— Макар, и ты здесь!

Они троекратно расцеловались, и, сжимая друг друга в объятиях, зарыдали в голос...

Заснуть я уже не мог, а во все глаза следил за встречей двух сибиряков (оба они были из-под Иркутска, работали в леспромхозе до войны, а вернувшись с фронта, возвратились к прежней работе).

Эта встреча заинтересовала всю камеру. Принялись расспрашивать. История Вани была одновременно и смешной и жутковатой.

Как-то вернувшись с работы, Ваня неудержимо захотел свою жену. Но в ответ на его домогательства

уставшая Фрося (так ее звали) сказала, что пускай он, мол, погодит: вот стирку закончит, детей уложит, тогда и побалуемся (детей у них было шестеро). Ваня обиделся и ждать не стал: взял Фросю силой. Зареванная, сердитая Фрося вернулась к своим домашним заботам — вышла во двор развешивать белье. Тут подвернулась соседка. Фрося рассказала ей о мужнином поведении. "А ты пойдешь в милицию заяви, — подлила масла в огонь соседка. — Пускай его там попугают..." Фрося послушалась. Пришла в отделение, попросила, чтобы ее Ваню "попугали". В милиции все, ею рассказанное, записали, а затем — предложили Фросе расписаться под протоколом. Не прошло и часа после возвращения Фроси из милиции, как к их дому подъехал "воронок". Ваню увезли...

В милиции он кричал, чтобы ему хоть сказали — за что, но ответом было: "На суде узнаешь".

Из милиции его перевезли в тюрьму. На другое утро встревоженная Фрося прибежала узнать, что с мужем, почему домой не отпускают. "А мы его без суда отпустить не можем, — сказали ей. — Теперь уж как суд решит, так и будет".

Суд был скорым: восемь лет лагерей за изнасилование.

На суде Фрося исходила криками: "Ванечка, я ж не хотела, я ж только попугать... Вы ж мне обещали, что поговорите — и отпустите, а вы вон что! Ко детей кормить теперь будет?!"

На все ее вопли ответил Ваня:

— Ну, подлая, посадила меня! Теперь, слава Богу, хоть от домашних забот избавлюсь. Сама, сука, корми, работай, воспитывай, а меня — больше тебе не видать!

На этом рассказ Вани кончался. Эта бесхитростная история российского мужика потрясла всех, а ведь в камере находились люди, прошедшие огонь и воду.

Через несколько дней меня и еще нескольких сокамерников посадили в "столыпина" — и повезли...

Вагонные встречи частенько бывали необычными.

Кажется, на станции Тайшет к нам посадили пленного японца (не забывайте, дело происходило в 1949 г.!). На родину его не отпускали и он работал грузчиком. Однажды, разгружая вагон, он позарился на кусок мыла. Его осудили по знаменитому "указу 1-1" на шесть лет. Причем если до сих пор он сидел среди своих соотечественников в лагере-поселке для военнопленных, то теперь его везли в русский уголовный лагерь "на общих основаниях".

С японцем этим в нашем вагоне произошла обычная история: он просил охрану вывести его "на двор", а ответом было "пождождешь..." Проситься он начал утром, а к полудню стал корчиться и кричать тонким детским голосом: "Начальник, вода хуй бросай!!!"...

Наконец он не выдержал — оправился в собственный резиновый сапог.

На обед нам давали отвратительную ржавую селедку — обычная еда. Сидя на верхней полке, я старательно очищал полученную рыбину. Сквозняк подхватил клочок шкурки — и она оказалась на груди охранника, стоявшего за решетчатой дверью: села ему прямо на комсомольский значок...

Охранник пришел в ярость: "Кто бросил!?"

Я застыл с селедкой в руках.

— Ах ты, стерва, сволочь черномазая!

— Это ж случайно, извините.

Меня вывели из "купе", швырнули на пол. Били руками и ногами по лицу, в живот. Затем закрутили руки за спину "ласточкой" — и принялись колотить по ступням ног...

Я молчал. Но когда один из них размахнулся, чтобы в очередной раз ударить меня, я не выдержал и плюнул ему в лицо. Это придало им "энергии": били меня уже не беспорядочно, а по очереди, стараясь покалечить. Я изловчился, приподнялся, и когда тот, на кого попала злосчастная селедочная шкурка, оказался рядом, я изо всей мочи "угадал" его промеж ног... Он с криком присел.

Больше я не помню ничего. Меня избивали от

обеда до отбоя — 10 вечера.

До самого Новосибирска я не слезал с нар, не мог даже пошевелиться.

...Новосибирск, вернее — новосибирская пересылка, встретила нас мелким октябрьским снегом.

Тысячи будущих каторжников толпились во дворе пересыльного пункта, кое-кто лежал прямо на мерзлой земле, не имея сил держаться на ногах. Здесь были эстонцы, латыши, финны, западные украинцы, мужчины, женщины с грудными детьми, которые замерзали у них на руках... Шло "переселение". Мне вспомнилась привокзальная площадь родной моей Махачкалы. Но тогда людей гнала война, а теперь?.. Надо полагать, что среди этих ссыльных было достаточно таких, которым пришлось побывать на нашей вокзальной площади... Или на какой-либо иной.

Прошло три дня — и меня повезли в Челябинскую пересылку. Там был воистину ад, описать который я и по сей день не решаюсь. Убежден, что в гитлеровских лагерях было лучше. Людей не успевали хоронить. Полно было "товару" для воров, но у кого — и для чего — было воровать?..

По приезде нас повели в баню. Ко мне подошел парень из Москвы. Как помнится, звали его Юра.

— Не вздумай купаться. Тут одна сучня. Как узнали, что ты законник, решили тебя убить...

Едва он произнес это, как в баню с деловым видом вбежал местный начрежима.

— Воры-законники, в сторону!

Мы незаметно покинули помещение...

К тому времени по всему пространству ГУЛАГа были созданы специальные лагеря для воров и сучни, где законников, находящихся в меньшинстве, зверски убивали. На Воркуте, Колыме, по всему Дальнему востоку шла резня. В центральной России было поспокойней — волна еще не докатилась до тех краев.

В Челябинске нас продержали совсем мало.

Я сладко заснул на своих нарах. Разбудил меня

горький женский и детский плач. Поезд стоял на маленькой станции. Оказывается, близлежащее село в полном составе провожало в лагерь последнего мужчину. Кто пропал на войне, кто не вернулся, а остальных — посадили. Это был последний...

Я лежал и думал: "Неужто так по всей России?.."

Размышления мои прервал возглас:

— Слезай, кавказец, тут нам твоего землячка подкинули...

Я спустился со своих верхних нар. Внизу сидело настоящее чучело. Он — "земляк" — был едва прикрыт жуткими лохмотьями, на ногах — полуразбившиеся лапти. От него исходило невыносимое зловоние. Я все же подобрался поближе и спросил:

— Откуда ты, земляк, кто по нации?

— Я — армянин из Франции, — отвечал он на ломаном русском.

— Да как же ты попал сюда из свой Франции? Да еще в тюрьму??

Он отмалчивался. Поняв, что он не слишком доверяет мне, я негромко поведал, что я сам — тоже кавказский, еврей из Махачкалы.

Мы накормили его, чем могли. Когда он немного пришел в себя, то рассказал такую историю. Русский он знал совсем плохо, так что некоторые слова и детали остались мне непонятными. Но вот эта история.

"Француз" прибыл к нам из Марселя. Его родители покинули родину во время армяно-турецкой резни. Жили они богато и дружно. Отец его владел рестораном и обувной фабрикой. После окончания второй мировой войны по всей Европе и, конечно, во Франции появились пропагандисты из СССР. Они призывали всех, кто покинул свою землю, вернуться в "социалистическое отечество", где нет капитализма и классовой борьбы... Призывали, так сказать, воссоединиться со своей исторической родиной, с народом, избавившим весь мир от коричневой чумы.

"Француз" заразился этими призывами...

— Всей семьей приехали? — прервал я его рассказ.

В ответ слышались рыдания, разрывающие душу: беспомощные, детские... Мы успокоили его, и он продолжал:

Мое счастье, что я один приехал. Мы так договорились: я приеду, осмотрюсь, а потом напишу. Если все в порядке, то и их вызову, а если что не так — и сам вернусь... Мне очень уж хотелось вернуться домой, в Армению, я от отца столько о ней слышал, все такое хорошее, радостное... Оформил документы и поехал. Советских законов, понятно, не знал: чемоданы мои были бытком набиты ценностями. По прибытии в Батумский порт, ко мне подошли двое — и вежливо взяли мои чемоданы, весь багаж. Я подумал — носильщики. Прямо с парохода нас посадили в автобус и повезли. Ехали мы долго. Автобус остановился у какого-то барака. Туда нас завели. Вскоре появились люди в военном и гражданском. У них я поинтересовался, когда смогу я получить свой багаж.

— Какой еще багаж?

— Чемоданы мои!

— Они были с вами в автобусе?

— Нет, я их вашим людям передал, что ко мне в порту подошли...

— Ничего не знаем. Раз их с вами в автобусе не было, мы ответственности не несем!

На этот раз разговор кончился. Все прибывшие поняли, в какую ловушку попались: ведь ни единой души к пароходу не подпускали, охрана стояла, так кто же, кроме чекистов, мог к нам подобраться. Все было задумано заранее...

"Француз" рассказал, что многие из прибывших везли с собою легковые машины, разобранное заводское оборудование шло за ними, много было и иностранной валюты... Все это под разными предлогами и при помощи циничного жульничества было конфисковано.

Он поведал нам об одной семье, которая

прибыла вместе с ним. Поняв, что их подло обманули, отец и четверо сыновей, на последние деньги, что были у них в карманах, купили в городе охотничьи ружья — и решили перейти турецкую границу. К ним примкнули два брата-близнеца — приятели одного из сыновей. Отец с сыновьями были убиты, но одному из близнецов удалось прорваться. Его турки отпустили, и он стал разъезжать по стране, рассказывая о том, как его заманили в СССР. В Турции в те дни пропаганда за возвращение армян в СССР была в самом разгаре.

В одном из турецких городов армянин убил такого пропагандиста прямо на собрании... Его чуть было не растерзала толпа "восторженных слушателей", но ему удалось убедить людей в своей правоте: он сообщил им все, что знал о подлом замысле коммунистов. Многих удалось ему спасти от роковой поездки...

В 1946 году нашего "француза" осудили за антисоветскую пропаганду и за сговор с перебежчиками. Теперь его везли на пересуд.

х х х

Наш поезд приближался к Харькову.

В печально-известной своей свирепостью харьковской пересылке на Холодной Горе, мы с армянином-французом попали в одну камеру. Здесь же находилось несколько бывших советских офицеров, служивших в Румынии. Среди них был один капитан-еврей, осужденный на десять лет по 58-й (за измену родине). История его "посадки" очень интересна.

— Было нас шестеро евреев там, — рассказывал он. — Вызвали нас к командиру, выдали еврейские молитвенники, талес, тфилин, и приказали ходить в местную синагогу. Я, хоть в детстве даже и Тору изучал, все давно забыл, ни в какого Бога не верил, только в коммунистическую партию. Но

приказ — есть приказ. Ходили. А потом нас арестовали за связь с сионистами и сунули десятку...”

Этот офицер знал французский язык. Узнав, что здесь находится человек из Франции, он попросил его спеть какую-то популярную песню. Бедняга армянин пел — и плакал...

Перед тем, как расстаться с французом, я сказал ему:

— Если тебя освободят, то эти лохмотья, что на тебе, увези с собой в память о Советской России.

х х х

Из Харькова меня перевезли в Ростов-на-Дону, а уж оттуда — в Махачкалинскую тюрьму, по месту совершения преступления...

Тут-то мне все было знакомо. Никто еще не знал, что я "дома"...

Несколько дней меня держали в одиночке, на прогулку также выводили одного. И наконец — вызвали к следователю.

В небольшом помещении на пару комнат меня поджидал младший лейтенант. Родом он был даргинец, — одно из племен горного Дагестана.

— Фамилия?

— Якубов.

— Я тебя настоящую твою фамилию спросил, понял?!

— Абрамов. Иерухам Ильевич.

— Почему сменил фамилию, где, когда?

— Меня в Ташкенте много раз задерживали... Вот я и изменил фамилию, чтоб не посадили. Вы ж знаете, чем я на свободе занимался...

Следователь внезапно прервал меня.

— Зачем ты убил Назарова Якова по кличке "Ага"?!

— Да вы что?! Никого я не убивал.

Эту фразу я произнес с необычайным удивлени-

ем. Следователь уставился на меня в упор, его глаза словно сверлили меня.

— Ты здесь собираешься нагло отпираться, но я тебя научу правду говорить.

Он записал мои показания и удалился. Меня отвели на двенадцатидневный карантин в особую дезинфекционную камеру. Так поступали со всеми, прежде чем распределить прибывших по камерам следственного изолятора.

На третий день меня отвезли в горотдел милиции — к следователю Аганесяну. Там меня ожидала особая встреча: не успела дверь кабинета затвориться за мной, как кто-то ухватил меня за грудки и двинул головой по зубам. Губы мои были рассечены, но все же я успел отклониться, так что удар пришелся по подбородку... В нападавшем я узнал... Ату. Не долго думая, я схватил табурет — и опустил его на голову бывшего приятеля. Удар получился слабым, так как я еще не оправился от побоев в поезде. Нас растащили. Напоминаю, — все это происходило в кабинете следователя, который хладнокровно наблюдал за происходящим. На следователя я и обрушил весь имеющийся у меня запас ругательств.

— На испуг меня берешь, стерва позорная?

В ответ раздалось:

— А зачем ты лишил жизни Назарова? Он не меньше твоего жить хотел.

На этом наша "беседа" кончилась — меня перетащили в другой кабинет, к другому следователю. После такого приема, который ждал меня у Аганесена, я был уверен, что терять мне больше нечего, и вел себя с милицейскими грубо и вызывающе. Знаменательно, что это никак не ухудшило моего положения.

В кабинете оказался тот самый следователь, что допрашивал меня в тюрьме.

— Ты, Абрамов, вроде расстроен чем-то, взволнован, а? — цинично усмехаясь, осведомился он.

— Не ваше дело.

— погоди, это только цветочки, ягодки впереди!

— Ты дома жену свою пугать будешь, а меня пугать нехуя, я уж пуганый.

Он моментально вскочил из-за стола, чтобы ударить меня, но я предупредил его действия: поднялся с табурета и сказал:

— Подойдешь близко — откушу нос или глаза выдавлю. Если ты меня не знаешь, так спроси у своих напарников, они тебе расскажут, кто я и что, понял?!

Это помогло. Он мог, разумеется, вызвать милиционеров, чтобы превратить меня в кровавое месиво, но почему-то не сделал этого. После непродолжительного обмена "любезностями", он принялся объяснять мне, что я должен говорить для протокола.

— Ты меня не учи, — прервал я следователя. — Я и сам знаю, что мне говорить. А ты — за мной будешь записывать!

— Правду будешь говорить!

Нервы мои не выдержали. Я встал — и вышел из кабинета...

Следователь пришел в ярость, но остановить меня силой все же не решился. На его вопли из других кабинетов выскочили сотрудники. Среди них были люди, знавшие меня с детства, — ведь я был в своем родном городе.

Меня начали успокаивать, говорить, что так, мол, вести себя не годится. Я все ждал, что они наконец-то примутся за меня и измучат как следует. Но ничего подобного не происходило. Я также пришел в себя и, обратясь к одному из знакомых, сказал:

— Возьми, пожалуйста, мое дело к себе — и води его.

— Ази, я же не могу! Дело поручено ему, он и обязан довести его до конца.

— Нет! Ему я свою судьбу не доверяю. Отвечать на его вопросы не стану. Ведите меня в камеру.

Два милиционера отвели меня в тюрьму. В камере мне сообщили по секрету, что в мое отсутствие сюда подсадили "наседку" (стукача). Я

подошел к "новичку" и тишайшим голосом произнес:

— Ну-ка, друг, постучись и проси, чтобы взяли тебя отсюда. Здесь и без тебя, поганца, тошно.

Не издав ни единого звука, он последовал моей "просьбе".

х х х

Прошло двадцать дней с тех пор, как меня привезли в Махачкалинскую тюрьму. Я попал в десятую камеру: "Индию", так зовут камеры, где сидят одни уголовники-рецидивисты. Здесь оказалось множество старых знакомцев. Среди них был и Нос, — тот самый Нос, с которого началась моя повесть... Мы крепко пожали друг другу руки. Он стал расспрашивать, каким ветром меня занесло сюда.

— Ты лучше отвечай поскорее, как там мои?!

— Все живы-здоровы, о тебе ничего не знают. После твоего исчезновения родственнички Аги долго с твоими ругались, но твои стояли на своем: Ази не мог убить Яшу! А те угрожали, что если тебя словят и на суде выяснится, что это все-таки ты, — пойдет кровь за кровь...

Тут-то я окончательно утвердился в мысли, что мне надо во что бы то ни стало стоять на своем: не убивал и все тут!

После двухнедельного перерыва, меня вновь повезли на допрос в городское управление. Завели в простой просторный кабинет и велели ждать. В кабинете стояло четыре письменных стола. А на одном из них, поверх каких-то папок — лежал финский нож. Я понял, что это неспроста...

Уселся поудобнее, а финский нож продолжал лежать на своем месте.

В комнату вошла молодая женщина.

— Прокурор третьего класса Паккс.

— Очень приятно. Абрамов Ерухам Ильевич.

Женщина вытащила из сумочки маленький дамский пистолет и положила его в ящик стола. Ящик остался полуоткрытым.

— Ну, гражданин Абрамов, рассказывай — как

ты убил Назарова?

Я не очень представлял себе, как следует вести себя с женщиной, но вопрос был задан столь резко, что все мои сомнения относительно вежливости отпали мгновенно.

— Во-первых, малость повежливей, — со смехом отпарировал я. — А во-вторых, придерживайтесь правил ведения следствия.

— Я тебя пристрелю, если будешь так разговаривать.

Она нажала на кнопку звонка и вошел милиционер.

— Приведите свидетеля, — обратилась женщина к вошедшему.

Как я и предполагал, свидетелем оказался Ата.

Ата начал свой рассказ. Он не завирался, лишь не упоминал о причинах, приведших к нашему раздору. Тут я почуял, что за дверью творится что-то неладное: стоят какие-то люди, я слышал их приглушенное дыхание, скрип обуви. Я незаметно покосился на финский нож. Он лежал себе на прежнем месте, но казалось, будто и он внимательно наблюдает за мною. Лишь теперь я понял их план: они ждали, что я не выдержу и наброшусь с ножом на Ата, чтобы не дать ему давать показания, а они меня — пристрелят. Все законно... Но годы скитаний научили меня выдержке, чего следователи не учили.

Ата продолжал свой рассказ. Все в его словах было истиной, но он умалчивал о главном: Ага, а не я был виновен в кровавом исходе нашей последней встречи. По всей вероятности, это делалось специально, чтобы вызвать мой гнев, заставить меня вспылить. Но ожидаемого эффекта не последовало. Я не проронил ни единого слова...

— Вот видите, Абрамов, все против вас. Запираться бессмысленно, так что признавайтесь, — сказала следователь после ухода Ата.

— Ничего я не знаю! А вы на мне свою практику не пройдете, — ответил я, встал — и вышел из кабинета.

Как я и предполагал, за дверью околачивалось

несколько человек. Один, не ожидая толчка двери, едва не пропахал носом пол. Так бы оно и было, не поддержи я его. И теперь жалею.

— Ну что, господа? Спектакль не состоялся, аплодисментов не будет, — с усмешкой произнес я. — А теперь — ведите меня обратно в камеру.

Женщина, как разъяренная кошка, вскочила следом за мной, требуя, чтобы я немедленно вернулся в кабинет. Я отказался. На шум вышел сам начальник горуправления, еврей. Он отвел меня в сторону, принялся ругать и уговаривать утихнуться, иначе, мол, мне это дорого обойдется.

— Да вы и так хотели меня убить только что, — воскликнул я. — Нож в кабинете подложили! Только учтите: я вам не Иванушка-дурачок, на вашу удочку не клюну! И вообще — давайте нормального следователя.

Я вновь вернулся в свою камеру. Посадили к нам худого пожилого мужчину. Он был в банде, которая обворовывала магазины, склады, конторы: когда им заранее было известно, что там есть чем поживиться. Старик рассказывал о побоях следователя, о том, как во время допроса ему в глаза направляли луч мощного прожектора. Если он не выдерживал и закрывал глаза, то следовал удар дубинкой по голове. С лампой, впрочем, получилось забавно. Старик, смеясь, говорил, что до ареста он в свои шестьдесят лет видел плохо, а после "процедур" в кабинете следователя — его зрение значительно улучшилось. Понятно, что следователям он об этом не говорил...

Сидел в нашей камере совсем молоденький воришка. Задержан он был по подозрению и просидел в милицейском участке целую неделю. За это время, что он сидел взаперти, в городе произошло еще несколько ограблений — в киосках, в ларьках, павильонах и тому подобных местах. Все это "возложили" на этого паренька. По совместительству... Получил он восемь лет, и дело было закрыто. Кого сажать — было совершенно безразлично, и это обычная практика. Паренек этот попал со мною в один этап. Уже в Башкирии я помог ему

найти грамотея, который написал жалобу в Верховный Суд СССР. Через три месяца его освободили. На месте, в Махачкале, жалобу подавать было бессмысленно: следователи могли "анулировать" истинный день его задержания, отправить на пересуд и — с подтвержденными обвинениями отослать обратно в зону.

После скандала с ножом меня на допросы больше не вызывали. Так прошел месяц. Наконец в очередной раз повезли в управление.

Я очутился в большой комнате, где за длинным столом сидели сотрудники и проглядывали какие-то бумаги: шла работка... Меня усадили за стол у окна. Вскоре ко мне подошел один из присутствующих: я знал его в лицо. "Послушай, Ази, как это тебе удалось опозорить двух наших следователей?" — "А что ж, по вашему, я должен позволить, чтобы любой сморкач навязывал мне свою волю?! Жизнь меня многому научила!" Пожав мне руку, знакомый, посмеиваясь, вернулся к своим делам.

В комнату вошел видный высокий мужчина; с сединой на висках, в белой сорочке и темном костюме. В руках он держал мое дело. Поздоровались за руку.

— Следователь прокуратуры Эффендиев.

— Очень приятно. Арестованный Абрамов Ерухам.

— Ну что, Абрамов, будем ругаться или работать?

Тон его мне понравился, но остановиться было трудно.

— Посмотрим на ваше поведение.

— Я надеюсь — мы с тобой найдем общий язык.

— Я тоже, если опять не начнутся угрозы.

Все сидящие в комнате, затаив дыхание, слушали нас.

— Теперь давай, рассказывай по порядку.

Я повел свою историю. В одном месте я чуть не проговорился, но Эффендиев незаметно поправил меня, сказав внушительно:

— Ты, Абрамов, не торопись, говори обдуманно, следи за собой.

Он был прав. торопиться, действительно, не стоило. И каждое слово, мною произнесенное, было обдуманно трижды... Когда все мои показания были записаны, я взялся за чтение протокола. Следователь смеялся, когда я начал ставить прочерки в тех строках, что были не закончены.

Наконец протокол был подписан.

— Молодец, Абрамов, — сказал следователь, — честное слово, молодец! Правильно делаешь.

Вызвали свидетеля. На этот раз это был один из друзей Ата. Я его тоже знал, но не слишком близко. Показания он давал такие же, как и Ата. Я отказался наотрез от его обвинений. Следователь составил протокол очной ставки, подал мне его, я расчеркнулся.

Следствие закончено. Эффендиев подал мне руку, пожелал здоровья и удачи. Я его поблагодарил за человечность... Все присутствующие не скрывали своего изумления. Еще бы! Этого в институтах не изучают...

Суд состоялся приблизительно через месяц. Родители и все родтвенники наняли мне адвоката, фамилия его была Хвостиков. Адвокат изо всех сил уговаривал меня признаться в убийстве: у него имелись доказательства, что убил я в состоянии самозащиты. Ведь меня должны были судить по 136 УК (умышленное убийство), а при моем признании меня судили бы по ст.137: самооборона. Адвокат показал мне фотографию, сданную в день убийства: Ага лежит мертвый с кинжалом в руке... Но я отверг его предложение: признайся я — началась бы кровавая месть между двумя родами.

Зал суда был полон разношерстной публикой.

Я показал, что во время убийства Аги меня не было в городе.

Все было напрасно. О том, что должен состояться суд, мои родные узнали слишком поздно, — как и о том, кто будет судить, кто обвинять. Так что они не успели подкупить ни судью, ни прокурора. Уверен, что это удалось бы, ведь вся эта братия продажна.

Свидетели как один показывали, что я убил Назарова во время драки. Адвокату почти не дали выступить. Он, впрочем, оказался прав: меня осудили на десять лет за предумышленное убийство. Вместе с недосиженным в лагере, мне предстояло пробыть за колючей проволокой четырнадцать лет, два месяца и двадцать дней...

После адвокат мой подал жалобу в Верховный Суд СССР, где излагал свою версию о самообороне. В результате с меня сняли недосиженные годы, месяцы — и дни. Оставалось всего только десять лет. После ответа Верховного Суда меня отправили в лагерь на полуостров Лопатин в Каспийском море, Дагестан.

В лагере меня поставили... рыбаком. После нескольких дней ловли я отлично освоился, завязал отношения с бригадиром рыболовецкой бригады.

Как-то раз я разговорился с ним и — между прочим — спросил:

— А удавалось ли кому-нибудь бежать с полуострова?

— Да вот как-то заключенные вышли в море на лов, а по возвращении одного не досчитались. Балам такой, перс из Ирана.

Это имя мне было знакомо. В 1938 году иранских подданных, которые жили у нас в Махачкале, выселили: кого в Иран, кого в Среднюю Азию. Семья Балама уехала в Иран, но в 1944-м я встретил его: он рассказал, что во время войны бежал из Ирана, оставив свою родню...

— Так-то, — вздохнул я.

— Ты что, знал его? — спросил бригадир.

— Да... Хороший был парень.

После этого разговора меня в море больше не брали, оставляли в зоне. Оказалось, что бригадир — стукач. По его доносу меня отправили обратно в Махачкалу, на пересылку. Там собирали большой этап из двух-трех тысяч заключенных. Этап намечался дальний...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поезд привез нас в Башкирию, в город Ишимбай, что в переводе на русский значит: "работой богат". Название вполне соответствовало происходящему в этом городе: строились огромные нефтеперегонные комбинаты, так как в этом районе были обнаружены большие запасы нефти. Ишимбай даже начали называть "вторым Баку". Только в одном нашем лагере сидело двенадцать тысяч каторжников, строящих дома и заводы, мосты и дороги...

При приеме нас ждала селекция: годных в одну сторону, негодных в другую. Селекцию производила комиссия из лагерного начальства и главного врача лагеря (главврачем была женщина). Заключение разделялись на группы по пять человек и поочередно подходили к месту, где заседала комиссия.

При виде женщины от стыда прикрывались руками. Она вызывала заключенных по одному, проверяла глаза, уши, рот, голову, прослушивала легкие, измеряла давление, все данные она вносила в карточку и делала соответствующую отметку.

Подошел черед одного молодого парня, среднего роста. Он подошел, держа руку на половых органах.

— Руки по швам! — скомандовала она. — Ну, вам говорят, руки по швам!

Он не слушался и продолжал стоять, как

вкопанный.

— Заключение, уберите руки, — вмешался кто-то из лагерного начальства.

Он поднялся, подошел вплотную и оттянул его руки назад.

— Ах, вот почему он не хотел показать нам свой прибор! — воскликнула главврач. Нашим взорам, всем на удивление, предстал пенис таких внушительных размеров, что все уставились на него.

— Сколько вам лет? — спросила главврач парня.

— 26, — ответил он уже без всякого стеснения. — Она проверила его, как положено, потом взяла в руки его пенис, и он начал набухать прямо в ее руках. Начальство, сидевшее тут же, начало смеяться, смеялись и мы, увидев такое.

— Ты женат? — спросила она.

— Да.

— И ты живешь с женой нормально?

— Да, но у меня это третья жена, две умерли.

— От чего?

— Я не знаю, но они все время болели.

Она еще раз полюбовалась его пенисом.

— Одевайтесь и ждите там, в коридоре!

Карточку его отложила в сторону. Прошло некоторое время, и я встретил его на работе в сангородке, рабочим. По его словам, он сожительствова-
л с главврачом. Сам же я попал в сангородок вот почему. Водил нас на работу один конвойный, казах. Подонок, каких мало. Я по молодости часто дразнил его, обзывая, как только мог. Однажды он не выдержал и пальнул в нашу сторону разрывной пулей. На наше счастье, мы шли по железнодорожному полотну, по насыпи, и пуля попала в рельс. Никого не убило, но восемь человек были легко ранены, в том числе и я.

С первого взгляда лагерь этот показался нам настоящим курортом. Судите сами: за плату заключенный мог переночевать в гостинице, пообедать в ресторане! Нам просто не верилось, что мы — заключенные. Более того, лагерь находился на хозрасчете — и мы получали зарплату. Ничего

подобного мне видеть не приходилось...

Но вернусь все же к некоторым дорожным происшествиям. Вагоны наши были забиты, но мы с товарищем лежали на верхней полке, так что свежий ветерок овеивал нас.

— Ази, — сказал мне мой приятель, — погляди-ка вниз. Там какой-то тип третий день лежит: не встает, не ест, не пьет. Уж не помер ли?

Я спустился вниз и принялся тормошить неподвижное тело.

Наконец человек этот выполз из кучи грязного тряпья...

— Чего надо? — еле слышным голосом спросил он.

На вид он выглядел стариком, оброс. Видно было, что жизнь ему крепко надоела.

— Скажи, ты чего это третий день голодовку держишь?

— А так... Ничего я не хочу. Вот только подохнуть потихоньку, чтоб никому не мешать, — ответил он и размазал грязными руками слезы.

Я попросил ребят, чтобы они помогли ему забраться ко мне на полку. Он не сопротивлялся. Я насильно заставил его малость поесть и выпить воды.

Поев и немного успокоившись, он рассказал о себе.

— Был я долгое время капитаном дальнего плавания... На Черном море служил. Во время войны командовал там же катерами береговой обороны. Сына моего в сорок третьем убили на фронте, семья эвакуировалась в Махачкалу. После войны и я туда поехал, начал работать на металлообрабатывающем заводе инженером.

Однажды, после партсобрания, подзывает меня к себе парторг и говорит:

— Не желаешь ли переехать в Башкирию на великую стройку коммунизма?

— Куда мне, — отвечаю. — Туда молодежи ехать надо, а мне скоро шестьдесят.

Не прошло и полугода, как по "представлению" парторганизации пришили мне дело... И за антигосударственную пропаганду дали мне десять лет.

Судьба этого человека сложилась в заключении так, как мне и в голову не приходило. в лагере я его долгое время не встречал. Работал я на объекте. набивал опалубку для бетона: фундамент будущего завода. Через несколько месяцев после моего там появления, объект наш посетила комиссия. В составе ее — оказался мой инженер... "Ну, как делишки, старина?" — обратился я к нему. — "Вы собственно, кто такой? Я вас не знаю и разговаривать не хочу!" — слышалось в ответ. инженер отвернулся от меня и важно пошел прочь. "Добрый друг, — с горькой усмешкой сказал я ему вслед, — Добрый друг — великое сокровище... Но не забудь, подлец, что десять лет — срок немалый и мы еще не раз встретимся..."

Так и случилось.

Старик работал в арматурном цехе. Начальство его очень берегло. До тех пор, покуда не научилось обходиться без его услуг. В последнее время, почуяв себя спокойнее, он ежедневно напивался и пьяный являлся на работу. Естественно, что от заключенного такой наглости терпеть не стали. Его выгнали с завода и перевели на общие работы. Для физической работы он был по возрасту непригоден. Скучной пайки "пенсионера" ему не хватало. "Объемом его деятельности" стали помойки. На помойке лагерной он бы не протянул долго, но поскольку зона была у нас не совсем обычная, он как-то держался. На помойке мы с ним и встретились...

Ночью я выходил из местного ресторана. Возле мусорника мне попался инженер. Он медленными движениями копался в отбросах, рассматривая какие-то отвратительные ошметки...

— Ну, как дела, кум? — обратился я к нему.

Он посмотрел на меня прозрачными безумными глазами, в которых не осталось ничего человеческого. Я отвернулся и пошел дальше... Поверьте, я

вовсе не был рад его падению.

Но райская жизнь в курортной зоне продолжалась недолго. Как-то после окончания работы меня прямо с вахты отвели в сторонку, а бригадиру велели принести мои вещи. Через несколько минут все было кончено. По всем лагерям Башкирии шла чистка: воров-законников, на делах которых стояла особая пометка, отправляли в специально организованный лагерь, или, — как его называли, — ЗУР (зона усиленного режима). По всей Башкирии таких "кандидатов" нашлось всего-то около семисот душ.

Курорт, на котором я понежился годик, закончился. Но я успел окрепнуть физически и духовно, так что год был прожит не даром.

В бараке, куда меня поместили, находились все воры-законники. Я подружился с армянином из Орджоникидзе Акопом Налбаньяном (звали его все, однако, "Хичик") и Витей Русским из города Орска, в Белоруссии.

Один из живших в нашем бараке вызвал у меня подозрение в том, что он — скрытая сука. Такое обвинение было чрезвычайно тяжелым, а прямых доказательств у меня не было. Лишь интуиция, которая, кстати, редко меня обманывает. Звали этого человека Миша Ландыш, казанский татарин. Как-то раз я накурился анаши — и не сдержался. Отозвал Ландыша и сказал:

— Послушай-ка, приятель. Мне сдается, что ты многое таишь от своих друзей. Да и мне самому твое поведение не всегда понятно... Скажи: не сука ли ты скрытая?

Он уставился на меня с таким изумлением и гневом, что мне стало не по себе... Затем — ответил.

— Послушай, звериная морда, если ты еще раз осмелишься сказать мне что-то подобное, мы с товарищами расправимся с тобой так, что и волки твоих костей не откопают. Так что лучше тебе помалкивать.

— Ты меня, падла, не пугай! Вы меня тогда

схватите, когда у вас хуи на лбу повырастают, понял, сука недорезанная?!

Разговор этот сделал нас врагами. Я прекрасно понимал, что при первой же возможности Ландыш отомстит мне.

Дни шли довольно серые. Мы рыли какую-то траншею то ли для водопроводных, то ли для канализационных труб. По вечерам играли в карты. Проигрывая или выигрывая — мы оставались друзьями.

О нашей стычке с Ландышем я рассказал вору из его компании: Лехе по кличке "Этла". Родом он был из Москвы. Этла и сам пострадал из-за сук: все передние зубы его были выбиты. Это случилось в бухте Ванино. Его палачом был его собственный старинный друг по воле — Иван Упоров. К тому времени, когда Этла оказался в Ванино, Упоров успел ссучиться...

— Ази, — веско произнес Этла, — наш разговор не состоялся. Ни о чем мы с тобой не говорили, понял? Дело это щекотливое, так что води себя осторожно. Эта птичка на мякину не ловится.

Никому из своих друзей я не рассказал о происшедшем, да и они, видя натянутость моих отношений с Ландышем, ни о чем не спрашивали.

В лагерь прибыла комиссия по проверке быта заключенных. Все ожидали, что комиссия эта и в самом деле заинтересована узнать, как мы живем на каторге, но дородные фигуры членов высокого московского "посольства" даже не вошли в зону. В сопровождении начальника лагерей полковника Меркурьева они глядели на нас из-за колючей проволоки. Заключенные восприняли это как оскорбление и ответили на него по-своему.

В лагере имелось около сотни педерастов, отдавших себя в распоряжение любителей за кусок хлеба. Вот и сегодня человек двадцать вышли во двор зоны, пред очи комиссии, и — принялись демонстрировать им свое половое искусство. Раздавались крики: "Вот до чего вы довели молодежь

России!!"...

Члены комиссии посмеивались, весело переговаривались между собой. Возможно, что полковник Меркурьев, бывший большим "забавником", запланировал это гнусное зрелище, чтобы развлечь свое начальство.

Кстати, когда этот полковник погиб в автомобильной катастрофе, в городском парке Ишинбая ему поставили бюст... На постаменте было написано, что Меркурьев погиб "на великой стройке коммунизма". Какую именно работенку он выполнял — разумеется, не указали...

С несчастными "гомиками" мне пришлось столкнуться при таких обстоятельствах.

Как-то ко мне подошел молодой парень и плача рассказал о своей беде: он проиграл в карты десятидневную пайку хлеба, на месяц вперед — паек сахара... И проиграл то, чего у него нет. Это называется "фуфло". И сегодня за это его должны опедерастить.

— Ты ведь знал, что делаешь? Знал, что за это в лагере бывает?

Он молчал и слезы катились у него из глаз.

— Родители есть? — спросил я.

— Только мать... Отца в сорок втором убили. Мне тогда было десять. Пошел воровать. Поймали — отправили в колонию. Бежал несколько раз оттуда, связался со взрослыми, опять воровал, но теперь уж по настоящему. Дали шесть лет. А сейчас вот такое несчастье...

Он снова безутешно зарыдал.

Я смотрел на него в упор. Я был старше его на три года, и чувствовал, что обязан ему помочь. Гомосексуалистов я ненавидел и презирал.

— Скажи, кому ты должен?

Паренек указал на одного парня. Кличка его была "Сова".

Я оставил бедолагу дожидаться у меня в бараке, а сам отправился на поиски Совы. Нашел я его быстро. Сова оказался не старше своей жертвы, но был опытен и нагл, отлично владел воровским

жаргоном.

— Ты Сова? — осведомился я, — поговорить надо.

— Говори, — ответил он с полным спокойствием и безразличием.

— Что ты выиграл у парня из Тулы?

— А... Так это я не для себя, а для Уса.

— Так вот. Я тебе уплачу, что там он должен, а ты парня не трогай. Иначе — сам знаешь.

— А что я Усу скажу?

— А я сам с ним переговорю.

С Иваном Усом я был знаком. Этот вор-законник просидел на Колыме десятку, а нынче — попался опять. Он спал только с молоденькими мальчишками, о женщинах и не думал. И наверно за свои 50 с лишним лет не отведал женщины. Для того чтобы добывать свежатинку, он подсылал к молодежи опытных картежников, те обыгрывали их. Затем — под страхом смерти — они поступали в распоряжение Уса. Сова был одним из усовых пройдох. Его сверстники не могли противостоять его умению. После Уса он и сам использовал их, хотя был совсем молод.

Уса я застал сидящим на нарах.

Мы поздоровались, и он предложил мне присаживаться рядом.

— Как дела? — лениво поинтересовался он. — Кинем картишки?

— Нет, Ус, я к тебе по другому вопросу.

— Это по какому же?

— Ты не должен трогать парня по имени Борис.

— Что еще за Борис? — с недоумением посмотрел на меня Ус.

— Парень, которого обыграл Сова.

— А, этого... Какое тебе дело до него, Ази?

— Я тебе уплачу за него, — прервал я Уса. — Сколько он проиграл?

— Нет, мне не деньги твои нужны, а он, он мне нужен! — со страшной яростью набросился Ус на меня. — Посидишь еще малость в лагерях — и ты сам будешь их харить с удовольствием!! Не хуже чем баб на свободе!

— Так что же ты за законник? — эти слова я произнес с полным спокойствием. — Ты же калымский фрайер, не вор, всю жизнь сидишь в лагерях, так когда же ты воровал, вонючий лагерный житель? Падла, хилеешь за вора, портишь пацанов, мразь поганая.

— А, брось мне молитвы читать!

Меня взяло за живое, и я начал выкладывать ему все, что у меня накопилось: ты, мол, подлец, всю жизнь по тюрьмам сидишь, развращаешь молодых, да еще и других в свою гадость втягиваешь...

Разразился весьма крупный скандал. Прибежали мои друзья и увели меня из этого барака. На прощанье я крикнул: "Иван, не Ази я буду, если не выдеру твои знаменитые усы, лишь только тронь того парня! Если что с ним случится — я твоего Сову безо всяких карт сегодня под хор пропущу!"

Так я заработал себе еще одного врага.

Я вернулся в свой барак. Поужинал и прилег отдыхать. Но заснуть мне не удавалось. Мне вспомнился дом, семья, жена... Мучительно жгло меня и полученное на днях женино письмо. Она писала, как тяжело жить ей в доме у тестя, как часты ее нелады с мачехой (мой отец женился). Я в ярости и написал ей очень жесткое и грубое письмо. А это-то и не давало мне покоя. О своей беде я рассказал одному старшему товарищу, уже отсидевшему на Колыме десять лет. Звали его Борис Француз, — было ему за пятьдесят, жизнь он повидал и на воле и в зоне... Его ум и суждения частенько помогали мне в трудные минуты. Француз знал о моем разговоре с Иваном Усом и похвалил меня. "Не тужи, Ази, сынок, в случае чего я помогу тебе". Я не отвечал, ибо мысли мои были о ином... Он спросил, что расстроило меня, и я рассказал ему все: о письме жены, о своем ответе.

— Зачем же ты написал ей так?.. Она молодая, на воле, а тебе еще десять лет по лагерям скитаться. Не губи ты ее жизнь, если любишь...

Француз рассказал о себе. Он был одним из

известнейших московских воров-законников. Первый раз его осудили еще в 1938 году. Его красавица-жена приезжала к нему на Дальний Восток — в бухту Находка, где он в последний раз видел ее.

Это он рассказал мне о том, как в 1938 году, прямо на его глазах на Колыме были загружены заключенными несколько пароходов. В этой партии были в основном осужденные по статье КРД (Контр-революционная деятельность), в большинстве своем троцкисты и бухаринцы и по статье СВЭ (Социально-вредный элемент) — цвет воров и рецидивистов со всех концов России.

Пароходы с этим грузом вышли в открытое море, а там открыли люки, и люди, толкая друг друга, полетели по наклонным плоскостям прямо в открытое море под огромные винты пароходов.

Он долго уговаривал меня, чтоб я не неволил жену и освободил ее от ожидания. Долго я думал над его словами — и в конце концов написал отцу короткое письмо, в котором просил, чтобы он не неволил мою жену, дал ей жить, как ей хочется. Мой отец не разрешил ей выйти вторично замуж, да и она сама решила дожидаться моего возвращения.

И — дождалась.

х х х

В лагерь прибывали все новые и новые "жильцы". Обычно, когда прибывает новый этап, свободное от работ лагерное общество высыпает навстречу: разыскивают знакомых, либо обмениваясь условными словами, либо даже открыто. Встреченного знакомят, приглашают к себе на чашку чаю, — поговорить с дальней дороги. Старые вору обрисовывают новичкам ситуацию в лагере, предостерегают, советуют.

Вот и я познакомился с прибывшим в один из этапов. Знакомых там не оказалось, а вот этого человека я почему-то отметил. Сам подошел к нему, поздоровался, пригласил его к себе в барак. Придя, осведомился, где он предпочитает спать. "Пожалуй, внизу лучше будет", — ответил он. Я

попросил одного из местных перебраться наверх, что он, разумеется, безоговорочно исполнил.

Представились.

Он оказался Мишей из Харькова.

— А кличка у тебя в твоём "Хрякове" была?

Хоть я и не "баран", но уж такую кличку дали мне у нас в Хохландии, — засмеялся он.

Слово за слово мы разговорились. Я на правах старожила поведал ему о происходящем в лагере. Коснулся и моих подозрений относительно Миши Ландыша. В самом-то деле, где это видано, чтобы вору в ЗУРе разрешалось носить шевелюру, спать во дворе, когда погода позволяет? Да еще до трех ночи ведет какие-то беседы с начальником спецчасти... Я также рассказал ему, как Мишу Ландыша и других отправили в карцер на десять суток за картеж. Его партнер отсидел свои сутки полностью, Мишу — освободили на второй день.

Я был с ним откровенен, но он, казалось, как-то смущался, отвечал односложно, отмалчивался. Я подумал, что он просто еще не освоился на новом месте.

Эта моя откровенность едва не стоила мне жизни.

Миша Баран предпочел общество Ландыша. Они много беседовали на работе и в бараке. Меня это, конечно, не трогало, но чувствовал я себя не слишком хорошо.

Однажды во время работы, когда я находил на объекте, ко мне запыхавшись подбежал один парень.

— Ази, иди, тебя ждут на сходку.

В одном из ближних помещений сидело около двадцати человек, все законники. Молча сидели кругом, как и положено на сходках. Были там и Ландыш со своими друзьями. Они, как мне показалось, были крепенько выпивши.

— Ази, — обратился ко мне Ландыш. — Ну-ка расскажи, что ты Барану обо мне говорил?

— Какое отношение имеет наш разговор с Бараном? Я тебе об этом расскажу наедине.

Ответив так, я хотел выяснить — имеет ли

сходка какую-нибудь связь с моим предупреждением Барану.

— Нет, Ази, ты ответишь здесь. Ответишь, как ты мне кости мыл, рассказывал Барану обо мне!

Он говорил с такой ненавистью и злобой, что мне захотелось заколоть его прямо здесь. Но я сдержал себя и хладнокровно возразил:

— А что именно ты все-таки имеешь в виду?

— Ты говорил то, что вору неположено! И ты здесь ответишь!

Он буквально кипел от злобной радости, что наконец-то у него появилась возможность расквитаться со мной.

Делать было нечего. Я подошел вплотную к Барану, который сидел, опустив голову.

— Ты, Миша Ландыш, не мог найти повода отомстить мне, вот и купил этого подонка за стакан водки!.. Ну-ка, Баран, скажи честно и откровенно: что я тебе говорил о Ландыше?!

Он поднялся с места. Не глядя на меня, бросил:

— Ты уж лучше сам скажи...

По правде говоря, я побаивался говорить: все присутствующие, как мне казалось, глядели на меня как-то недоверчиво. Особенно беспокоили меня упорные взгляды друзей Ландыша — Лехи Этли и Ивана Ивановича, пожилого опытного вора.

Но делать было нечего: все ждали моих слов. В противном случае...

Я встал и начал свою речь.

— Прошу всех быть повнимательнее! — так обратился я ко всем, и подошел поближе к Ландышу.

— Скажи, пожалуйста, с каких это пор вору в ЗУРе такая честь? Тереться поблизости у начальства? Носить волосы? Да назови мне другого такого, кто бы имел возможность красоваться шевелюрой?! А ты — как заправский молодчик или казанский шаромыга, прической в зоне щеголяешь...

Это — первое, что я говорил Барану.

— А вот и второе. Ты играл в карты. Напарников твоих посадили в карцер на десять суток, а тебя — на вторые выпустили. Может, это

тоже случайность!?

Никто не проронил ни слова. Все обратились в слух.

Я продолжал.

— С каких это пор и на каких основаниях у тебя такие привилегии: спишь во дворе, да еще ведешь допоздна разговорчики с начспецчасти. О чем, о ком, на какие темы? Назови другого вора в лагере, кто так же себя ведет. Вот и все, что я говорил твоему купленному Барану... А если я чего еще прибавил — пусть он встанет и скажет. Сам!

После небольшой паузы Ландыш обратился ко мне.

— Это все, что ты ему про меня говорил?

— Все.

Я знал, чего ему хочется: чтобы я признался в том, что назвал его в разговоре с Бараном скрытой сукой.

Баран настаивал, чтобы я продолжал говорить, но я наотрез отказался. Сходку вел я. После непродолжительных пререканий я начал обходить каждого в отдельности, задавая вопросы: волосы носит, с карцером был случай, во дворе спит, с начальством беседует? Все отвечали утвердительно. Когда я приблизился к Этле и Ивану Ивановичу, меня, признаюсь, пробрала дрожь: от них зависело многое — по своему положению и по самой значимости их.

Немного поразмыслив, они ответили. Одинаково.

— Ази лишнего не говорил. Просто знакомил нового товарища с положением в лагере, как и подобает вору. Баран, не подумавши, все рассказал Ландышу.

У меня словно крылья выросли за спиной.

Я трижды обратился к Мише Барану с требованием, чтобы он рассказал все, что я тогда говорил ему, но он отнекивался и настаивал на своем.

— Миша Баран, выйди на середину! — наконец громко произнес я.

Вновь наступила тишина.

Баран осмотрелся. Молча, одними глазами, он просил пощады у товарищей, но сходка была нема. Никто не проронил ни звука в его защиту, никто не издал возгласа сожаления...

Нехотя он поднялся, понутив голову, подошел ко мне.

Я поставил его посреди круга.

— Последний раз предупреждаю: скажи, что я тебе говорил.

Он молчал.

— Встань, как положено.

Он вытянулся, как и следует вору-законнику, если тот признан виновным перед товарищами — и я несколько раз ударил его по лицу.

Мою руку перехватил сам Ландыш. Этого я и добивался.

— Ты, стерва, получил пока что предварительное наказание! — сказал я Барану. — А будешь болтать — дождешься беды...

— А ты, — я вырвал свою руку из захвата Ландыша, — будешь постоянно барахтаться как мокрая курица, пока сам себя на чистую воду не выведешь.

Произнеся это, я покинул сходку, не попрощавшись...

После работы меня нашел Этла. Он бранил меня за болтливость и неосторожность.

— Ну ладно, ты нам сказал и мы за ним следим. Мы тебя поняли. Но если б ты сказал это еще кому-нибудь наподобие Барана, сходка могла бы вполне решить: зверь на честного вора наговаривает. И тогда твоя башка вряд ли переварила бы кайло...

Я отмалчался.

Иван Ус был на моей стороне: на сходке он защищал меня. Мальчика он, конечно, простил — не тронул. Но предупредил, чтобы он больше за карты не брался.

х х х

Лето подходило к концу, а с ним — подошел срок освобождения моего друга Хачика. Все мы ждали этого дня. Я подарил ему новый костюм,

хромовые сапоги, чтобы он вышел на волю и поехал домой прилично одетым. Однако его освобождение чуть было не сорвалось. Ландыш и несколько его приятелей, договорившись заранее, устроили драку. Начальство было тут как тут. Сделано все было не просто: я и оглянуться не успел, как и меня потащили вместе с участниками этой "драки", хоть я и не думал в нее вмешиваться. Когда Хачик увидел, что и меня волокут, он выхватил нож и бросился на охрану... Я упрямился, чтобы мне дали поговорить с ним, успокоить. Начальство, видя, что скандал начинается нешуточный, согласилось. Я объяснил Хачику, что все было подстроено специально. Кроме того я дал ему понять, что за последний вечер его по крайней мере постараются обыграть в карты, так что на волю он выйдет голеньким. Хачик дал мне слово не играть... Я крепко поцеловал его на прощанье — и отправился с охраной в карцер. Всем участникам этого спектакля дали по десять суток, но со мной получилось иначе. Когда окончился мой срок, двери карцера не открыли. Не стерпев, я забарабанил в дверь, требуя, чтобы выпустили и меня. И именно за то, что я "нарушил правила" своим стуком — мне выделили еще десять суток. На другой день я вновь заколотил в дверь. Еще десять. Так я набрал восемьдесят суток карцера!..

Выйдя из изолятора, я выпил в бараке чайный стакан водки, чтобы заглушить страшную злобу, бушевавшую во мне. Ведь я знал, что это дело рук Ландыша, что это он через своего "друга" начальника спецчасти отомстил мне за позор на сходке. Ребята подходили ко мне и сочувственно пожимали мою руку. Один Ландыш стоял в стороне, делая вид, что не заметил моего прихода. Все кипело у меня в душе. Я дожидался момента, когда мы с Ландышем останемся наедине. По всей вероятности, он понял мои чувства: интуиция и у него неплохо работала. Он приблизился ко мне.

— Ну что, живешь, стерва недорезанная? — холодно бросил я.

Не отвечая на мою грубость, он предложил

пройтись. Это был вызов на честный разговор. Я согласился.

— Послушай, Ази, — сказал он, когда мы начали нашу прогулку, — я мусульманин и ты мусульманин. Оставь меня.

— Я — еврей, и евреем останусь. А ты — сука скрытая — устроил мне 80 суток. И я тебя все равно расколю и на кол надену. Тебе, мразь, не миновать моего ножа.

— Бесплезные хлопоты в казенном доме, — тотчас ответил он. — Ты видишь, сколько гавриков вокруг меня. Поостерегись.

Я буквально дрожал от злобы.

— Ничего, я доберусь и до тебя и до некоторых из твоих гавриков разом...

Уже давно ходили по лагерю слухи, что возле Ишамбая строится еще один спецлагерь. Строят его под горой Шихан. Наполовину он утоплен в землю...

Слухи эти оказались верными. Осенью 1951 года нас, после особого отсева, перевели в этот лагерь. В зоне стоял барак, стены которого были сделаны из железобетонных плит толщиной в полтора метра. Двери — из толстого железного проката. Четыре глубоких окна были забраны несколькими рядами решеток. Начиная от входной двери, толстые стальные прутья образовывали коридор, по которому прохаживалась охрана. Мы сидели, словно в клетках. Собираться вместе больше чем три человека зараз, нам не разрешалось: в большее "скопление" охрана палила в упор.

В пять часов утра нас строем вели умываться. Прямо напротив нашего барака находилась сушилка и вода. После умывания нас строем возвращали в барак. Одеваемся и идем завтракать. На завтрак: "Конский рис" (ячменная крупа), 150 гр. хлеба, кружка подслащенной и подкрашенной горячей воды. На обед — печально знаменитая баланда, "в которой всю Москву видать", каша, оставшаяся от завтрака, 200-граммовая пайка. На ужин — все та же каша и 150 грамм хлеба. Вскоре от столовой до барака построили что-то вроде коридора из колючей

проводами. Такой же коридор протянулся и от столовой до объекта, на котором мы работали. Трудились мы в каменоломне: мне была предоставлена "честь" первыми подготовить этот объект к приходу новых каторжников.

В бараке нас было всего полсотни. Утомленные, мы долго не могли заснуть, так как подкованные каблучки охраны бились о бетонный пол... А когда, наконец-то, сон смежал наши веки, то вскоре будила нас одна и та же песня: ее избрал Иван Иванович, поставленный нами дневальным, чтобы поднять нас на работу:

*Ты ждешь меня, моя Наташа черноокая!
Я далеко, в глухом заброшенном краю,
И эту песенку тебе, любимая, пою...*

На этом месте мы его всегда прерывали: "Замолчи, старый черт!", — на что он, посмеиваясь, отвечал: "Как хотите, комсомольцы. Не желаете слушать — и не надо".

Когда каменоломня была уже в состоянии принять большее число рабов, появились новенькие: в лагерь у подножья Шихан-горы свозили тщательно подобранных воров и рецидивистов со всего Союза: с Печоры, с Воркуты, Норильска, Архангельска, Ташкента, Алма-Аты... Так возобновлялись старые знакомства, завязывались новые.

В лагере начали создаваться группировки. В нашей — было всего трое участников: Миша Бабочка, Коля Ханыга и я. Миша прибыл этапом с Воркуты, мы подружались только здесь, а Колю я знал еще с вольных времен. Здесь наше знакомство превратилось в дружбу. Когда отношения наши определились, я рассказал им о своих взаимоотношениях с Ландышем. Мы втроем начали неотступно следить за ним...

Как-то нам велели подготавливать камни для пережигания известняка: штабелевать. Штабелевка происходила у подножья горы, а наверху оказался Миша

Баран. Внеапно шум и мелкие камешки, сыплющиеся в нас, заставили нас поднять головы. Сверху неотвратимо надвигалась каменная осыпь. Обвал! Все бросились бежать. Несколько человек получили легкие ранения, а одному пожилому вору — Роману из Алма-Аты — камень угодил в бок. С переломанными ребрами его отволокли в лазарет. Перед началом работ здесь производились взрывы, так что стоило легонько толкнуть хотя бы один маленький камешек, как начинался обвал...

Мы переждали лавину, спрятавшись за штабелями. Когда она прошла, мы закричали: "Ты что там, сука, наверху делаешь?!" Но Барана видно не было, видно, спрятался. По всему объекту переговаривались о том, что обвал произошел не случайно, но кто именно повинен в этом — кроме нас не знал никто.

Наконец Баран спустился с горы. Несколько воров — и я среди них — подошли к нему.

— Что тебе, поганцу, там надо было? — воскликнул я. — Ты же мог всех нас угробить!

Он начал отнекиваться: мол, забрался наверх, чтобы поглядеть оттуда на зону, случайно задел камешек...

— Врешь, негодяй, ты умышленно это сделал, чтобы нас засыпало!

Я бросился к Барану с криком: "Заколоть его, гада!!"

Баран, увидев, что я настаиваю на его вине, стал выкручиваться. Товарищи уговорили меня успокоиться. До драки дело не дошло. Вечером я собрал сходку. На сходке я пытался доказать, что Баран залез на гору с одной-единственной целью: устроить лавину, которая должна была уничтожить нас. Но сходка пришла к выводу, что произошла случайность...

После окончания сходки я все же высказал Барану все, что было у меня на сердце.

— Мразь, я еще разоблачу тебя, сука скрытая, доберусь до тебя...

Товарищи увели меня. Принялись уговаривать, чтобы я не лез на рожон, поскольку никаких доказательств у меня нет. Да и сходка решила, что обвал произошел случайно. Я был как бы в истерике: "Сука он, сука! Он кое с кем заодно действует против нас!.. "Ханыга, которого я очень уважал, не отстал от меня, покуда я не дал ему слово, что буду осторожен. Меня не покидала уверенность, что Баран — нечист...

Через день я решил сходить в лазарет — проведать Романа. Больничка находилась в зоне, так что такая возможность была. Старик лежал в гипсе. Я поцеловал его, рассказал, что происходило на сходке. Он заплакал, и попросил меня не связываться, не трогать эту тварь.

Но положение в лагере становилось все хуже и хуже.

Каждый день из барака выволакивали по два-три трупа. Это дало кое-какие результаты, так как не было иного способа избавиться от скрытых сук. Происходило следующее: начальство переводило в лагерь сук, которые слишком зарвались на своих прежних местах, либо чрезмерно много знали о своем начальстве. От них и избавлялись, отдавая их на расправу. Чуть ли не каждый день кого-нибудь разоблачали. Был, к примеру, один повар, который бил заключенных черпаком по голове... Таких убивали сами мужики.

Зона понемногу освобождалась от нечисти. Солдаты из охраны находились в постоянном ужасе: часто среди ночи в бараке разоблачали суку и тут же закальвали. Жертвы кричали и дергались в предсмертных судорогах. Охрана не выдерживала, свидетели подобных казней на дежурство больше не возвращались.

Читатель должен знать, что убийства совершались одними, а вину брали на себя другие: специально подготовленные люди, так называемые "сухари". Воры-законники всегда держали при себе подобных людей. Жили они как у Бога за пазухой, а когда приходило время расплаты, они "сознавались в

убийстве". Вор-законник брал на себя вину только в случае открытой резни.

Был у нас некий вор-законник Жора Пузан, бакинец. Как-то с ним заспорил один из "сухарей". Обнаглел — и треснул Пузана по морде. Жора повалил его наземь и избил... Но по воровским законам он обязан был убить его, так как сухарь не имел права поднимать руку на законного вора. Мы стыдили его: "Что ж ты, Пузан? Побил — и отпустил его?" — "А что, — отругивался он. — У меня сроку — пять лет. Не хочу из-за него раскручиваться и становиться лагерным жителем..." Я подошел к нему и заговорил с ним по азербайджански: "Ты, что — струсил? Да если сегодня фрайер дал тебе по морде, а ты его отпустил, завтра все фрайера обнаглеют и начнут нам морды бить!" С этими словами я схватил полотенце, набросил его на шею "сухаря", и обратился к Жоре: "Ну-ка, подсоби!" Он не тронулся с места. Подоспел Миша Баран. Вдвоем мы подвесили "сухаря" на верхних нарах. Продержали его минут пять. Он начал дрыгаться. Мы подумали, что он готов — и отпустили петлю, швырнули тело у двери и ушли. Однако "сухарь" каким-то чудом отдышался, и — придя в себя — принялся расспрашивать мужиков, кто его вешал. Среди мужиков у меня были свои люди, они-то и рассказали мне об этом. Фрайер оказался упрямым: он не сбежал с нашей зоны, а упорно допытывался, кто же все-таки его в петлю затолкал. Хотел убить. Мы сообразили, что он искал для себя смерти. На следующую ночь его и еще одного, привезенного с Воркуты, зарезали как баранов.

Наутро начальство узнало об убийстве — и внезапно проявило "бдительность": на работу нас не вывели, а стали по одному вызывать на допрос. Многие в наш барак не вернулись. Эта начальственная активность, допросы и проч., были вызваны беспокойством вышестоящих чинов. Ведь в лагере-то всего 150 заключенных. Если так пойдут дела,

так там скоро и вовсе никого не останется. А стране нужна известь!

После допроса вор-законник Юра из Костромы (заколотый "сухарь" был его) в зону не вернулся — сбежал. Я никогда бы не подумал, что он может улизнуть (или — по воровскому "выскочить") — из зоны: он был очень дерзким парнем...

На второй день нас вывели на работу. Была настоящая буря, ветер нес снег с дождем. Подняться на склон горы, чтобы скатывать камни, мы не могли: с ног валило. Начали просить охрану, чтобы нас вернули в жилую зону. В ответ слышались выстрелы и крики: "Работать не хотите?!" Тогда все заключенные окружили своих часовых — их было всего двое, — и потребовали, чтобы те на себе испытали силу ветра: "Хоть на десять метров в гору поднимитесь!" Часовые, подгоняемые нашим напором, решили попробовать. Подошли к склону, сделали несколько шагов... Их буквально сдуло ветром. "Ну что, псы бездушные, — орали мы, — убедились? Можно работать при таком ветре на отвесном склоне!?" На вышках, увидев, что мы столпились, начали палить в воздух. Мы в свою очередь предупредили, что если они убьют кого-либо из наших — их часовым в живых не бывать...

Нас вернули в зону. Там уже поджидало все лагерное начальство. Начался отсев наказуемых. Я попал в число этой чертовой дюжины. Нас построили и под охраной повели в карцер. Ничего подобного мне еще видеть не доводилось: настоящая могила.

Меня завели в коридор под землей. Приказали раздеться. На всем этом параде присутствовал начальник снабжения лагеря майор Медведев. Странно, что люди словно нарочно выбирают себе фамилии: он и в самом деле был, как медведь, да еще и одет в медвежью шубу...

— Ты и тебе подобные работать не хотят, — зарычал он. — саботажем занимаетесь! А я хотел дать вам дополнительную пайку за работу в трудных погодных условиях...

Он, видно, намеревался произнести целую речь,

но я прервал его:

— Подавитесь вы своим хлебом!

Охранники схватили меня и в одних кальсонах швырнули в карцер. Я успел только плюнуть в гнусную харю майора. Моему примеру последовали и другие, так что и их загнали голыми в камеры. По всему лагерю шла молва о "чертовой дюжине". Боюсь, что немецкие лагеря и тюрьмы нашему карцеру и в подметки не годились. Камера, примерно, 200 см на 70. По стенам и потолку непрерывно струилась ледяная вода. Имелся там цементный выступ-стол и закрывающиеся на день нары. Дышать было нечем, так как окон, понятное дело, не было. Проветривалось немного лишь тогда, когда охрана утром входила в камеру, сбрасывала нас на пол и закрывала нары.

О еде и говорить не приходится: триста граммов какого-то странного месива, которое означало здесь хлеб, стакан горячей воды. В обед — баланда, пять ложек каши.

Мы даже не знали, но сколько нас сюда засунули.

Я объявил голодовку. Продержался три дня, а на четвертые сутки — снял, послушавшись советов одного из охранников — осетина.

— Ты, земляк, — осторожно сказал он, — брось это — ничего не поможет. Я тебе как брату советую. Этим зверям ты ничего не докажешь, только себя загубишь. Они этого и добиваются.

Сперва я не поверил его доброжелательности, но после, поразмыслив, прекратил голодовку.

Мой осетин, когда выпадало его дежурство, давали мне лишний ломтик хлеба, иногда курево, но на вопрос, сколько нам сидеть в этом гробу, неизменно отвечал: "Не знаю..."

В один из дней пребывания в карцере меня отвели в нач. КВЧ. Оказывается, родные разыскивают меня, поскольку вот уже второй год не имеют никаких известий. Пришло письмо из канцелярии Президиума Верховного Совета.

— По приказу Президиума Верховного Совета

СССР, ты должен написать домой, — важно сказал начальник. — Пиши, что жив и здоров!

— Что мне писать? Я умираю. Вы меня морите в душегубке, а я должен их обманывать. Пусть забывают...

После долгих уговоров я согласился написать коротенькую записочку: "Нахожусь в городе Ишимбае, в лагере". О том, что я здоров — писать отказался.

Так мы досидели до весны. В мае 1952 года тридцать полутрупов после шести с половиною месяцев пребывания в гробах, вышли на свет Божий. Мы не верили, что живьем выбрались из проклятой камеры.

В лагере все считали нас мертвецами. Когда заключенные увидели нас, то не могли представить себе, что это те самые... Все говорили, что мы в точности скелеты, только кожа на нас сохранилась. Велели принести наши вещи. Раскрыли чемоданы и... вместо туфель, сапог, свитеров — какое-то жалкое тряпье. "Где же наше барахло?" — спрашивали мы у начальства. — "Поговорите еще — обратно там очутитесь", — отвечали нам злорадно.

Мы решили добиться этапа. Товарищи со мной согласились. И вскоре машины уже везли нас на сборный пункт.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАБОТОРГОВЫЙ ДВОР СОЦИАЛИЗМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БУХТА ВАНИНА

На нашу "чертову дюжину", привезенную на сборный пункт, никто не обращал внимания, хотя знакомых там было предостаточно. Шла формирование людского груза на дальний этап. Мы едва волочили ноги, до того были измучены: грязные, заросшие, безразличные ко всему, в неопишуемых лохмотьях, состоящих, казалось, из одних заплаток. Те, кто узнавали меня в таком виде, ужасались, а у меня не было даже сил улыбнуться, чтобы дать понять, что еще жив. Впрочем, все мои товарищи были в таком же состоянии. Только у Бабочки сохранился шерстяной пуловер, который не отобрали, так как он был сильно подпорчен молью.

Вскоре нас загнали в "столыпины" и отправили на Дальний Восток. Путь был неблизкий, но никаких происшествий не было: наша "чертова дюжина" отдыхала, давая успокоиться окоченевшим костям. Мы несколько оклемались, только были худы и грязны. По дороге, на задворках товарной станции г. Семипалатинска, наш состав рабов социализма был отправлен в баню, построенную как для скота, сразу на несколько сотен человек. Вместо мыла нам налили в руки немного какой-то грязной жижи. Кое-как смыв с себя материковую грязь, мы продолжили свой путь в печально известную бухту Ванина — работорговый двор

социализма. Двор утопии в утопическом коммунизме.

Как тут не вспомнить знаменитую песню заключенных тех времен, песню о Ванинском порту.

ВАНИНСКИЙ ПОРТ

*Я помню тот Ванинский порт.
И крик пароходов угрюмых.
Как шли мы по трапу на борт
В холодные мрачные трюмы.*

2

*От качки стонали зека.
Ревела пучина морская,
Лежал впереди Магадан
Столица колымского края.*

3

*Не крики, а жалобный стон
Из каждой груди вырывался.
Прощай навсегда материк,
Ревел пароход надрывался.*

4

*Будь проклята ты, Колыма,
Что названа черной планетой.
Сойдешь поневоле с ума,
Оттуда возврата уж нету.*

5

*Пятьсот километров тайга,
Где нет ни жилья, ни селений.
Машины не ходят туда,
Бредут, спотыкаясь, олени.*

*Я знаю, меня ты не ждешь
И писем моих не читаешь.
Встречать ты меня не придешь.
А если придешь — не узнаешь.*

*Прощайте и мать, и жена,
И вы, малолетние дети,
Знать горькую чашу до дна
Придется мне выпить на свете.*

*По лагерю бродит цынга.
И люди там бродят, как тени.
Машины не ходят туда.
Бредут спотыкаясь олени.*

Наконец-то наш "экспресс" прибыл в бухту Ванино.

Началось распределение живого товара. Система лагерей Ванино разделялась на несколько зон. Заключение распределялись там следующим образом:

- а) зона политическая
- б) зона воров-законников
- в) зона сук
- г) зона "махновщины"
- д) зона "красных шапочек"
- е) зона беспредельников и еще многие другие.

Эти красочные названия говорят вот о чем: я опускаю зону сучни, так как об этом уже рассказывал, скажу об остальных. "Махновщиной" именовались те, кто провинился перед предыдущими; "красные шапочки" — грешны были и перед "махновщиной", а уж "беспредельники" — это

прошедшие все упомянутые зоны, не удержавшиеся там, изгнанные, сбежавшие и т.п.

Первым делом заключенные проходили медицинскую комиссию: ноги, руки, зубы, ребра, задница... Людей проверяли, как рабов перед аукционом. Когда подошла наша очередь, врачиха, проверявшая нас, возмутилась:

— Откуда вы взялись, из какого гроба выскочили? Отправить бы вас обратно — нам такой товар не нужен...

Дело было серьезное. Я понял, что нас вполне могут отсеять и отослать назад. Этого мы бы не пережили. Я нагнулся над нею и негромко произнес:

— Если осталось в вас хоть капля человечности, вы нас не отправите. А я даю вам слово, что недели через две-три мы придем в норму.

— Кто вы такой, собственно, к какой масти относитесь?

(Как я узнал позже, она уж знала понаслышке о "чертовой дюжине" из лагеря под Шихан-горой...)

— Я лично — вор-законник.

— А остальные?

— А остальные — пусть сами за себя говорят.

— Ну уж ладно. Иди к своим друзьям... Уверена, что они тебя откормят. Да... Видать, ты рыбка не простая, раз тебя так приморили!

Напялив обратно свои лохмотья, я вернулся в строй. Через несколько минут начали появляться и остальные, вышел и Бабочка. Нас повели к воротам так называемой 5-й зоны. Перед самыми воротами нас остановили, вторично раздели и обыскали. Вновь мы оделись. Тогда начальник, ведущий нас, сказал:

— Я вас всех предупреждаю заранее! При входе в зону вас ждут воры со всего мира. Если у кого-либо из вас есть хоть малейшие грехи перед ворами — вспомните! Пусть до революции, пусть хоть в детской колонии. Берегитесь, они узнают все, так что "грешникам" рекомендую в зону не входить...

Некоторые переглянулись — и отошли в сторон-

ку. Таких, впрочем, оказалось немного. Оставшуюся группу завели в зону...

Нас окружила молчаливая группа, сверлящая нас настороженными взглядами. Все было, как и положено: лагерные старожилы встречают новичков, приглашают к себе в бараки, знакомят с обстоятельствами; я ведь и сам так поступал. Но от всего этого зависела моя будущая жизнь в лагере, и я хорошо знал об этом.

Бабочка и я держались вместе. Жалко, что Ханыги не было с нами. Законники пригласили нас в барак. Все те, кто сочли себя подходящими для такого приглашения, вошли. В бараке находилось несколько человек: кто сидел, кто лежал на нарах. На вошедших внимания не обращали. Я бегло осмотрелся, сделав для себя кое-какие выводы об аккуратности местных жителей. Тут мой взгляд упал на одного из присутствующих. Он смотрел на меня столь упорно, словно хотел прочесть всю мою подноготную. Я не выдержал.

— Что ты на меня свои zenки уставил, как будто я тебе за хату не уплатил?

— Откуда, земляк, будешь? — осведомился он с явным армяно-грузинским акцентом.

— Махачкалинский я.

— Давно сидишь?

— Пятый год пошел.

— Сейчас откуда привезли?

— Из Башкирии.

По его манере разговора я определил, что он армянин.

Подошли и другие жители барака. Завязался разговор. Я рассказал кое-что о нашем лагере. Ответив на первые вопросы старожилы, я обратился к армянину.

— А ты откуда сюда прибыл?

— Я — из Китойлага. Слышал о таком?

— Не только слышал, но и сидел там в сорок девятом.

Услышав о Китойлаге, я обрадовался, надеясь узнать о судьбе своих товарищей.

Узнав, что и я побывал в Китойлаге, меня окружили кольцом — и посыпались вопросы. Сначала я отвечал охотно. Но сразу же я почувствовал в их словах какое-то недоверие и иронию. Я стал обдумывать каждое слово, а вскоре и вовсе отказался отвечать: "Что это вы за следствие устроили!" Выматерив заодно и этого армянина, даже чуть было не задрался с ним.

"Ну-ка, ребятаки, — неожиданно раздался голос с другого конца барака, — возьмите этого нищего обормота и выпихните отсюда за дверь!"

Все взоры обратились к говорящему. Он полулежал на нарах, и когда я подошел к нему вплотную, позы своей не изменил.

— Эй ты, извозчик волоколамский, — обратился я к нему так, чтобы все меня слышали. — Хотел бы я посмотреть — есть ли у тебя душонка, или она у тебя отмерзла?! Что ты за рыцарь такой, что вышвыривает людей чужими руками?!"

Смелый рыцарь, почувяв, что не на того напоролся, отвернулся к стене и ни слова не ответил... Окружившая нас было толпа разошлась по своим нарам.

В этой зоне и в самом деле находились шаромыги со всего света: воры из Франции, Испании, Румынии, Польши, Греции — все национальности на выбор...

Жили здесь и честные фрайера, отбывающие свой срок. Они жили сами по себе и в воровские дела не вмешивались. Воры жили за их счет и не трогали их.

Когда все успокоились, армянин подошел ко мне. Звали его Шота из Тбилиси.

— Земляк, давай я тебе малость барахла одолжу. Переоденься, а? А за разговор не обижайся... Время такое — каждого проверять приходится.

— За внимание благодарю, — вежливо ответил я, — а барахла твоего мне не надо.

Выпив чаю и подзакусив, я стал знакомиться с ребятами. Меня интересовали судьбы тех, кто

остался в Китойлаге. Особенно беспокоился я о Саше Старухе. Из рассказов я понял, что обещание свое — устроить вора́м "варфоломеевскую ночь" начальник лагеря генерал Бульгаков выполнил.

Миша Зверь, тот самый, с которым я когда-то переругивался, был согнут окончательно. Его отослали на Иркутскую пересылку. В иркутском лагере он решил пойти в воровскую зону, а не в сучью, как бы ему теперь следовало. Воры, узнав, что он согнут, постановили на сходке убить его. Были и такие, что предлагали простить Мишу, но большинство сказало свое слово: смерть. На шею ему набросили полотенце — и повесили. Но полотенце не выдержало Мишиного веса: он сорвался с петли... Закон — есть закон. Дважды не вешают. Казалось, что смерть прошла мимо Миши Зверя на этот раз. Но недолго он продержался. Не выдержав позора, он в полночь связал петлю из двух полотенец — для страховки — и повесился сам... Встал на верхних нара́х и медленно опустился на руках вниз.

Два других вора Коля Барнаульский и Миша Поташ, когда попали оба в воровскую зону, собрали сходку сами. Оба умоляли воров о прощении, ибо не могли они вынести тех мук, которым подвергли их суки. Но воры на сходке, наученные горьким опытом, хорошо знали — что представляет из себя согнутый вор. Их обоих изрубили на куски. Возможно, их и простили бы, но большое значение имело то, что в жизни эти двое мнили себя "джентльменами" и часто смеялись над другими:

— Порчавня! Что вы за босявилы? Походка у вас не босяка! Стири (карты) тасуете и грабки трясутся, как у фрайера. Да и выражения у вас как у фуцанов (мужиков).

А когда всех нас начали гнуть суки с начальством, именно те, над кем они насмехались, выдержали все пытки, но не согнулись. А они согнулись, не выдержали!

По закону, на сходке их нужно было простить и

восстановить, или там же убить. Отпустить их не восстановив — они превратились бы в отъявленных сук, это мы уже хорошо знали из горького опыта.

Честно сказать, с ними поступили очень жестоко, припомнив все их насмешки и издевательства в прошлом.

Саня Бодайко неизвестным путем вырвался на иркутскую пересылку, остался несогнутым.

О Саше Старухе мне не удалось узнать ничего...

Я вынужден еще раз обратиться к теме "согнутых"

Бывает так, что согнутые воры, несмотря на это, отказываются выполнять работу начальства и живут как мужики. Это не относится к ворам популярным: таким само начальство не дает покоя, настаивая чтобы сотрудничали с ними "для пропаганды". Бывает и так: когда суки отчаиваются согнуть честного вора, они его насилуют. И распространяют об этом слух по всем лагерям. После этого изнасилованный вором-законником быть не может. Однако законники, зная все обстоятельства дела, не отталкивают несчастного и он, таким образом, остается честным вором. Бывает и иное: вор видит, что все пропало и он непременно будет изнасилован, то поднимает руку, давая тем самым понять, что согнут. Возвращенные в барак, воры эти вставляли ночью, вырезали нескольких сук — и шли к вахте с криком: "Эй, охрана! Забирай своих опричников!" Таким образом и эти люди оставались честными ворами.

Есть и другая категория воров, более дерзких. Они заявляли начальству, что не хотят жить в воровской зоне и попадали — группой в несколько человек — в зону сучью. Загодя подготавливали оружие. И в одну ночь, по плану, вырезали сразу десятки сук: совершая переворот. Таким образом зона из сучьей — становилась воровской. Суки, оставшиеся в живых, из зоны вытуривались и больше туда не возвращались. Начальство же предупреждали: если будет держать сторону сук — всю зону вдребезги разнесут. И начальство, видя

воровскую спайку, сдавалось. Такими методами — при содействии мужиков — произвели перевороты в нескольких зонах. И таким образом спасся мой приятель Семен Сова, финн.

Позже из рассказов заключенных я узнал, что в 1949 году в Китойлаге начали строить гигинтский химкомбинат. Все оборудование было привезено из Германии. Рядом строили и другой объект — какой-то подземный завод. Все цеха и кабины, а также пол, выкладывали кафелем. Многие заключенные месяцами не выходили и подземелья и никто не знал ни входа и ни выхода в подземный завод.

Объект работ раскинулся километров на десять в длину и ширину. Огромное количество заключенных трудилось там в невыносимых условиях. Произвол, как рассказывают, был невыносимый. Убийство заключенного было обычным явлением. Заключенные, увидев такое положение, тоже начали охотиться за охранниками, офицерами, которые издевались над нами. Выслеживали, и когда те попадали им в руки, живьем закидывали между опалубкой и заливали бетоном. Исчезновение не замечали несколько часов. В этом человеческом океане исчезновение отдельных охранников не замечали иногда по несколько дней, и много таких офицеров и охранников было заживо похоронено в фундаменте цехов. В конце концов начальство в управлении всполошилось. И под руководством печально известного генерала Булгакова, была спровоцирована ужасная резня между заключенными азиатского происхождения и всеми прочими. И вот в один из дней вспыхнула бойня. Бились лопатами и кирками. В этот день в котловане погибли тысячи невинных человеческих душ: русские, белорусы, украинцы, латыши резали чеченцев, ингушей, башкир, азербайджанцев, узбеков, а они, в свою очередь, убивали украинцев, русских и т.д. Еще вчера все заключенные работали рука об руку, помогали друг другу, ели из одной миски, делились своими думами и мечтами, смеялись и шутили, а сегодня они все полегли вдали от дома родного, в

этой далекой таежной пустыне, сложив головы в спровоцированной начальством кровавой резне.

После этого побоища зоны были разделены на зоны белых и зоны черных.

Этот рассказ меня поразил и навеял страх перед будущим. Вечерами я долго не засыпал, лежал и думал. Надо сказать, что в основном заключенными в лагерях тогда были люди военного периода. Люди, прошедшие войну, отсидевшие в концлагерях, попавшие в плен к немцам, люди, прошедшие с фронтами по Европе, которые могли рассказать многое о жизни народов Европы. А это русскому народу ни к чему было знать. Поэтому при малейшей возможности эти люди загонялись в лагерь, а затем физически уничтожались.

Помню рассказ одного моряка, с которым меня столкнула судьба в то время. Он попал в плен под Севастополем, в так называемом Керчинском котле. В этой мясорубке был разгромлен почти весь черноморский флот, мало кому удалось вырваться оттуда. В плену он пробыл около двух месяцев. Потом они с группой товарищей устроили побег и перешли линию фронта. Даже партбилет он сохранил, держал его при себе все дни в плену, остался коммунистом. Их отправили на фронт, на самые тяжелые участки. Он уцелел. Дошел до Берлина. Имел большие награды за доблесть. Демобилизовался, и был назначен на руководящую работу. Работал честно, как и подобает фронтовику и коммунисту.

И вот как-то в его кабинет без стука и разрешения ввалился молодой офицер КГБ и предъявил санкцию прокурора на его арест.

— А в чем я обвиняюсь? — удивился тот.

Или по неопытности, или чувствуя свою силу, этот кагебешник прямо заявил:

— Вы были в плену!

— Ну и что, что я был в плену?

— Вы коммунист и не должны были сдаваться в плен, а должны были застрелиться.

— Да вы представляете себе, в каком котле мы были?! Я вырвался из плена и воевал честно до конца войны!

— Ничего не знаю! Есть санкция на ваш арест! Прошу следовать за мной.

И тут наш моряк не выдержал и вышел из-за стола. Одним резким ударом сбил офицера с ног, отобрал у него писолет и загнал патрон в ствол:

— Вставай, сукин сын, сейчас посмотрим, как ты будешь умирать!

Офицер, увидев, что ему грозит, потерял весь свой лоск. На коленях подползает к нему и умоляет: "Не убивай меня, я еще молод, у меня двое детей и старая мать".

— А я, подлец, был стар и хотел умирать? Или у меня не было матери? Ты хоть жениться успел, а я еще и женат не был, мерзкая твоя душа. А теперь вставай и под моим конвоем пойдешь прямо в отделение милиции. И учти, за малейшее движение на улице пристрелю, как собаку. Если, конечно, не хочешь смерть предпочесть позору, как и положено коммунисту, а?

Офицер молча подчинился, под конвоем моряка пошел в горпрокуратуру. В кабинете у прокурора моряк загнал его в угол и направил пистолет в упор:

— Вот здесь я тебя и пристрелю, как собаку.

Офицер опять, публично, в кабинете у прокурора, падает на колени и начинает вымаливать у моряка жизнь. Прокурор в недоумении смотрит на это зрелище.

— Что тут происходит? — не выдержал он наконец.

— Да вот этот сопляк пришел меня арестовывать за то, что я не предпочел смерть позору, как подобает коммунисту. Вот я и решил проверить, как он умирать будет!

Короче, осудили его за хулиганство на 5 лет, а стоило ему поступить иначе, получил бы 25. За "грехи", что воевал на фронте и вернулся живым.

После нескольких дней пребывания в бухте Ванино мы с Мишей Бабочкой сделали карты из газет. Работа это непростая: бумага склеивается в три слоя, предварительно ее натирают клейсером из хлеба, затем — шлифуют стеклом. Карты получились на славу. Миша вообще был карточным чудодеем: во время перетасования он мог, поглядев на последнюю карту, "запустив глазенапа" на первую, совершенно точно узнать всю последовательность расположения карт в колоде. Ставя все тот же свой полусъеденный молью свитер, он выиграл несколько пар брюк, несколько сорочек и еще что-то. После этого он и меня привлек к игре. Все шло отлично — и выиграли мы с ним хорошие тряпки. До нашего этапа мы собрали два мешка барахла: костюмы, теплые шерстяные вещи, сапоги, туфли. Появились деньги. Словом, встали мы на ноги, привели себя в божеский вид.

В этой зоне сук не кололи. Разоблачив, их живьем топили в туалете... Почти каждый день надзиратели крючками выволакивали трупы из отхожих мест.

В один из дней я прохаживался по зоне с одним вором — Мишей Золотым, армянином из Краснодара. Он уже отсидел свою десятку на Колыме, так что я расспрашивал его о тамошней жизни. Вспомнив, я спросил его:

— А не знал ли ты на Колыме такого Бориса-Француза из Москвы?

Он с удивлением поглядел на меня.

— Откуда тебе знакомо это имя?

— Я сам с ним сидел в Ишимбае. Подружились.

— По всей Колыме гремело это имя, — ответил Золотой, — по всей колымской трассе имя это произносили с уважением...

Разговор наш прервало появление этапа с Волго-Дона. Мы отправились на поиски знакомых,

но никого не нашли. Разговор продолжался. Я сообщил Мише, что Француз живет теперь как простой мужик, ни во что не лезет. Но поговорить с Мишей как следует нам не пришлось. Не прошло и получаса, как к нам подошел ленинградский вор по кличке Сатана. Звали его также Мишей.

— Наконец-то вижу своими глазами педераста-кавказца, — смеясь, сказал он нам. — Только что прибыл. Сегодня же я его отведаю.

При этих словах нас бросило в дрожь...

— Откуда он, — скрывая волнение, поинтересовался Золотой, — что он сделал?

Пареньку было восемнадцать лет. Был он из Баку, на редкость красивый мальчишка. По его манерам ясно было, что он не из плебеев, а из благородной семьи. И действительно, он оказался сыном одного из видных руководителей ЦК Азербайджана по фамилии Якубов. Родители, не сумев справиться со строптивым сыном, решили проучить его, посадили за воровство. Он попал в Волго-Дон, где сами азербайджанцы и испортили его...

— Ты понял, Ази, на что намекает этот Сатана?! — обратился ко мне Золотой. — Это на нас он своим педерастом намекает!

Поразмыслив над словами Золотого, пришел к выводу, что следует во что бы то ни стало помешать Сатане.

Мы разошлись по баракам.

— Ты чего злой такой? — спросил, поглядев на меня, Миша Бабочка. — Будто все потерял, что имел когда-то.

— Да так, — нехотя отозвался я.

Время шло к закату. Условленный Сатаной час приближался. Я не выдержал и рассказал Бабочке все.

— Я и сам, по правде говоря, никогда не видел нацмена-педераста, — выслушав меня, сказал Бабочка. — Ну, и что же ты собираешься делать?

— Помешать! Не допустить этого!

Бабочка кое-как успокоил меня. Поужинав, мы

отправились спать. А наутро услышали, что несчастного мальчика утопили в уборной. Питерский Сатана был в ярости, что ему так и не довелось попробовать облюбованную жертву. Он долго искал, кто помешал ему, но так ни до чего и не доискался... Все убивали всех из-за позора и унижений.

По прибытии одного из очередных этапов я познакомился с неким вором. Он прибыл из Воркуты, и было ему о чем поведать, что вспомнить. В одном из его рассказов промелькнула кличка Ландыш. Услышав это, я наострил уши. Не давая ему продолжить, я спросил:

— Ты говоришь, Ландыш?

— Ну да.

— Так я тебе про него расскажу.

Выслушав меня, вор затрясся от злости.

— Скажи-ка, у него шрам на щеке, сам он из Казани?!

Все совпало...

— Так это он!.. Сучий потрох. Подлая тварь.

Мои предчувствия не обманывали. Вор принялся рассказывать нам о проделках Ландыша. Мы подтвердили, что подозревали его.

— Так вы, значит, знаете, с какой сукой вам довелось сидеть?! И такого негодяя вы упустили?

Выяснилось, что Ландыш сидел на Чукотском полуострове, в бухте Певек, где был одним из самых ярых сук. Ему всегда поручали гнуть воров, что он и проделывал с огромным наслаждением. Но бывало, что его попытки ни к чему не приводили. Тогда он привязывал вора к пеньку, специально вкопанному в грунт посреди зоны, надевал привязанному на голову железный цилиндр и разводил костер у вора на голове. Или же сажали вора на горячие угли. При всем этом присутствовало лагерное начальство.

Я слушал этот рассказ и меня била дрожь.

— Вот видишь! Я был прав, а вы не верили мне!

— Но не было у нас прямых доказательств, не

было у нас возможности и оснований трогать его, — возразил Миша Бабочка.

— Оснований? — зарычал я в ярости.

Наш новый знакомый стянул с себя сорочку.

— Смотрите, что со мной сделал этот изверг. Я выжил, но многие...

И он заплакал.

Его тело было буквально изжарено железными прутьями. С головы до ног не было на нем живого места... Я, вероятно, не смог бы выдержать такой пытки.

Вскоре после этой жуткой встречи нам пришлось расстаться с лагерем: этап! После завтрака нам велели собираться. Оделись мы потеплее, на ноги обули кирзовые сапоги. Финку я заложил в сапожный шов. Так что мы были готовы к любым неожиданностям.

Я с Бабочкой попал в один пароход, название которого известно многим, побывавшим в северных лагерях: "Жан Жорес". Имя известного французского социалиста украсило "рабовоз". Набили в отсеки 1200 заключенных. Мы попали в средний. Трехъярусные нары. Посредине отсека — параша. Рядом с нею — питьевая вода в такой же точно посудине. Мы — четверо — легли на первые нары: Миша Бабочка, приятель мой, с которым мы ели вместе еще в Башкирии, Витя и Костя-грек, с которым мы подружились недавно.

Первым делом проверили, что у нас имеется, чем мы располагаем. Все протянули мне свои запасы. Оказалось немного сахара и сухарей. "Будем есть экономно. Дорога длинная, с сожратвой у нас негусто", — сказал я. Все согласились.

"Жан Жорес" двинулся в морскую пучину...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы плыли по волнам океана в неведомое будущее.

В первое время кормили нас вполне сносно, но потом стали давать какую-то отвратительную крупу, разведенную кипятком. Выхода не было, те, у кого не было своих запасов, ели эту бурду. Вообще паек сократили наполовину, — не только в смысле качества... Я запретил своим приятелям есть казенную болтушку, и мы перешли на наши запасы: размешивали сухари в кипяченной подсахаренной воде, так что получалась у нас тюря. Эта тюря и спасла нас от дизентерии. Другие заключенные страшно мучались от болей в животе и поносов. Люди стали заметно слабеть, болезнь брала свое. Через несколько дней появились первые смертные случаи.

Я целыми днями сидел на нарах, наблюдая за происходящим, и ни в какие разговоры не вступал. Как-то начальник охраны, зайдя в трюм, спросил:

— "А ты, кацо, все молчишь? — А если я тебе на болячку свою пожалуюсь — вылечишь?"

Он только улыбнулся и ничего не ответил.

Свирепствовал голод. Курить также было нечего. Мужики стали крошить доски нар и свертывать древесную труху. Видя это, я не выдержал. Стал развязывать свой мешок, говоря, что сейчас дам

охраннику пару сапог, чтобы он приволок махорки. Дождался, покуда вошел к нам начальник охраны. Протянул ему сапоги и попросил, чтобы принес курева и чего-нибудь поесть. Он повертел сапоги и вышел. Долго не возвращался, так что я уж было подумал: "Пропало", и укорил себя в душе за такую растяпистость. Чувствовал, что и мои товарищи думают что-то подобное, но ничего не говорят, не желая растревлять меня. Начальник возвратился к обеду. При нем было шесть пачек махорки (по 15 коп.), немного сухарей и с килограмм сахара. У меня потеплело на сердце. Я поблагодарил его. Он усмехнулся и ушел. Заключенные слышали и видели все наши переговоры с начальником. Никто, разумеется, не осмелился сказать ни слова. Только смотрели на меня глазами, полными мольбы. Мы — четыре приятеля — вообще не курили. Я обратился ко всем в отсеке: "Становись в очередь, буду раздавать по одной закрутке на двоих". Раздал все, покуда не опустели все шесть пачек. Один из воров, раздосадованный моим поступком, обратился ко мне:

— Ты почему это раздал фрайерам махорку?

— А ты, стерва, сиди на своем месте и не суйся, куда тебя не просят. Еще всякая падла будет меня учить, что мне делать!

И тут же предложил ему:

— А если хочешь — двигай сюда: сыграем на то, что у тебя есть.

Он спрыгнул с верхних нар и мы взялись за игру. Я выиграл все его вещи. Злой, он забрал у некоторых мужиков их барахло — и игра продолжалась. Вскоре и это все оказалось моим. Короче говоря, я раздел его до кальсон; и просидела эта стерва до вечера — голый, как цуцик.

Мужикам я их вещи отдал, предупредив, что если кто захочет их забрать, то пускай скажут, что это все принадлежит Ази. А голого я пожалел, да и ребята уговорили меня отдать ему его одежду. Я только предупредил его, чтобы он не вздумал играть снова, так как вещи-то — мои, и когда мне

они понадобятся, я их возьму. Так что по крайней мере он больше голым остаться не мог...

Количество мертвецов с каждым днем увеличивалось. Каждый день выбрасывали с парохода жуткие костяки, обтянутые кожей. На костяках прикреплены были огромные головы с провалами глаз.

В водах Северных морей плыть было трудно: сплошные льды. Вместе с нашим "Жоресом" тащился целый караван: "Баку", "Ленинград", еще какие-то суда, а впереди шел, пробивая путь, ледокол "Микоян". Член Политбюро, как и положено ему по штату, пробивал дорогу каторжникам...

По прибытии в бухту Певек нас выгрузили. Многих, впрочем, не довезли: они остались в океане, либо вмерзли навечно в плавающие льдины. Нас быстро загнали в огромную палатку, окруженную колючей проволокой. Палатки эти были построены на болоте: ноги утопали, не то что бежать, но и идти было тяжело. А нары в палатке были из горбыля... Это был воистину ад. Кормили еще хуже, чем на корабле. Сырость добивала тех, кого ранее пощадили истощение и болезни. Мерли прямо на нарах, где и оставались лежать заколоченные трупы. Никому не было до нас дела. Мы и сами не знали, что предпринять, понимали только, что если не станем действовать, то погибнем все до единого...

В один прекрасный день нам велели построиться без вещей.

Я и мои товарищи, а с нами — еще десятки воров, у кого имелись ножи, — встали в первый ряд. Думали все, уверен, об одном и том же: если с нами что-либо захотят сотворить — живыми не дадимся. Оказалось, что нас всего лишь вели в баню. Дорога эта проходила мимо лагерных строений. Внезапно кто-то из-за колючей проволоки прокричал, назвав мое имя: "Ази, всех твоих друзей здесь согнули, а несогнутых — увезли полумертвых неведоко куда... Мамеда из Дербента

и..."

Второго имени я не расслышал. Я сразу же повернул голову на крик, но ничего не разобрал: слишком много лиц виднелось за колючками. Кто же это? О чем он? А... Мамед. Я знал его хорошо: отъявленный и смелый вор. А кто же другой?

Нас ввели в баню. Своим товарищам я сказал, чтобы мыться не смели: опасно. После бани нас повели обратно в ту же самую адскую трясину, как я называл ее про себя. Думал, что уж на обратном пути встречу неведомого собрата, но за колючей проволокой никого, кроме охраны, не было. В глубине лагеря виднелись кучки заключенных, уныло провожавшие нас взглядами, но подойти никто конечно не мог. Там были мои друзья, знакомые, в этом-то я уверен, но поговорить не удалось.

В лагере нас пригласил к себе один вор. Там уже собралось человек двадцать воров. Все изучали записку, которую кто-то передал одному из них в бане. В записке были описаны все ужасы лагерной жизни замученных здесь и согнутых воров-законников.

В адской трясине мы пробыли двадцать дней. Затем нас вновь вернули на пароход: оказывается, выгрузили нас временно, покуда загружали на "Жорес" продукты для заключенных лагерей бухты Певек.

Когда я пишу эти строки и вспоминаю о злодеяниях, творящихся в этих лагерях, у меня в горле застревает ком и на глазах появляются слезы. Перечислялись там и имена 51, которых не удалось согнуть. Всех их месяцами держали в изоляторе, а потом подожгли здание. Все они сгорели заживо, никто даже не пытался гасить огонь. Осталось в моей памяти одно имя из записки: Леха Кара, что в переводе на русский значит Леха Черный.

Мне запомнилась приписка в конце этого списка: "Таким методом расправлялись ученики "великого" Ленина с народом России".

Я описываю только то, что видел и слышал лично. А что было в других лагерях? Может быть такие же, как я, мученники лагерей смерти коммунистического строя, расскажут и об этом.

х х х

На берегу перед посадкой нам велели раздеться; проводился очередной шмон. Я подошел к одному из надзирателей, занятому другим каторжником: "Слушай, ты еще его не проверил. Давай к другому пойду..." — "Иди-иди, занятый "ответственным делом", — сказал он, не обращая на меня внимания. Я прямо направился к тем, кто уже прошел проверку. Мой номер прошел!

И нож мой остался при мне. С ним я не расставался никогда.

Мы вернулись на старые места. Вновь на корабле находилось 1200 человек. Место умерших заняли новые заключенные. Корабль взял курс в открытый океан. На второй день пути нам выдали паек — на всех сразу: несколько мешков хлеба и сахара. Хлеб был сверху совсем горелый, а внутри словно глина. Заключенные буквально визжали от болей в животе, но другого-то не было... Мешки с сахаром воры оттащили в угол трюма. До начала раздачи решили собрать сходку. На сходке большинство воров предлагало фрайерам сахар вообще не давать, оставить его только для воров. И мои товарищи были против такого решения и всячески уговаривали воров на сходе не делать такую подлость по отношению к фраерам, мотивируя тем, что большинство мужиков болеют, смертность вновь началась, а глоток горячей воды с сахаром мог помочь им, подкрепить. Нас слушать не хотели. Начался большой шум, в результате которого мы вообще покинули сходку. Оставшиеся все же решили выдать фрайерам по пол-порции. Нам тоже выдали наши порции с добавкой, но мы взяли только то, что нам причиталось.

— На, тварь подлая, подавись. — вернул я

раздатчику часть сахара. — Кишка ты поганая, ты и тебе подобные. Я еще погляжу, кем ты впоследствии окажешься!

Мужики все отлично видели и понимали, но боялись сказать слово.

Как-то один из них, Гриша из Молдавии, обратился ко мне: "Брось, Ази,пусти их. Забрали и черт с ними..." — "Ты знаешь, что я тебе скажу, — продолжал он. — Я вот уже пять лет по лагерям скитаюсь, поваром работал, ворами всегда помогал, но чтобы такое..."

Я не дал ему договорить, закрыв ладонью его рот: "Молчи, бедолага. Все понимаю, все знаю. Лежи и молчи, понял?" Услышь его воры, они бы убили его мгновенно: мужик не имеет права жаловаться на воров.

Оставив мужиков, я вернулся к себе. Не спалось.

Вспомнился дом, родные. На глаза навертывались слезы.

Растрюшил Костю Грека и попросил его рассказать о себе: ведь я ничего не знал о нем. В конце концов тот согласился.

До войны семья Кости жила в Сухуми. Когда началась война, их выслали в Казахстан. Вся его семья работала на руднике. Мать — нарядчицей, а отец — механиком. Зарплаты не хватало. Костя начал бродяжничать, воровать, попал в тюрьму. Освобождался — и опять за старое. Отбыл — последний срок, родители его женили. Родилась дочь. Хотел было завязать навсегда, да куда там! Привык, чтобы деньги были... Оставлять дочку голодной тоже не хотелось. И опять загнала его судьба на воровскую дорожку. Поймали — сунули пять лет. И поехал он на комсомольскую стройку. Только не по путевке горкома, а по путевке суда жизни... На Волго-Донской канал.

Грек замолк. Но я хотел знать все: о семье, о жене. "Рассказывай, рассказывай, друг! С женой-то переписываешься?" Костя молчал. После раздумий он поведал нам ужасную историю.

— Когда я был осужден и попал на Волго-Дон-канал в лагерь, то познакомился там с одним вором. Мы подружились. Последний кусок делили. Я ему и рассказал, как вот вам сейчас, историю своей жизни. А когда он освободился — дал ему письмо и попросил кое-что передать жене. Он и уехал. Но рассказал не то, о чем я просил его, а наплел ей на меня всякое. Охаял меня, как сам хотел и уговорил мою жену сожительствовать с ним. Да и сейчас с ней живет. Недавно получил от нее письмо, где она просит развода. На письмо ей я не ответил, а написал родителям. Они-то и сообщили мне все...

Миша Бабочка о своей жизни рассказывать не любил. Но я знал, что на Воркуте его согнуть не удалось. Суки клали ему на грудь доски и били по ним кувалдой... Вся грудная клетка его была перебита и изломана, так что даже непонятно, как он остался в живых.

Витя, еще один вор из нашей группы, был совсем молод. Свою бродяжническую жизнь он начал недавно, когда ушел из родительского дома. Был осужден на шесть лет.

Он был умным и одаренным парнем. Очень красив. Превосходно играл в шахматы. Еще в Башкирии я любовался им, когда политзаключенные приглашали его в клуб сыграть. Из ста партий он проигрывал или сводил вничью не более одной-двух. В той зоне было двенадцать тысяч заключенных, все больше осужденный по 58-й за измену родине. Генералы, офицеры, артисты, ученые. Они очень уважали Витю за его ум и шахматный талант, удивлялись, как он попал в воровской мир, что и кто увлекали его... Ведь не секрет, что все они смотрели на воров, как на отбросы общества, лишь страх не давал проявиться их презрению и ненависти. Это мы превосходно знали, гордились этим. И жили за их счет, да еще и не в пример лучше, чем они.

Мы плыли уже пятьдесят два дня. За это время в трюмах стало заметно свободней: смерть постаралась улучшить наши "жилищные условия".

Вскоре мы подплыли к берегам моря Лаптевых, но подойти поближе не смогли, так как устье реки Яны было мелководным. От берега отошли баржи и взяли курс к нашим рабовозам. Еще на корабле нас распределили по статьям. Отсев шел по такому принципу: "Петушки — к петушкам, а раковые шейки — в сторонку!" Я был осужден за убийство, так что попал к "раковым шейкам". Остался без друзей... Нас, сорок человек, посадили в отдельный отсек подоспевшей баржи и повезли на сушу. Думали мы только о еде, так как почти забыли вкус пищи, а о горячем — и говорить не приходится. Подошло время обеда. Нам выдали хлеб и банку консервов. Хлеб был малость лучше, чем на "Жоресе" — знаменитом социалисте, а консервы были испорчены, списаны, но для заключенных и такое годилось.

На барже мы доплыли до поселка Батагай, 80 км ниже Верхоянска. Началась разгрузка. В качестве приветствия мы слышали пулеметную пальбу: охрана стреляла над нашими головами, чтобы мы "почувствовали". С баржи я вылезал чуть ли не последним. Когда я оказался на пристани, мои трюмные соседи уже лежали ничком на земле. Их усердно колотили прикладами и каблуками по головам и спинам, заставляя лечь пониже. У каждого уже появились кровавые раны. Мне сразу же приказали раздеваться. Во время этого я незаметно бросил нож в воду, — а заодно и душу свою за ним вслед... Так мне жаль было расстаться с оружием, которое вот уже несколько месяцев верно служило мне.

Всплеск воды обратил на себя внимание охраны.

— Что ты выкинул, подлая тварь?!

— Ничего.

— Ах, ничего?!!

В течение получаса несколько солдат изуродовали и избили меня до полусмерти. Сознания я не терял. Меня заставили лечь ничком. Я сопротивлялся. Услышал, как один из охранников говорит: "Отодвиньтесь, я его пристрелю". Это было совсем

не самым худшим выходом. "Стреляй, стерва, — крикнул я. — Чего ждешь?! Из лежащих пластом на пристани тел раздался жуткий вопль Коли Хохла:

— Ложись, зверь, а то нас всех из-за тебя...

Это было правдой. Рассвирепевшие из-за меня охранники могли расстрелять всех, а потом списать... А что? Бунт при разгрузке заключенных. Это им ничего не стоило. Я внял голосу разума и улегся. Не успел я опустить голову, как получил страшный удар сзади по голове. Мой нос уткнулся в камень. Переносица была сломана. Эту памятку о великих стройках коммунизма я ношу при себе и по сей день... Теплая кровь хлынула в грязь. Второй удар вверх меня в беспамятство. Все, что происходило дальше, я знаю только по рассказам. Меня спасли мужики, помня мое отношение к ним на пароходе. Иначе бы меня, бесчувственного, забили бы непременно.

Очнулся я от сильной тряски. Нас везли в машинах.

— Куда нас?..

— Сами не знаем, — ответил кто-то.

— На кладбище, — послышался другой голос.

Действительно, миновав поселок стороной, нас завезли на кладбище. Зачем?! Я обвел взглядом заключенных. Было нас в машине, как сельдей в бочке. Взглядом встретился я с Васей Горбачом из Мордовии. Едва подмигнув, я дал ему понять, что надо будет броситься на охрану. Его ответное движение убедило меня, что он понял...

Кабина открылась. К нам подошел старшина.

— Вздумаете бежать — вот тут и будет ваша свобода.

Небольшие холмики чуть возвышались над промерзшей землей. Торчали таблички с номерами... Кладбище каторжников. Поверьте, я был во многих лагерях, участвовал во многих стычках, безоружным бросался на нож, о чем свидетельствуют шрамы на моих пальцах. Но в этот момент я мысленно почувствовал, как лезвие входит мне под сердце. Тело мое облилось холодным смертельным потом.

И охватила жгучая обида, что вот — погибну от рук этих извергов, так и не прикончив одного, хотя бы одного из них!..

Машина снова тронулась.

Мы прибыли в поселок Эгейхай. Нас заставили лечь на землю. Прошло минут двадцать. Между рядами лежащих неторопливо прошелся офицер. Затем обратился к нашему старшине:

— Старшина, что это они у тебя мордами к земле лежат? Ты их посади, посмотрим, кто такие.

— Пошел ты к ебаной матери, майор, — раздался ответ "подчиненного", — Нехай лежат. Скорее подохнут.

Майор, ничего не ответив, удалился.

Потом я узнал, что отношения между местными палачами были весьма сложными. Подчиненные превосходно знали о всяких противозаконных делишках своего начальства, так что особо не стеснялись. При каждом конфликте в вышестоящие инстанции летели доносы друг на друга.

На ледяной земле нас продержали около часа. Затем стали выкликать по фамилиям. По одному вели в изолятор. После проверки по одному вводили в кабинет к оперуполномоченному.

Я вошел. Доложился по правилам. В руках уполномоченный держал папку с моим делом. Подойдя к столу поближе, я успел прочесть на обложке слова "вор-законник". Меня это не удивило.

— Кто ты по национальности? — спросил опер.

Вопрос меня поразил. Ведь в деле моем все написано, что же он...

— Еврей, — ответил я после недолгой паузы.

— Еврей... — странным тоном повторил он. — Ну что ж, еврейчик, ты у меня будешь сидеть в крытой тюрьме, пока не посинеешь!

Я сообразил, что дела мои плохи, и, соответственно, следует держаться поосторожнее.

— И за что ж это мне от вас такая немилость?

— Когда ты скажешь правду, кто ты на самом деле?!

— Так вы же мое дело проверяли. Там и национальность имеется.

— А какая из них настоящая?!

Только теперь я все понял! По приговорам я шел под разными фамилиями: "Якубов" был таджиком, "Уберия" — грузином. И лишь последним стояло: Абрамов. Еврей. Вот оно что...

Я посмотрел в его проклятое недоброе лицо.

— Увести его, — раздалось слова. — И пока не признается, пусть сидит до посинения!

Уже потом я узнал, что сам опер был евреем. Фамилия его была Гольдман.

Меня отправили в камеру. Охраняли круглосуточно, но кормили — регулярно.

...Лагерь, в котором я оказался, имел свои особенности. Практически все начальство состояло из хохлов. А это всегда опасно. Много украинцев сидело за национализм по разным зонам, многие националисты еще оставались в лесах. Хохлацкое начальство старалось проявлять особую ревность к службе и — естественно — особую жестокость по отношению к заключенным.

Боясь друг друга и собственной тени, эти люди были готовы на все, чтобы выслужиться; любые унижения перед теми, от кого зависит их работенка, любая жестокость и подлость по отношению к незащитным каторжникам.

Воду для питья давали так.

Попросишь — отвечают: "Сейчас". Это "сейчас" продолжалось часами. Пресли повторно. Воды нет. Если же кто-то не выдерживал, повышал голос, то приносили бочку воды, и несчастного головою запихивали под воду. Когда он начинал захлебываться — вытаскивали. Потом снова. И так, пока заключенный не терял сознание. Полумертвого швыряли на каменный пол, обливали водой и уходили. Многие не выдерживали истязаний...

Я пробыл там до октября 1952 года.

О судьбе своих товарищей я не знал ничего. После изолятора у нас отобрали все наше и выдали лагерные шмотки. На севере положен бушлат и

телогрейка. Но нам велели выбрать что-нибудь одно. Я выбрал бушлат: он и длиннее телогрейки, и рукава у него длинные, так что можно руки греть.

После переодевания нас вывели из зоны. Рядом стояла построенная на скорую руку деревянная тюрьма. Мы оказались новоселами. Восемнадцать человек загнали в камеру на три квадратных метра.

Дорогой читатель, можешь ли ты поверить, что в три квадратных метра можно втиснуть 18 взрослых человек?

Но это было так. Нары были поставлены в два яруса. У двери с одной стороны — питьевая вода, с другой — параша для нечистот. Я занял место вторым от стены на нижнем ярусе. Проход между нарами был всего в полшага, два человека разойтись не могли.

Когда ложились спать, то ботинки клал под голову, половина бушлата под себя, вместо перины, а полбушлата на себя как одеяло. Пижама была прекрасная: тюремная рубашка и брюки.

Кормили нас обычно, но вот вместо чаю (т.е. кипятка) давали заранее подслащенную воду. Вкус ее был странным. Я поинтересовался у надзирателя по фамилии Гречко:

— Слушай, что это за сладкая жижа? Почему вы нам не даете кипяток и сахар отдельно?

— А мы вам сами сахар кладем, чтобы всем досталось. Чтобы вы свои косточки подкрепили...

Лишь потом мы узнали, что это была жидкость, которую выкачивали из урановых рудников. Она была сладкой, так как этого требовал технологический процесс... Зачем же добру пропадать, когда можно скотину поить? Конечно, настоящую скотину отравлять бы не стали, а заключенных — можно.

От этой страшной воды каторжники болели и умирали, но другой не было, так что приходилось пить, чтобы не погибнуть. Жидкость действовала, по всей вероятности, на весь организм.

Мы понимали, что это последняя станция для тех, кого решили списать. Люди таяли на глазах. Мы сами себя не узнавали. Беспокоили нас наши

сухари: мы опасались, что они могут выпулиться и рассказать, кто из воров-законников и когда на самом деле убивал сук (срок-то крутили сухарям). Через день мы отдавали им наши пайки, чтобы они молчали.

Однажды меня вызвали в управление. За столом в кабинете сидел высокий видный мужчина в майорских погонах. Это был начальник первого отдела управления лагерей Верхоянска Цветков. Я слышал о нем, что если в разговоре ему перечили — он расстреливал в кабинете...

Поглядев на меня колючим взглядом, он произнес:

— Что, Ази, все еще ходишь?

— А почему бы мне не ходить?

— Если ты не откажешься от своей воровской идейности, я тебя превращу в шестнадцать килограмм. Понял? А если откажешься — сейчас же переведу тебя в общую зону.

— Спасибо вам, гражданин майор, за вашу милость, но я хочу уйти из лагеря тем, кем пришел в него.

В кабинете кроме Цветкова находился и майор Потапов — тот самый, которого старшина при нас послал по-матери. Он был из Москвы, и поговаривали, что и до войны сам был воров. Заключение уважали его.

— Ази, — обратился ко мне Потапов, — брось свою дурную идею...

— Я не из тех, кто поддается уговорам.

— Увести в камеру! — скомандовал Цветков. — И заморить этого зверя черномазого!

— Благодарю вас за такое покровительственное ко мне отношение.

Красивое лицо Цветкова мгновенно исказилось от ярости, глаза налились кровью. Казалось, что он бросится на меня и растерзает собственноручно, но меня уже выводили из кабинета. Дверь захлопнулась, и лишь словцо "мерзавец" долетело до меня...

В этот день вызвали многих — и некоторые не

вернулись. Мы боялись, что уйдут наши сухари, соблазненные начальством. Ведь чекисты прекрасно знали, что сухари — это не воры, знали, зачем прикармливаем их, жертвуя собой. Но остались и сухари: им невыгодно было покидать своих покровителей. Уйди он от нас, его кинут в лагерь сукам, а те его быстро прикончат.

Сухари... Это молодые фраеришки (некоторые называли их просто пацанами). Воры прикармливали их, держали возле себя и использовали в своих нуждах.

В январе 1953 года меня вызвали вновь. Встать я не смог... Я вспомнил башкирский изолятор. Так выяснилось, что и у самого плохого есть худшее. Майор Цветков свое слово сдержал — я превратился в "шестнадцать килограмм". Держась за стенку, дошел кое-как до двери камеры. Переступил через порог. На мое счастье кабинет, куда мне следовало прибыть, находился недалеко. Доползти можно. Открыл двери. Вновь "за стеночку" подошел поближе к столу. Увидел оперуполномоченного Гольдмана...

— Ну, кто ты по нации? Вспомнил?!

Я постарался приблизиться к нему, но он и сам наклонился ко мне, чтобы услышать ответ. Вместо ответа я изо всех сил плюнул ему в лицо. Он отпрянул. Удара, впрочем, не последовало. Гольдман умылся, вытер лицо полотенцем. Затем подошел ко мне и сказал отдельно:

— Ты будешь сидеть, пока не посинеешь, собака.

Меня сволокли в карцер. Пробыв там десять дней, я потерял и те остатки сил, что еще были у меня. Я действительно мертвенно посинел, ноги меня не держали совсем. Я ползал по полу, словно червь. Оправдался вопрос майора Цветкова: "Еще ходишь?" Теперь я не ходил. Меня доставили в камеру и положили на нары. На меня глядели, как на чучело, но и сами мои сокамерники были немногим краше. Голод и холод свое дело сделали. К происходящему вокруг все стали безразличны. Целыми днями люди находились в какой-то загроб-

ной дреме. В камере царила тишина, изредка прерываемая тихими стонами и вздохами. Ждали смерти. Не сегодня? Ну что ж, значит, завтра. Через неделю? Хорошо...

Иногда я не выдерживал. Слабым прозрачным голосом принимался орать на других, требовал, чтобы хоть поговорили между собой, что ли. "Подождем, если спать вот так будем!" На меня жутко шипели или слезно умоляли помолчать, не будить, не отвлекать. Через несколько дней я "добился своего": один из нас, прозванный за свою душевность "Золотым" — Леха Золотой — начал разговаривать. Сам с собою. О чем он говорит — мы понять не могли.

В феврале 1953 года нам сообщили, что вскоре прибывает комиссия — с Колымы через Магадан.

Начальником нашей тюрьмы был бакинец Гуссейнов. Для нас-то он был вполне хорош, но в своей среде авторитетом никаким не пользовался. Всем заправляла охрана, а сказать ей ничего нельзя было. Начальство не решалось портить с ней отношения: ведь все про всех все знали, так что хлопот не оберешься. Вот охрана и творила, что в голову взбредет. Лишь однажды один из младших офицеров был разжалован в старшины за самоуправство. Он был из Армении, но так я и не узнал — из каких мест... Попадись он мне — я бы его прикончил. Несколько раз я сам слышал, как Гуссейнов "жарит" его (разговаривали они на азербайджанском, так что я понимал их отлично).

— Слушай, что ты от них хочешь? Зачем над заключенными напрасно измываешься?

— Эй, начальник, — отвечал тот с диким смехом. — Ты сам знаешь — людоеды мы! Я спать не могу, если на сон грядущий зэка не изобью. Привычка.

Он колотил заключенных каблуками, всяческими дубинками до полусмерти. Только не руками. Руки у него были слишком чувствительны, он не мог вынести даже малейшей боли, когда его кулаки соприкасались с нашими косточками...

Дверь камеры распахнулась. Вошел надзиратель.

Дал команду "встать"! Все поднялись, а я не смог. Да и не хотелось. К дверям подошли подполковник, несколько других офицеров и наш Гуссейнов.

— Жалобы есть? — вопрос был задан как будто запросто, но с жестокостью. Все наперебой начали кричать, что, мол, прямо с этапа их сюда загнали. Сидим, а за что — не знаем.

— Хорошо, разберся, — сказал стоящий у стены высоченный подполковник с крючковатым носом, вроде хищной птицы.

Я лежал, не вникая в происходящее. Вдруг раздался вопрос, обращенный ко мне.

— Почему не встал как все?!

— Это и есть Абрамов, — сказал начальник тюрьмы.

— Нельзя ли узнать, кто вы такой и как ваша фамилия? — обратился я к крюконосому.

— Подполковник Мусатов!!

Мусатов служил не то начальником режима, не то заместителем начальника режима управления Северных лагерей. Был он осетином из Орджоникидзе.

— Вы, видать, очень и очень хищный зверь, — сказал я, не думая уже ни о чем, — ишь, какой носище!.. Падлоедина, тебе немного осталось — нечем тебе у меня полакомиться после этих шакалов, что стоят у тебя!

— В твоих жилах играет кавказская кровь?

— Не только кавказская, но и кровь древних евреев!

Мусатов оглядел меня с презрением. Но сдержался.

— Да, Абрамов... Ты и так наказан беспредельно, но все еще треплешься своим языком. Лучше бы молчал, может и улучшил бы свое положение.

— Прошу не пугать! Закройте двери с той стороны! Мотайте отсюда и ждите Божьей кары в ближайшем будущем, как ваши предшественники ее дождались!

— Не зря тебя, Абрамов, довели до такого состояния. Жаль, что мои предшественники твой язык не вырвали, раз ты их историю знаешь...

— Да кто вашей истории не знает! Как вы после революции жрали друг друга за чины и портфели, самоеды проклятые...

— Гурбан улум сане донишма чех (чтоб я умер для тебя, не разговаривай много...) — умоляющим тоном негромко проговорил Гуссейнов, стараясь успокоить меня.

— Мы с тобой, Абрамов, еще поговорим! — сказал крюконосый.

Комиссия удалилась...

Многие в нашей тюрьме сходили с ума, слепли. Обезумевших увозили в г. Якутск. Там, на ул. Дзержинского 18, располагался сумасшедший дом. А рядом — в номере 16 — тюрьма. По своей глупости и я чуть было не попал туда, да вовремя опомнился, стал следить за собой, контролировать все свои действия.

5 марта 1953 года я как и всегда валялся на нарах...

Открылся волчок — и перед нами возник все тот же начтюремы Гуссейнов.

— Товарищи заключенные...

Со дня на день мы ждали, что в СССР случился государственный переворот: об этом поговаривали весь последний год. И вот, он произошел, раз начальник назвал нас товарищами...

— Граждане заключенные, — поправился начальник, — сегодня утром скончался великий вождь мирового пролетариата Иосиф Виссарионович Сталин.

Все повернулись ко мне. Я начал... смеяться. Сначала едва слышно, потом — все громче и громче. Меня всего трясло, остановиться я не мог. Я уж и день забыл, когда в последний раз улыбался, а тут со мной началось что-то вроде истерики.

Я не переставая смеялся три дня.

Начальнику тюрьмы доносили о моем странном

поведении. Время от времени он являлся в камеру: просил, чтобы я заткнулся.

— Ази, прошу тебя, прекрати!

Я твоего начальника, Сталина-людоеда маму ебал! Я его могилу ебал!

От Сталина и его могилы я перешел к самому Гуссейнову — принялся честить его почем зря...

— Ладно-ладно, Ази, спасибо, — отвечал он. — Только не смейся...

* * *

В камеру к нам посадили одного парня. Он назвался Мишей из Уфы, сказал, что вор-законник. Татарин. Бежал с Алдана, заблудился и попал в Верхоянск, где его и поймали.

Как-то раз я проснулся в полночь и увидел, что один из наших Сухарей по имени Коля сидит на краю нар, голову опустил, не спит.

— Ты что, Коля, не спишь?

— Да, так... Что-то не спится.

На следующую ночь я специально посмотрел на его нары. Коля опять сидел. Так продолжалось несколько ночей подряд.

К этому времени нас начали выходить на прогулку — минут на пятнадцать (сразу же после смерти Сталина порядки чуть-чуть помягчели). Во время прогулки я настойчиво стал выпрашивать Колю, почему он все-таки не спит по ночам. Нам удалось поговорить без свидетелей. Коля признался, что Миша татарин ночами не дает ему спать... Умьшленно толкает, колотит в живот, пикает в бока. Мы договорились, что сегодняшней ночью Коля громко скажет Мише: "Татарин, прекрати!", а уж мы его проучим. Так и случилось. Ночью, среди храпа заключенных, раздались эти слова. Ответа не последовало, но татарин продолжал свои жестокие шутки, покуда Коля не встал и не уселся на краю нар. Я заранее договорился с Колей Хохлом, что он поддержит меня в случае чего... Я также встал,

1
подошел к Коле, стал ему что-то рассказывать. Так мы провели ночь до утра.

Наутро я обратился к татарину:

— Миша, можно мне у тебя кое-что спросить?

— Пожалуйста, я тебя слушаю, — с явной издевкой ответил он.

— Миша, мы все здесь на равных. Почему ты не даешь спать Коле?

— Не твое дело, — прервал он меня. — Пусть говорит сам за себя.

— Нет, я буду говорить за него.

— Я и тебя заставлю, чтобы ты выпулился, стерва!

Он неожиданно ударил меня рукой с верхних нар. Удар пришелся в переносицу. Я отлетел и врезался затылком в дверной косяк. Последовал второй удар. Я почувствовал, что "плыву", теряю сознание. Усилием воли я преодолел дурноту. Ненависть придала мне силы. Я схватил крышку от параша и бросился на татарина. Не помню уж, куда я ему попал... Крышка сломалась. Я схватил вторую — от бочки с водой, но почувствовал, что силы покидают меня. Инстинктивно я продолал наносить удары, совсем-совсем слабые.

Надзиратели ворвались в камеру. Нас вывели на прогулку. Я задыхался, и товарищи под руку вывели меня на двор. Татарин уже был там. Прогулка была общей для двух камер. Увидев меня, несколько человек подошли ко мне. Я рассказал, обращаясь к одному из них, что у нас произошло.

— Что ж вы его на полотенце не затянули? — громко спросил мой товарищ, так, чтобы татарин слышал.

— А вот сейчас прогулка кончится... Зайдем в камеру, я с него живого не слезу. — Я также говорил повышенным тоном, чтобы проверить татарина. Будь он вором-законником, то он должен был подойти к нам открыто и сказать: "Только троньте, собаки!" Но все получилось иначе. Татарин, услышав угрозы, подошел к надзирателю, что-то

сказал ему, и его увели.

Лишь потом мы узнали, что этот тип специально был подослан к нам в камеру Мусатовым. Причем, специально для меня. Избить, искалечить, а лучше и убить совсем. Видно не забыл Мусатов наш разговор, и не хотелось ему уходить "сухим". А самостоятельно, своими руками, убить меня — вроде неудобно: большой начальник...

Не прошло и двух недель со смерти Сталина, лучшего друга каторжников, как нам было приказано собираться с вещами... Куда, зачем? Ничего не известно. Видно было, что начальство находится в недоумении и замешательстве. Что говорить! Не помри Сталин, никто бы из нас живым не вышел.

Нас пригнали в расположенный неподалеку лагерь. Большинство немедленно были отправлены в больницу.

Дикая история произошла с нашими письмами. Все то время, что мы сидели в крытке, почта к нам не поступала. Был там у нас один надзиратель по фамилии Гречко, мерзавец и циник. Каждый раз во время своего дежурства он открывал волчок и подначивал заключенных: вот у того, мол, семья такая, у того — вот такая, происходит у вас дома то-то и то-то. Мы не могли понять, чего ему надо. Думали, что просто дразнит, провоцирует...

Однажды он открыл волчок и обратился ко мне:

— Глядите-ка, у Абрамова нашего семья такая благородная, а он такой выкрест... — и захихикал.

— Эй, Гречко, знаешь что? Ты, конечно, парень хороший, я тебя понял. Если есть у тебя чего для нас — так отдай, а нет — иди к ебаной мамочке и не пой нам тут лазаря!

Вот так мы с ним поговорили...

А позже узнали, что этот садист в течение нескольких месяцев получал наши письма, читал — и уничтожал. Как-то я решил зайти к лагерному почтальону, так как давно ждал весточки из дому. А почтальон рассказал, что письма ко мне приходили

почти каждый месяц, некоторые даже с фотокарточками, и он все отдавал надзирателю Гречко.

Сил у меня все еще было мало. Я числился за больницей, но все же решил отправиться на поиски Гречко. Пошел на вахту к дежурному.

— Где Гречко?

— В отпуску.

С вахты я решил зайти в контору, где бывало лагерное начальство. Пошел по коридору, заглядывая в кабинеты. Один из начальства остановил меня и спросил, что мне надо.

— Одного ищу, что у вас работал. Гольдман его фамилия.

— А зачем он тебе?

— Вопрос один хочу разрешить. Остался между нами такой — нерешенный...

— А что за вопрос, если не секрет?

— Я докажу этому типу, что я еврей. Он меня в тюрьме за это держал, думал, что я смеюсь над ним. А я — еврей и горжусь этим, а Гольдману я хотел бы еще разок в морду плюнуть, как уже было в его кабинете!

— Так ты плевал ему в лицо?!

— Нет, не в лицо, я ему харкнул в его проклятую морду! Он после встал, вымылся, вытерся и приказал держать меня в тюрьме до посинения.

Мой рассказ слушало несколько человек. Они переглянулись.

— Ну, так где же он все-таки?

— В отпуску!

— Жаль...

Наступила неловкая пауза.

— Еще можно вопрос?

— Можно. Да ты садись, Абрамов, спрашивай, что тебя интересует, — сказал один из офицеров.

— Скажите, пожалуйста, где начальник первого отдела майор Цветков?

— А зачем он тебе, Абрамов? — поинтересовался все тот же офицер.

— Зачем? Видите меня? Мне двадцать пять!

Самый сок моей молодости!

Я хотел узнать у этого Цветкова, за что он хотел меня в шестнадцать килограмм превратить, чтобы я на карачках ползал... За что?!

Они вновь переглянулись.

— Ничего, Абрамов, поправишься еще...

— Да вы мне просто скажите, где он сейчас?!

— И он в отпуску, — со смешком проговорил офицер.

Тут-то я сообразил, что все эти офицеры были новичками на службе, а прежнее начальство куда-то исчезло. Поняв, что большего не добьюсь, я встал, вежливо поблагодарил и удалился.

Я пробыл в больнице еще несколько недель. Воскрес из мертвых.

После выздоровления меня назначили в бригаду механизаторов к политзаключенным. Я работал с ними и жил в одном бараке. Среда эта была совсем иной. Люди после работы писали, читали, а кто и стихи сочинял. Другие рассказывали товарищам о каких-то своих открытиях. Начинались всякие разговоры, дискуссии. Высчитывали какие-то формулы, спорили, но по-научному. Или начиналась борьба за шахматной доской. Играют, разумеется, двое, но над головами у них стоит множество любителей. После партии обсуждали ошибки каждого игрока.

Они особо не доверяли уголовникам, то есть ворам-законникам, но я ужился с ними, даже завел друзей. Работал хорошо, прислушивался к их спорам. Они это замечали и удивлялись, как это я так себя веду. Они-то полагали, что я и трех дней не продержусь... Постепенно они привыкли ко мне, перестали дичиться. Я узнал, что большинство из них служили у генерала Власова, попали в плен. Было там много высших офицеров, были и люди с научными званиями.

Однажды утром я стал свидетелем интересного зрелища. Перед выходом на работу к нам в барак зашел кто-то мне незнакомый. Он сказал что-то

по-немецки, и многие встали. Затем он подошел к каждому поочередно и прощался с ним за руку. Затем, обрадаясь ко всем, сказал: "Меня увозят. Куда - не знаю..." Когда он ушел, я спросил, кто он. Мне рассказали, что этот человек был высокопоставленным немецким офицером, был в связи с генералом Власовым.

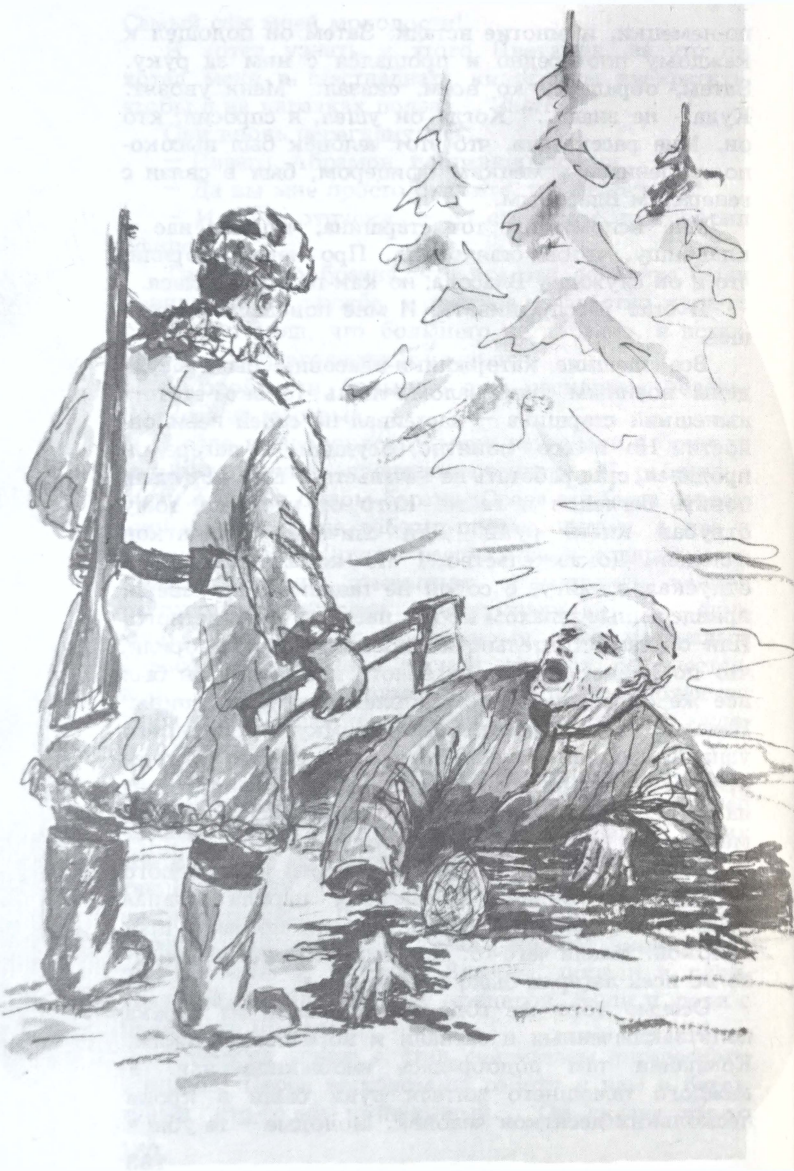
Мне вспомнился тот старшина, что вез нас к кладбищу, чтобы ошеломить. Про него говорили, что и он служил у Власова, но как-то оправдался.

Я стал расспрашивать. И мне поведали следующее.

Все здешние каторжники-власовцы были осуждены военным трибуналом, лишь только этот — нынешний старшина — настаивал на своей невинности. Но и его, понятно, осудили. В лагере он продался, стал работать на начальство. Ему поручали ловить беглецов в тайге. Кого он настигал, тому отрубал кисть руки. Для сличения отпечатков пальцев. Доказательство... Но покалеченного он отпускал в тайгу, с собой не тащил. Дикие звери, привлеченные запахом крови, настигали несчастного. Или он самостоятельно истекал кровью. Говорили, что по представлению лагерного начальства он был все же оправдан и восстановлен в чине старшины. Недавно его откомандировали в Якутск. Воры его узнали, словили — утопили в реке. Но это — то ли правда, то ли нет. Возможно, сидит этот старшина на персональной дачке под Москвой, и пишет мемуары о суровых военных годах.

Вскоре дождались мы и смерти еще одного людоеда — Берии. В лагерях царила полная наразбериха. Каждый барак обнесли колючей проволокой. Ждали чего-то. Но абсолютно все начальство во всех лагерях было сменено...

Осенью того же года меня вывели из барака политзаключенных и загнали к ворам-законникам. Компания там подобралась необыкновенная. У каждого тамошнего жителя руки были в крови нескольких десятков человек. Молодые — те убили

не больше пяти-шести человек. Но и среди них попадались такие, что перевалили за десять душ...

Со мною на нарах спал вор-законник Коля Курнос. Он охотился за суками.

Это было его единственной целью. Он раскалывал их, выслеживал. Вел настоящую охоту за каждым, кто по его мнению был — или мог быть — сукой. Настигнув, он убивал их огромной чуркой-дубиной.

Друзья рассказывали мне, как однажды Коле сообщили, что появилась сука. Он поймал его. Занес над его головой свою дубинку смерти... Этот человек был его старинный друг, лучший товарищ. Но для Курноса в слове "сука" и был весь приговор, который обжалованию не подлежит. Друг, брат — все едино.

Обреченный стал умолять его:

— Коля, возьми мой нож, зарежь меня...

Он не успел договорить. С одного удара голова его раскололась.

Коля Курнос по-настоящему страдал, если ему не удавалось найти суку: ему казалось, что вот, где-то здесь, рядом, притаился его враг, прячется, выжидает...

Словом, кончились мои краткосрочные научные курсы и университеты в бараке политзаключенных. Рядом был теперь Коля Курнос.

Как-то я шутя сказал этому чудовищу:

— Эй, Коля, пойдём сук мочить!

Словно дикий зверь, он кубарем скатился с нар.

— Где?! Пойдем! Скорее!!!

Обыкновенный вор-карманник. Но в лагере он превратился в настоящего людоеда. Это не преувеличение...

Должен сказать, что по воровскому закону иметь в кармане нож не полагается. Как-то одному вору из Днепропетровска Зямке Усу предложили на всякий случай положить в карман нож. Он отказался. И мотивировал это тем, что за всю свою воровскую жизнь никогда ножом не носил. "Я не палач, не убийца, — говорил он. — Кроме лопатника

(кошелька) ничего носить с собой не собираюсь”

Собрали сходку, где его чуть было самого не убили. Заступились за него воры, которые хорошо знали его, в том числе и я. Зямка Ус так прямо и заявил на сходке: ”Можете меня убить, но я убивать не хочу и не могу. Это не моя профессия!”

Вором он был великолепным и крайне дерзким, смелым и отчаянным человеком. Про него рассказывали потрясающую историю:

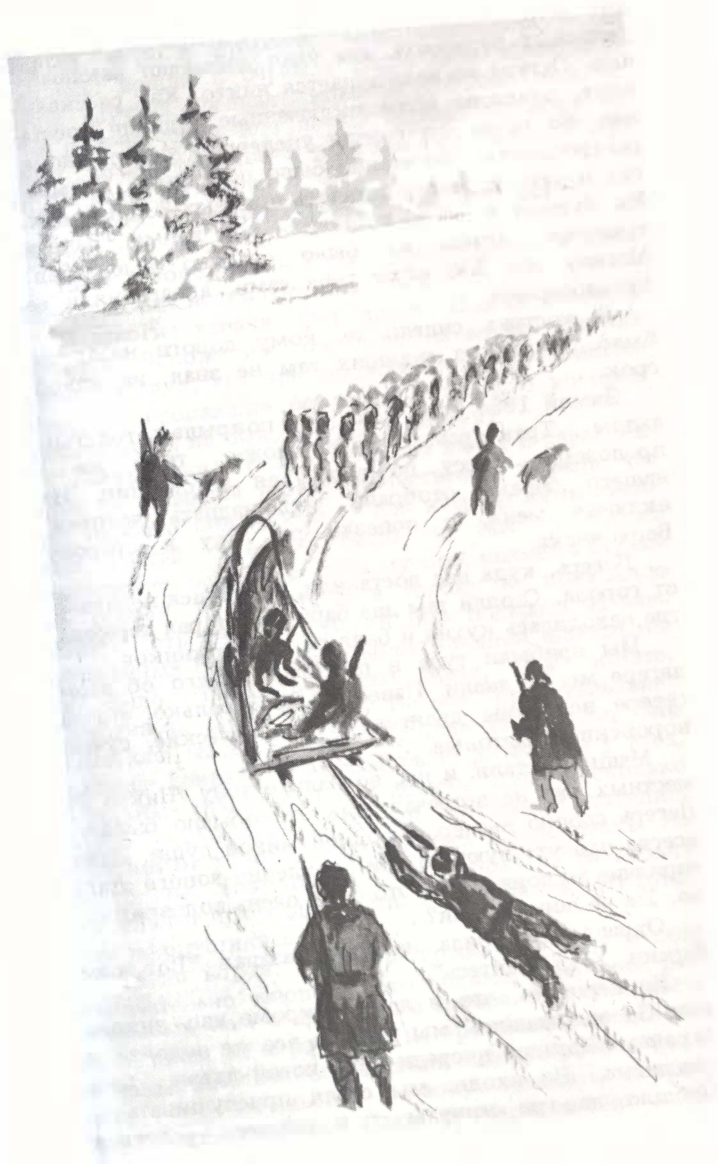
В 1937 году в лагерь на Урале, где сидел Ус, прибыла комиссия из Москвы. Из членов этой комиссии Ус с товарищами... похитили одного офицера. Раздели его, связали, заткнули рот кляпом. Ус переоделся в офицерскую форму — и прямо через вахту ушел из зоны... Офицера обнаружили только утром, когда Зямка был уже далеко. Но на убийство он не шел.

Встретил я одного моего старого знакомого, Сашу по кличке ”Собака”. От него я узнал интересную историю. Он рассказал мне, что в 1946 году по указу Берии была создана специальная группа ссучившихся бывших воров-рецидивистов. В памяти моей сохранились имена их главарей: Вася Пивоваров, Иван Упоров, Сольдат, Кантанис, чечен Ваха. Они получили в свое распоряжение стольпинский вагон, в котором переезжали из лагеря в лагерь и только Бог знает, что они там творили. Убийств и историй было непременность. О бесчинствах этой ”бригады” рассказывали ужасы.

Когда Круглову, тогдашнему замминистру внутренних дел, крестному отцу этой ”бригады”, доложили о том, что они явно перегнули палку, он убрал их с глаз подальше в бухту Ванина.

О количестве искалеченных и убитых этой бригадой людей можно только гадать, но через их страшное сито прошли десятки тысяч заключенных.

Наш лагерь находился в восьмидесяти километрах от Верхоянска, в поселке Эгейхая. По словам старых лагерников, примерно в шестидесяти километрах от Эгейхая есть поселок Костры. В радиусе полусотни километров от Костров воздух смерте-

лен. Ибо именно там находятся открытые карьеры урановых рудников, где уран добывают заключенные. Оттуда не возвращается никто. Как рассказывают, однажды политзаключенные подняли восстание. Во главе его стояли уцелевшие революционеры-троцкисты. Восстание было подавлено. Из многих и многих тысяч осталось в живых 236 человек. Их вывели в зону, поставили под холмы. Завели трактора, чтобы не было слышно выстрелов. Могилу эти 236 рыли себе сами, а заравняли ее бульдозерами.

В кострах сидели те, кому дороги назад не было. Никто из сидящих там не знал, на какой срок...

Зимой 1954 года река Яна покрылась толстым льдом. Тракторами (быть может, теми же...) проложили трассу по льду для автомашин. Из нашего барака отобрали четырнадцать человек, включая меня, и повезли по льду в сторону Верхоянска.

Лагерь, куда нас доставили, находился недалеко от города. Стояли там два барака и старая церковь, где находилась кухня и баня для каторжников.

Мы прибыли туда в полночь. Ничего об этом лагере мы не знали. Известно было только, что на севере все зоны делятся на политические, сучьи, воровские и бытовые.

Машины стали, и нас вогнали в зону. Никто из местных нас не встречал, как это обычно бывает. Лагерь словно вымер, ни одной живой души. Даже всегда присутствующий при появлении нового этапа нарядчик не появлялся. Это было очень подозрительно. Уж не ловушка ли?..

Охрана выстроила нас и сказала: "Вот вам бараки. Устраивайтесь".

Не верилось, что в лагере, кроме нас, никого нет. Посоветовавшись, мы решили все же подойти к баракам. Идущий впереди пнул ногой двери... Они поддались. Не входя, мы стали прислушиваться. Прошло две-три минуты — и наконец, раздался

глухой крик: "Какая падла дверь открыла?!" Мы отошли чуть в сторону. Еще подождали — и сошлись: вошли в барак... Была дана обычная в таких случаях грозная "команда": "Всем лежать! Кто в зоне, суки или воры?" Ответ раздался не сразу. Вспыхнула свеча, и отозвались басом: "Ну, что?" Барак проснулся.

— Пусть подойдет кто-нибудь из воров, — предложили мы.

Двое с топорами в руках приблизились к нам. Зажглось еще несколько коптилок...

И многие узнали друг друга. Пошли объятия, поцелуи. Вскоре вся зона была на ногах, так как разнесся слух, что прибыл этап воров-законников. Нашлись пропавшие без вести друзья, о которых многие годы не было ни слуху ни духу.

Лагерь был страшен. Еще при входе в барак мы едва не попадали наземь. Естественно, думали, что это нарочно подстроено — для встречи нежелательных гостей. Но это было не так: у порога накопились огромные кучи мусора, какие-то огрызки бревен, и никому и в голову не приходило убрать хоть немного. Барак был построен из едва обтесанных бревен. На стыках никакой шпаклевки не было, так что стены были, как решето. Сквозняки, холод адский. Но это "проветривание" помогало мало: в бараке стояла такая вонь, что дыхание спирало. Матрасы были далеко не у всех, остальные спали на голых досках. Лишь несколько воров укрывались одеялами, остальные пытались спастись от холода, завернувшись в телогрейки. Но никто не возмущался, не старался раздобыть постельные принадлежности. Вели себя, как мужики, совсем опустились...

Те из воров, что были поживее и не утратили окончательно человеческого облика, принялись рассказывать нам о ситуации в лагере. Кроме охраны на вышках за воротами в лагере никого не бывает: никаких начальников, никаких надзирателей. Объяснили, что начальство в зону заходить боится. Кормежка ужасная. Света в бараках нет и не

придвигается. Ни стола, ни стульев... Лагерь прокаженных!

Мы в один голос принялись ругать обитателей лагеря: "Вы ж сами виноваты, что с вами так обращаются! Хоть бы чистоту навели, ведь от этого зависит ваша жизнь и здоровье! А начальство видит ваше безразличие к самим себе, и тоже относится к вам соответственно".

Всю ночь мы не сомкнули глаз. Утром мы увидели, что происходит... Зрелище было не из приятных.

Мы, четырнадцать, не отходили друг от друга. Решили попытаться перестроить жизнь в лагере. На работу мы не вышли. Всей группой отправились на кухню. Открыли крышку котла, посмотрели внутрь. К нам тут же подвалил повар со свиной рожей.

— Вам нельзя сюда! Прошу всех удалиться!

— Ты, хохлацкая твоя рожа, видел когда-нибудь, как повар варится в собственном котле? — негромко спросили у него. — Ты лучше скажи: все в котел бросил или кое-что припрятал?

Свиномордый немного смутился. Он все понял — и начал, заикаясь, оправдываться. Мы решили пока не трогать его и покинули кухню, предупредив его строго: если что будет не так, то нам его сальной туши хватит на один-два сытых обеда.

Ночь прошла без всяких приключений. Мы по очереди дежурили, как бы чего не вышло...

Утром после завтрака несколько наших пошли на вахту и предупредили дежурного: если начальник не придет с нами говорить — на работу никто не выйдет. В ответ последовал приказ:

— Всем построиться для выхода на работу! Начальника нет!

Мы отказались.

Поднялся вопль, что если, мол, сейчас же не выйдем на работу, нас расстреляют. Для отстрастки дали несколько очередей в воздух. Напоминаю, что охранники и надзиратели находились по ту сторону колючей проволоки. Глядели они на нас, словно

волки в предчувствии добычи.

Дежурный обратился к нам с "речью":

— Вы что, поганцы, для нас законы новые выдумывать будете?! Мы не таких ломали, а вас — подавно! Приказываю построиться и выйти на работу!!

Автоматы они держали наизготовку.

— Если хоть одного убьете — будет горе. Лучше по-хорошему зовите начальника.

Предупредив, мы — без лишних слов — повернулись и пошли к баракам. В зону они зайти не решились.

Часов в десять-одиннадцать раздался крик:

— Выходите, начальник пришел!

Из барака мы выслали одного каторжника, который знал начальника в лицо. Вскоре он вернулся.

— Пришел Лиллипут (так в лагере прозвали начальника).

Маленький человечек с глазами расвирипевшего шакала. Он буквально дрожал всем своим хилым тельцем от ненависти. Еще бы! Нарушили его покой, и кто?! Каторжники!

К вахте пошли все, но разговаривать с ним должны были несколько человек от имени всех заключенных. Мы еще не успели приблизиться к нему, как он завизжал:

— Собирайтесь, бляди, на работу и никаких требований мне не предъявляйте!!! Иначе всех расстреляем за бунт! Или вас давно не расстреливали?!

Он кончил свои слова и хотел было уйти. Мы не перебивали его. Но только он замолк, прекратил свою истерику, думая, что с налету испугал нас, раздалось наше слово.

— Гражданин начальник, надо нам с вами один вопрос решить. Потому мы вас и пригласили. Но если вы все же решите уйти, не выслушав нас, то мы уйдем в барак, и на работу не выйдем. Пугать нас не стоит. Мы не из пугливых. Хотя одного

убьете — разнесем всю зону. А вас всех разорвем на клочки. И не только вас, но ваших детей и жен. Найдем — разорвем.

Начальник обалдел. Вновь начал истерически вопить, но мы уже уходили в бараки...

Не прошло и получаса, как нас опять вызвал из барака один из надзирателей.

— По хорошему все выходите на работу, а то плохо будет!

Мы хором послали его куда подальше, сказали, что разговаривать будем только с начальником — и опять вернулись в барак.

х х х

Собрались на обед. Выяснилось, что начальство решило взять нас измором: воду в лагерь не завезли. Мы поели всухомятку, что у кого нашлось.

Ко мне подошел молодой парень. Внешность его говорила о кавказском происхождении.

— А я тебя знаю, земляк! — сказал он.

— Какое это имеет значение? Мы все друг друга знаем...

— Да нет... Я и имя твое знаю, и братьев твоих знаю.

— Ну, это не секрет, — и я назвал свое имя, вернее то имя, под которым меня знали в лагере.

— Тебя зовут Ерухам!

Это было для меня неожиданным.

— Откуда ты и как твое имя? — спросил я его.

— Я из Махачкалы, кумык. Зовут меня Абдурахман Ибрагимов.

Я отвел его в сторону.

— Запомни, земляк, как меня здесь, в лагере зовут, а мое настоящее имя пока что позабудь. Для

тебя же лучше будет.

Он согласился.

— А теперь скажи мне, Ибрагимов, как вы тут продукты достаете? И как нам можно организовать малость продуктов за деньги или за барахло?

Ибрагимов призадумался.

— Я для тебя могу достать, — наконец сказал он, — но...

Я дал ему слово, что никто, кроме нас, об этом никогда не узнает. Объяснил, почему нам так нужны продукты, и поскорее.

— Среди нас есть больные, истощенные. На здешней пайке их не поправишь. Надо их подкормить, чтобы не померли. Так что ты уж помоги нам, будь другом...

— Хорошо, я попробую. — С этими словами Ибрагимов ушел.

Вернулся он через час.

— Слушай, хорошая гимнастерка у вас найдется?

Мы мигом направились в наш барак. Я вывалил содержимое моего мешка прямо на пол.

— Выбирай.

Он, не долго думая, поднял новехонькую гимнастерку.

— Вот это подойдет!

Я, конечно, спорить не стал. Ибрагимов обещал принести мне полनावолочки муки, две банки мясных консервов, килограмма два сухофруктов и с полкило жиру. Для нас все это было настоящей находкой. Особенно важно нам было поддержать нашего друга Леху Страпилу, немца из Питера. Он был болен туберкулезом, и мы очень беспокоились о нем.

Вскоре вернулся Ибрагимов. Он честно принес все, о чем мы с ним договорились. Давно невиданная мною настоящая еда, особенно сухофрукты — это был настоящий урюк! — заставили меня спросить:

— Откуда это?!

Он покраснел. Возмущенным тоном ответил:

— А не все ли равно?! Ты ведь обещал, что спрашивать не станешь.

— Конечно, спасибо тебе! Я просто хочу знать, чтобы больше тебя не беспокоить, а самому заниматься всем этим. Я надеюсь, ты меня понял, и познакомишь меня с тем, у кого все это имеется.

Мне, конечно, не стоило расспрашивать его, а поблагодарить за услугу, но человеческое любопытство — дело серьезное...

Ибрагимов отвечать не хотел. Но я упорно и вежливо уговаривал его, убеждал. Дал слово, что если он не желает сводить меня с этим человеком, то я ни при каких обстоятельствах не упомяну, что Ибрагимов хоть что-либо сказал мне о нем.

— Я все это наменял у нашего повара, — обиженным голосом сказал Ибрагимов и ушел.

Когда Леха увидел продукты, он, словно маленький ребенок, набросился на них и умоляющим голосом обратился к нам:

— Ребятки, оставьте все это мне!.. Иначе умру я, умру!!!

Дико и обидно нам было слушать его, но все сдержались, хорошо понимая, что с ним происходит.

— Да-да, Леха, все тебе, все твое. Ешь, и ни о чем не беспокойся. Мы и еще достанем, ты только поправляйся, — а он, несчастный, радостно кивал головой и полубезумными глазами заглядывал нам в лица...

Страшная штука смерть...

Он чувствовал, что долго не протянет. Мы ухаживали за ним, как могли, не надеясь спасти. Чудом нам все же удалось поднять его, и на свободу он ушел здоровым... Долго писал нам письма в лагерь, и мы, разумеется, отвечали ему.

На следующее утро раздался надзирательский вопль с вахты:

— Всем на работу!

Мы в очередной раз ответили свое. Прошел час. Опять крик: "Начальник пришел, хочет с вами говорить!"

Всей зоной мы вышли к вахте. Разговаривали с ним несколько человек. Начальник ненавистно глядел на нас.

— Ну! Говорите, что вы хотите, идиоты!

Мы не слишком обратили внимание на его "вежливость".

— Хотим от вас: четыре кирки, восемь лопат, списанные бушлаты или телогрейки. Уберем зону, стены законопатим. На кухню чтобы привезли два чана воды: нужна нам горячая вода, полы помыть и нары. Кабеля электрического дайте, чтобы свет в бараки провести.

Теперь так: дни, что мы не работали, мы вам вернем, когда хотите. Даем слово. Вот и все.

— А пистолеты и автоматы вам не нужны? — издевательски спросил начальник.

— Пока нам, начальник, этого не нужно. А в дальнейшем — вполне может понадобиться.

Разговор шел прямой.

— Все, что вы нам дадите, вернем обратно. А если не вернем — можете в нас стрелять... Вот это наше мужское слово. Жить, как свиньи, мы не хотим, да и вам, начальник, должно быть приятно, если в зоне чистота и порядок. Тогда и вы, и ваши надзиратели сможете к нам в бараки заходить.

Лиллипут смотрел на нас злыми и коварными глазенками. Видно, что в его гнусной башке происходила непривычная работа: взвешивались все "за" и "против".

— Вот это и есть ваши ко мне требования?

— Да, начальник.

— Подождите, я через минут десять вам отвечу.

Начальник с несколькими офицерами ушли на вахту. Не прошло и четверти часа, как он вновь появился перед нами.

— Абрамов, ты и твой приятель получите под расписку кирки и лопаты. Остальное получите так...

Через полчаса нам доставили все необходимое, и работа закипела. За двое суток мы произвели в лагере генеральную уборку. Проверили каждый

угол, все вычистили, словом, навели порядок. Провели свет в каждый барак: пришлось по две лампочки.

Проделав все намеченное, мы вернули кирки и лопаты. В этой горячке мы решили еще малость надавить на начальника, чтобы все получили постельные принадлежности. Возможно, думали мы, ничего не выйдет, но попытка — не пытка.

— Ну, Абрамов, все сделали? — спросил начальник.

- Точно.

— Вот теперь чтобы завтра утром все были на работе, — начальник повернулся, чтобы уйти.

— Гражданин начальник!

— Ну, что еще? — повернулся он.

— Гражданин начальник, то, о чем я вас попрошу, и вам на пользу...

— Чего еще! — начал было кричать он.

— Выдайте, пожалуйста, постельные принадлежности тем, у кого их нет... Да еще одежду. А то они ночью так замерзают, что днем работать не могут.

— Что?! — завопил лиллипут. — Да они все свое в карты проиграли! Не только постель, но и все шмотки!

— Мы даем вам слово, что больше на казенное никто играть не будет. Договоримся... А если такой кто найдется, мы уж его сами... накажем.

Начальник заколебался.

Мы, не теряясь, предложили ему все старое списать.

Он усмехнулся.

— Ты, Абрамов, как еврей на базаре торгуешься. Сперва кирки и лопаты, потом одеяла и матрацы, а теперь — сотни тысяч рублей списать... Такого заключенного я еще не встречал. Ты настоящий еврей.

Послали за лагерным бухгалтером.

— Как ты думаешь, — осведомился начальник, — сможем мы все это списать?

— Попробуем.

Бухгалтер явно был согласен. Возможно, у него на этот счет были и свои личные соображения...

Было дано распоряжение: всем, у кого есть недостача, выдать постели и одежду. В тот же день мы с бухгалтером обошли лагерь, проверили всех на месте. А утром выдали или дополнили причитающееся.

На третий день "переворота" меня, Юрку Корыто — огромного, геркулесовского сложения, парня — и еще двоих вызвали к начальнику.

— Вот вам списки людей по бригадам. Вы будете бригадирами. Люди, занесенные в списки, распределены по вашим бригадам. Работайте и живите, за все ответите собственной головой!

Мы согласились. Лишь попросили начальника, чтобы надзиратели заходили в зону. Это было необходимо: только через надзирателей можно было раздобыть курево, водку и многое другое.

— Поживем — увидим, — ответил начальник на нашу просьбу.

Для начала и такого ответа было вполне достаточно. Мы поблагодарили начальника за доверие и направились в бараки.

Проходя мимо столовой, мы увидели нашего повара. На нем красовалась моя гимнастерка. Мне очень не хотелось пройти, не задев его...

— Юра, — обратился я к Корыгу, — вот, оказывается, с кем поменялся мой земляк!

Мы подошли ближе.

— Ты как красный купец одет! На гулянку собрался, что ли? Где ж это ты такую красивую гимнастерочку отхватил, а?

— Старушка-мать в посылке прислала, — заикаясь, ответил повар.

— Видно ты в своей Хохландии живал неплохо...

На этот раз мы решили его не трогать, а узнать поточнее, как он ухитряется добывать продукты. Через два дня мы выяснили через кухонных придурков, что 60% продуктов в котел не попадает.

Повар обменивает их на барахло или продает.

Вчетвером мы пошли в баню, а одного послали за поваром: мол, срочно надо поговорить. Повар явился. Увидев нас, он понял, что дела его плохи. Хотел было вернуться, но у дверей стояли...

Мы сказали ему так:

— Быстро говори, где все, что ты наторговал и наменял за наши кровные продукты!

Он отнекивался, говорил, что ничего не знает, не ведает. Я напомнил ему о гимнастерке, перечислил все, что мы получили за нее. Он побледнел.

— Ну да... Вот только эту гимнастерку и поменял... Нету у меня ничего больше, поверьте!

Корыто схватил его. Закинул приготовленную загодя веревку ему на шею. Другим концом веревка была привязана к потолочной балке.

— Ну так что, падла, скажешь, где твое богатство?

— Нема у меня ничего, отпустите!

Корыто взялся за веревку и приподнял повара на несколько сантиметров над землей... Подержав его немного, отпустил.

— Сука, говори, где все спрятано?!

Повар принялся креститься и божиться, что денег у него никаких нет, вот только эта одна случайная гимнастерка...

Корыто вновь потянул веревку. На этот раз повар провисел чуть подольше и приподняли его чуть повыше...

— Так скажешь? Последний раз спрашиваем. Не ответишь — вздернем. Провисишь здесь до утра, а там похороним.

В ответ вновь послышались уверения в невинности.

Веревка закрипела. Повар обделался, из брючин потекла вонючая жижа, глаза жутко выпучились, остекленели...

Мы подумали, что он уже готов, и отпустили веревку. Но он был живехонек. Сразу заговорил, задыхаясь. Корыто ослабил веревку, чтобы можно

было разобрать слова.

— Ребята, не убивайте! Я скоро освободиться должен... Хотел чуть прибарахлиться и с деньжатами домой уехать... Прошу вас, у меня старуха-мать дома... Ждет меня... Все отдам, только не убивайте!

— Так где все? Мы тебя не тронем, а следовало бы тебя прикончить, ублюдок!

Тайник он оборудовал в туалете. Там обнаружилась консервная банка с 5000 рублей. А на кухне мы нашли множество барахла: костюмы, сорочки, свитера, туфли...

Одежду мы отдали тем, у кого не хватало теплых вещей, а оставшееся вернули повару. Деньги распределили по бригадам: на всех.

Повара сбросили, назначили другого, и каждый день назначали дежурного, чтобы он следил, все ли кладется в котел. Все это делалось по соглашению с начальником. Он не возражал, только предупредил, чтобы никаких убийств не было.

Посоветовавшись, мы решили отдать все деньги бухгалтеру в присутствии начальника и попросить, чтобы в лагерь привезли ящик махорки, ящик сливочного масла и половину свиной туши.

Начальник посмеялся и говорит:

— Полный переворот устроили в лагере!

— Это еще не все, начальник! Ты еще гордиться нами будешь!

Четыре дня мы не выходили на работу. Люди отдохнули, набрались сил. Мы решили поговорить с людьми, чтобы наутро все как один вышли на работу, только дневальных в бараке оставили.

И действительно, после завтрака на вахту собралась вся зона.

Бригада у меня состояла из отчаянных головорезов. Работали мы на лесоповале. Норма была 12 "кубиков" на человека в день. Я должен был принимать у каждого его выработку. Через несколько дней я обнаружил, что некоторые работают хорошо, и даже на отдых им времени хватает, а другие — так, лишь бы день прошел...

Одного такого "артиста" я, наверное, до смерти не забуду. Был он из Мордовии. Звали его Витя Фильчушкин. Как-то я иду проверять работу, а он сидит под деревом и песни поет.

— Фильчушкин, ты это почему не работаешь?

— Ази, знаешь, честно тебе скажу, этот лес мой отец не сажал, да и я его садить не хотел. А уж пилить его и вовсе не хочу.

— Да как же это?! Все работают, пилят, а ты что — лучше всех?

— Хороший лес, Ази, сам пилиться будет, сам штабелеваться, а я его пилить не буду...

— Ладно. Иди, у костра посиди, погрейся. И не болтай в бригаде лишнего.

(Напоминаю, что вор-законник не имеет права заставлять других).

Фильчушкин рад стараться. Сел у костра, руки вытянул, греется. В самом деле, работа очень трудная. На сорока пяти градусном (а бывало и шестьдесят!) морозе пилить и штабелевать было тяжело.

На другой день глядим — Фильчушкина на работе нет: в карцер посадили. Отработав день, мы пошли на ужин. Но я сначала отправился к вахте, попросил вызвать начальника.

— Чего еще, Абрамов?

— Ничего особенного, начальник. Есть одна маленькая просьба.

— Говори.

— Фильчушкина в карцер посадили?

— Ну?

— Отпустите его на мое попечение.

— Абрамов, этот человек неисправим! Он и до вас из карцера не вылезал.

— Я прошу вас. Он в моей бригаде. Вот мы его всей бригадой и исправим. А не исправится — мы его сами... посадим.

— Хорошо! Только с уговором: если он опять работать не будет, я его посажу, и никакие твои просьбы больше не помогут.

Начальник поторопился. Пять раз я выклянчивал у него Фильчушкина. А разговор с Фильчушкиным всегда был такой. Выходит он из карцера, смеется и говорит:

— Ты, Ази, за меня не беспокойся: я этот лес пилить не буду.

— Ладно. Ты пока что иди умойся, поужинай, поспи, а утром посмотрим...

Но в конце концов совесть его, можно сказать, убила. На это я и рассчитывал. Стал он рубить и пилить тот самый лес, который ни его отец, ни он сам не сажали... Да еще как стал! Гольй по пояс, на пятидесяти градусном морозе, он выдавал по две-три нормы. Люди за ним подбирать не могли, не поспевали. Да еще и на других покрикивал: "Сидите, жопы греете, а работать за вас дядя будет?!"

Так прошел месяц. Как-то я спросил у него:

— Витя, скажи честно, пожалуйста: что тебя заставило работать?

До этого уже многие задавали ему такой вопрос, но он не отвечал, отделялся шутками.

— Ази, честно сказать? Меня здесь били, колотили, в карцер сажали, и что только не делали! А я палец о палец не ударил. Но тут стало мне стыдно перед тобой. Ты пять раз ходил к начальнику, меня из карцера вытаскивал, унижался... Я назло не работал, чтобы ты отстал... Вижу — ты не отстаешь, пятый раз добиваешься, чтобы меня освободили. Вот тут-то я и дал себе слово, что буду работать. Но учти, мне это стоило больших усилий.

— Спасибо, Витя.

— Нет, это тебе, Ази, за все спасибо.

И мы стали с ним друзьями.

х х х

Однажды Фильчушкин заболел: как обычно; он работал без рубашки и, по-видимому, вспотел. Вечером у него начался сильный жар. Измерили ему

температуру, оказалось 39,2... Он весь горел. Тут же отвел его к лепиле (врачу). Лепила осмотрел его, но, вроде, возиться с ним не захотел. Он намазал ему живот... йодом, и все. Ни банок не поставил, ни горчишников.

Фильчушкин заорал:

— Я тебя, гад, упорю сейчас! У меня температура, а ты меня йодом мажешь!

Он бросился в свой барак, и вылетел оттуда с ножом... Я кое-как остановил его, забрал нож и велел лечь спать. Ребят предупредил, чтобы смотрели за ним, напоили горячим чаем и не давали выходить. Сам я направился к лепиле. Он встретил меня вежливо, сам подал стул.

— Что с нашим Фильчушкиным?

— Подождите немного, — сказал лепила, — я сейчас освобожусь.

Ему осталось принять несколько человек. Он вскоре закончил прием и вернулся ко мне. Надо сказать, что до сих пор я в этой зоне у врача не был.

— Давайте познакомимся, — лепила протянул мне руку. — Меня зовут Мухаммед Мухаммедович.

Не знаю, насколько это имя-отчество соответствовало действительному, но я также представился в ответ.

— Так вы пожаловали ко мне относительно больного заключенного Фильчушкина?

— Да. Вы ему пупок крест-накрест йодом смазали — и все. А у него высокая температура.

— Так надо для успешного лечения. Врач я, а не он.

— Точно. Врач, конечно, вы. Только не надо думать, что все идиоты. Я сейчас предотвратил убийство... А вы его, так сказать, автоматически, йодом мазнули...

— Представьте себе, я это сделал совершенно сознательно. Я так частенько поступаю, особенно, когда лечу русских...

— Вы меня слышали, доктор? Я сейчас не

допустил убийства! Он бы заколол вас, как кабана.

— Меня не так-то уж легко заколоть! — с этими словами лепила достал из-под белого халата два огромных ножа.

— Эх, дорогой доктор! Вы бы их и достать не успели б... Он бы в вас мгновенно вонзил шесть штырей. И вы бы эти штыри не переварили...

Он вдруг обнял меня, поблагодарил.

Так мы с ним подружились.

Родом Мухаммед Мухаммедович был из Уфы. Родился в богатой культурной башкирской семье. Еще до революции окончил Казанский университет. После его окончания практиковал, лечил людей. После революции все им нажитое было конфисковано, а он продолжал работать в той же клинике, которая теперь стала "государственной". В одну из зимних ночей 1937 года чекисты выволокли его из постели. Не предъявив никаких документов, ордеров, отвезли его в местную тюрьму-внутрянку. В этой тюрьме он просидел около года. Без всякого следствия, допросов. Просто сидел... Все его жалобы остались без ответа. После года заключения его вновь швырнули в "черный ворон", привезли на вокзал его родной Уфы, где он проработал много лет, сунули в "столыпин", и привезли в Иркутскую пересыльную тюрьму. Там он долго не задержался. Прошла неделя, и заключенных посадили в телячьи вагоны. Привезли на какую-то станцию... К сожалению, у меня исчезло из памяти ее название. Было это, во всяком случае, в Сибири. Заключенным предстояло перевалить Яблоновый хребет пешим этапом. Но не просто...

Эту историю я слышал несколько раз от самых разных людей. Она совпадала до мельчайших деталей.

Итак, 11000 заключенных со всех концов страны были выгружены из вагонов. Первое, что они увидели — была гора автомобильных покрышек, наваленная наподобие шахтного террикона. Каждому было приказано взять по покрышке и катить ее через горы в сторону Верхоянска...

Представьте себе эти одиннадцать тысяч человек, одиннадцать тысяч новеньких авомобильных покрышек, ледяные камни...

В этом этапе был и наш лепила.

Падающих убивали на месте, трупы не убирали — вокруг была пустыня. Дошло до Верхоянска 800 человек. После шести месяцев из этих восьмисот осталось в живых пятьдесят. Остальные погибли: кто умер от болезней и голода, кого расстреляли в тюрьме.

Так закончилась эта эпопея...

Только через несколько лет Мухаммед Мухамедович узнал, на какой срок он осужден: 10 лет. Когда в сорок седьмом его десятка подошла к концу, его вызвали и дали расписаться, что ему дали еще пять... Так повторилось еще раз, ведь был уже 1954 год. Муххамед Муххамедович числился "за Москвой", так как осужден был ОСО.

— А вы хоть пробовали выяснить, за что вас? — спросил я.

Лепила рассказал мне, что он шел по так называемому делу об "отравлении врачами великого пролетарского писателя Максима Горького".

— А я лично, — прибавил он, — никогда этого Горького и в глаза не видел. Смерть его была использована в качестве предлога для уничтожения честных и грамотных людей, которые могли бы прийти к власти, исправить последствия этой революции, которую совершили бараны-русские и какие-то нацмены...

Мы стали часто встречаться с Мухаммедом Мухаммедовичем.

В одну из встреч я спросил его о Фильчушкине, ведь тогда толком он не ответил мне, а меня это странное "йодолечение" очень заинтересовало. Да и Фильчушкин к этому времени поправился самостоятельно.

Лепила засмеялся и сказал, глядя на меня в упор:

— Упрямый ты парень, Ази. Я умышленно не

ответил на твой вопрос, но теперь уж слушай! Я органически не перевариваю русских... Мои предки еще при царе их терпеть не могли, а уж при советской власти и подавно. При царе у нас была своя земля, огромные стада лошадей и баранов. Мы платили дань царю, но он в нашу жизнь не вмешивался, и жили мы сносно. Пришли коммунисты и все отняли. Эти суки что хотят, то и делают с народным добром... Сколько смогу, столько и буду причинять русским зло!

— Так ты же врач! Для вас не должно быть ни друзей, ни врагов, ни русских, ни евреев, ни калмыков, ни украинцев!

Он посмотрел на меня с непередаваемой иронией, ехидно улыбнулся. Затем сказал, положив мне руку на плечо:

— Я, Ази, все это изучал еще в университете. Обязанности врача хорошо знаю и помню. Помню и врачебную клятву. Но коммунисты?! Они придерживаются хоть каких-нибудь правил или законов?! Нет! Народ нищий, вся Россия нищая...

Видно было, что своими словами я крепко задел его за живое. На глазах у него показались слезы. Я решил больше не тревожить его, оставить все подобные вопросы и расспросы. Да и то сказать, его судьба была не из легких: с 37-го по 54 год сидеть, не зная, не ведая — за что, почему... И каждые пять лет расписываться "в получении" очередного срока.

Час был поздний. Я распрощался с лепилой. Идя в барак, я обдумывал все им сказанное. Это было очень жутко и гадко. Но мне было жаль его. Он имел право на ненависть...

Время шло. В наш лагерь приходили новые этапы. Недалеко от нас, на том берегу реки Яны, находился лагерь Батагаи. Оттуда к нам привезли тридцать человек лесорубов. У всех у них не хватало правой кисти... Кровоточащие обрубки были замотаны в лохмотья. Это были "саморубы" — они калечили себя, чтобы избавиться от непосиль-

ного труда... Их немедленно осуждали по ст.58, пункт 14, кидали по двадцать пять лет — и отправляли на тот же лесоповал. Рубить деревья они не могли, но жечь сучья — вполне. Под страхом смерти лечить их раны было запрещено. На наших глазах большинство умерло от заражения крови. Тайком Мухаммед Мухаммедович передавал медикаменты, которые спасли жизнь десяти "саморубам". Остальные погибли.

Все это были молодые ребята, лет 19-25. Они рассказывали, что в Заречном "болезней" не признавали. Тех, кто не мог идти на работу, охрана и суки выволакивали из барачных, привязывали к саням, и тащили до объекта. Многие умирали в дороге...

После работы я продолжал встречаться с Мухаммедом Мухаммедовичем. Пили чай, беседовали, вернее, я слушал, а он рассказывал.

Как-то я спросил у него:

— Почему Сталин решил уничтожить весь цвет России? Русскую интеллигенцию загубил... Правильно он сделал?

— Представь, что в некотором смысле Сталин был совершенно прав.

— Как?! Вы оправдываете его?

— Да. Со своей точки зрения он поступил правильно и дальновидно.

— Да почему же?

— Сталин понимал историю прекрасно. Мне кажется, что он и в самом деле был великим знатоком историком. Когда он пришел к власти, то его знание и понимание истории ему пригодилось. Он анализировал всю мировую историю — все времена, все правления. И увидел, что, начиная от Юлия Цезаря, Ганнибала, Наполеона и до наших дней, все правители и цари если были свергнуты и убиты, то своими ближайшими соратниками и приближенными ко двору. Именно это и побудило его заблаговременно убрать всех великих революционеров и вообще всю русскую интеллигенцию.

Потому-то он и смог укрепить свою диктатуру. Не сделай он того, что сделал, не долго быть ему у власти...

То, что рассказывал лепила, было удивительно. В заключение он сказал:

— Так-то вот, дорогой мой Ази. Всякий правитель хочет удержаться на престоле. Любой ценой. Сталин так и поступал. А сделай он иначе, давно бы его самого прирезали, как курицу.

х х х

Наступила весна 1954 года. Речка Яна вскрылась, и уже через месяц пошли по ней первые в этом сезоне пароходы. Нас, сорок человек, посадили на баржу, и пошли мы вниз по Яне... Подошли к поселку Батогай, а оттуда повезли нас в тамошний лагерь. Зная, что лагерь этот держат суки, мы не вошли в него, а попросили, чтобы к нам вышел начальник лагеря, некто Пожидаев. Вскоре он появился еще с каким-то офицером. Мы хором предупредили:

— Если ты нас примешь в лагерь — беды тебе не миновать. А если хочешь знать, кто мы такие, спроси (мы назвали несколько имен известных сук, которые находились в этой зоне) у них...

Офицеры, тихонько переговариваясь между собой, скрылись в зоне.

Глядим, поближе к вахте появляется несколько заключенных и вопят нам:

— Ну, звери, такое вам устроим, что будет праздник на всю зону!

— Если мы только войдем в зону, — крикнул я в ответ, — у твоей несчастной матери не хватит слез тебя, суку, оплакать!

Среди стоящих я заметил и одного своего "крестника": это был сука, которого я не дорезал, и он, полуживой, спасся в другую зону. Он тоже заметил меня: кричал, приплясывал — радовался, что теперь-то он со мною расквитается.

— Мерзотина, — крикнул я ему, — как только

войду в зону, ты первый погибнешь от моей руки. На этот раз тебя никто не спасет!

Вернулся начальник. Мы попросили, чтобы к вахте приблизились суки, что смотрят на жизнь более, так сказать, трезво и умно. Они стояли в стороне, не участвуя в криках и ругани. Начальник лагеря вместе со своими офицерами заявили начальнику нашего конвоя, что этих заключенных они в свой лагерь не примут: им, мол, резни не нужно...

Нас повели к берегу. Разрешили собрать топливо и развести костер. Не прошло и двух часов, как подъехал к нам офицер из Управления с автоматчиками. Он подошел к нашему костру, поздоровался и миролюбиво спросил, почему-де мы отказываемся войти в зону.

— Вы, пожалуйста, не притворяйтесь, будто ничего не понимаете! — ответили мы в один голос. — Вы прекрасно знаете, что это за зона. Если хотите — мы войдем, но за последствия вы будете отвечать, по одному делу вместе с нами пойдете, гражданин начальник!

Офицер быстро сориентировался в обстановке. Сел у костра, задумчиво посматривая то на одного, то на другого, видимо, прикидывая, что с нами делать.

Посоветовавшись, начальство пришло к решению: поместить нас в палатке возле зоны. Ослушаться мы не могли.

В палатке сорока человекам было страшно тесно. Все же мы кое-как расположились на сплошных нарах из жердей. Комаров и прочей нечисти были тучи, а никаких средств от них, конечно, нам не давали. Единственное спасение было в дыме костра, вокруг которого мы и располагались.

Каждый рассказывал, что мог...

Как-то раз один парень (я помню только его имя — Коля) взял гитару и сказал: "Хочешь, Ази, я тебе спою старый романс? Его в тридцатых годах пели в российских кабаках..." Я почему-то запомнил его до сих пор.

МОНАХИНЯ

На железный засов ворота заперты,
Опочила обитель святая.
Не доходит туда свет людской суеты
И греховная песнь удалая.

Вечный сумрак и ночь в этих мрачных стенах,
Смотрят в окна деревья уныло.
Сколько жизни людской,
Сколько жизни молодой
В тех стенах похоронено было!

В душевной келье святой чуть лампада горит,
В пышный сад окно растворено...
Разметавшись в постели, монахиня спит,
Грешный сон ее душу томит.

Отделясь от толпы, к ней один подошел,
И нашептывал дивные речи:
— Скиньте, сбросьте с себя этот черный покров,
Покажите мне девичьи плечи.

И мгновенно проснувшись от грешного сна,
Пред иконой упав на колена,
Но молиться нет сил, для молитвы нет слов...
И упав головой пред распятым святым:
— Скиньте, сбросьте с меня этот черный покров,
Дайте волю кудрям золотым!

И сняла она быстро клобук с головы,
И откинула мантию прочь,
И рассыпались до полу на две волны
Ее черные кудри на ночь!

На ночь мы решили оставить двух дежурных в дополнение к охране, что стояла снаружи. Мы были слишком близко от зоны, так что суки могли рискнуть и явиться к нам. Через два дня нам предоставили еще одну палатку. Когда и эта палатка была установлена, нары поставлены, к нам привезли добавку: нас набралось 140 душ.

Ровно месяц мы прожили в этих палатках, но и этому "лагерьку" пришел конец: нас посадили на баржи и повезли еще ниже, почти к самым берегам Лаптевых. Не дотянув до моря десятка два километров, нас разгрузили в тундре. В двухстах метрах от берега Яны мы расположились лагерем на болоте. Разбили взятые с собою палатки. На это ушло два дня. Поставили три палатки для жилья, одну — для кухни, еще одну, маленькую, для бухгалтера. Она назвалась "конторой".

Мы требовали, чтобы нам дали для нар доски, так как на жердяных нарах спать было мучительно. Но нам ответили: "Ведь вы досок на баржу не грузили — откуда ж они возьмутся?" Делать было нечего и мы, презренные рабы, вынуждены были довольствоваться тем, что есть. Решили все же обработать жерди. Поставили на это дело всех, кто хоть немного кумекал в плотницкой и столярной работе.

Нары мы строили сплошные, а к ним трапы, так как сама палатка стояла на топкой земле. Да и река во время прилива выходила из берегов и затопляла близлежащие строения.

Нас привезли сюда, чтобы построить новый поселок. Название ему дали: Нижнеянск. Это должен был быть порт для приема морских барж, поскольку прежний порт занесло песком и он не

годился больше для использования. Здесь же, на новом месте, прибрежные воды были глубоки, суда могли подойти к самому берегу.

Вскоре к нашему берегу пристало первое судно. Мы вышли встречать его. Как-никак, а это были первые плоды нашего труда.

Началась разгрузка. Из трюмов выносили бочки с горючим, смазочные материалы, продукты. Это был перевалочный пункт, откуда грузы развозили по населенным пунктам и лагерям.

Жили мы неплохо. Бригадиром нашим был Толик Бородатый из Одессы по кличке Жид. Наша компания выходила на объект, но не работала, а шерстила по трюмам: как могли, доставали продукты и барахлишко. Продукты у нас были какие хочешь...

Плохо было с ночлегом. Жили мы, как я уже говорил, на болоте, в сырости, а тут еще зарядили дожди. Если уж в тундре дожди пошли, значит, месяцами не прекратятся.

Начались болезни: ревматизм, желудок, прочая гадость. Особых мер не принимали, делали какие-то уколы. Тем временем похолодало, сырость уменьшилась и люди повеселели.

Как-то рано поутру мы сидели на нарах и играли в карты. Заглянул к нам надзиратель. Мы не обратили на него никакого внимания, а продолжали играть. Он покрутился возле нас, но, видно, его заело, и он обиженным голосом заявил:

— Абрамов, раз вы ко мне не имеете уважения, то прекращайте игру и давайте карты сюда!

При появлении надзирателя мы должны были для виду прекратить игру и спрятать карты. Надзирателя оскорбила наша "невнимательность". А я еще и послал его по соответствующему адресу, прибавив:

— Уходи и закрой калитку с той стороны, не мешай!

Игра пошла дальше, а оскорбленный надзиратель не стал спорить — пошел и доложил начальству, что, мол, Абрамов играл в карты и меня при всех из

палатки выгнал... Дело шло к разводу. Мы должны были выходить на работу. Вышли на объект, но делать было нечего, так что мы просидели, сложа руки, весь день. Когда на обратном пути мы подошли к вахте, нашу бригаду остановили, и меня попросили отойти в сторонку. Ребята было взбунтовались и не хотели отпускать меня, но начальник сказал им: "Идите спокойненько в зону, все уладится".

Меня повели к начлагеря. Это был старшина, по фамилии Журила. Он принялся выговаривать мне.

— Ты разве не знаешь его, сволоча этого, — ворчал он. — Неужели не мог прекратить игру, когда его к вам занесло?

Я молчал. Старшина был прав. После паузы он продолжил:

— Я — ничего, но кум требовал посадить тебя на десять суток. Я настоял, чтобы скостили до трех... Вот так. Придется тебе трое суток просидеть...

— Ладно. Велите, чтобы мой бушлат и постель принесли.

Начальник вызвал дежурного и приказал ему исполнить мою просьбу.

Изолятор у нас строила сама охрана по своему, можно сказать, вкусу, из тесаных бревен. Рядом располагался небольшой вагончик, где жили и "трудились" начальник с кумом.

На другой день до меня донесся какой-то шум, вроде голос Толика-бригадира. Я прислушался. Да, это был Толик, который ругался с кумом.

— Лучше по-хорошему его отпустите, а то худо будет!

Кум, видать, разошелся. Вопил, грозился.

— Я не тот жид, что вашего Махна боится, — гаркнул Толик. (Кличка его была Жид).

Я не стал дожидаться, покуда беседа эта кончится крупным скандалом, и забарабанил в дверь руками и ногами. Появившемуся дежурному я сказал, чтобы позвал начальника. Начальник не заставил себя долго ждать.

— Попросите, чтобы Толик подошел ко мне на минутку, — сказал я старшине.

Толика подпустили поближе.

— Ты вот что, дурила, брось с ними ругаться, а иди себе в зону. Меня завтра выпустят.

Обрадованный Толик распрощался со мной и ушел.

Он и в самом деле был из тех, что не боятся смерти: смелый и дерзкий парень...

На другой день я вернулся в наш общий сырой гроб: "заключение" кончилось.

А через несколько дней в лагере начался бунт. Виной всему был хлеб, которым нас кормили. Это была настоящая глина, покрытая горькой черной коркой. Заключенные на работу выходили, но ничегошеньки не делали. Баржи и пароходы простаивали со своим грузом в порту. О происходящем было сообщено в Управление. Срочно прибыло начальство.

И я вновь встретился с майором Цветковым, тем самым, что пытался превратить меня в "шестнадцать килограмм"...

Майор Цветков стоял на вахте и производил отсев. Всем бригадирам было приказано отойти в сторону. К тому времени нас в лагере было 240 человек. По одному ему известным признакам Цветков отобрал человек двадцать, велел отвести их на баржу и отправить в Управление. Мои друзья Толик Жид и черкес Хасан из Грозного попали в лапы к жесткому чекисту...

Когда отсев закончился, майор обратился ко мне:

— Ази, подойди поближе!

— Ничего, говори, я тебя и отсюда слышу!

— Поведешь бригаду Толика Жиды на работу...

— Верните всех, кого вы забрали. Мы работали и будем работать, даем слово! Только улучшите наше питание, давайте нормальный хлеб!

— Питание и хлеб будут нормальными. Обещаю.

Цветков людей не вернул, но при нас вызвал нашего старшину и принялся пушить его, так что

только дым стоял. Между прочим, старшина наш был человек неплохой.

Питание наладилось, и мы вновь приступили к работе. Хитрый майор сказал, что не за горами зима, и если сейчас разгрузка задержится, то после будет поздно. Поэтому он щедро потчевал нас около месяца. А потом питание стало еще хуже, чем было.

Больше половины моих бригадников заболело цингой. Мне стало страшно не только за себя, но и за моих людей. Найти выход из положения мне помог наш бухгалтер. Я был с ним в отличных отношениях, и он вполне доверял мне. Я просил его достать кое-какие продукты и поскорее, покуда смертность среди заключенных еще не наблюдалась. Он обещал помочь, но дал понять, что потребуются деньги или барахло подмазать кого надо: сухая, мол, ложка рот дерет...

Вечером я принес ему хромовые "комсоставские" сапоги, костюм и еще кое-что, и удалился, предупредив, что через час вернусь. Когда я вновь появился, меня ожидали килограммов пять муки и сухофрукты. Бухгалтер расположен был поболтать, похвастаться, как и с каким трудом достался ему товар... Но меня не интересовали его приключения. Собрав все полученное, я помчался в палатку.

Своему помощнику Володе велел принести воды. Разводя муку по четверть стакана, я напоил этой целительной болтушкой тех, кто был болен. Здоровые не получили ничего.

Но болезнь не покидала наш барак. Рядом со мною лежал на нарах Гриша-ростовчанин. Как-то я обратил внимание, что ноги у него почернели и набрякли...

В лагере начальство также мало-помалу беспокоилось: ведь мог произойти непредусмотренный падеж рабочей скотины!.. На кухне появились сушеные овощи. Начали готовить борщи из сушеной капусты, лука, помидор, картофеля. Так что моя мучная болтушка получила подкрепление.

Через несколько дней наступило облегчение. Ребята ожили, начали понемногу подниматься. Через две недели зона вышла на работу.

Разгружая ящики с продовольствием, мы умышленно роняли их, чтобы расколоть. Таким образом мы добывали продукты. Все, что прибывало, оставалось под открытым небом. Даже заграничные станки, ничем не прикрытые, ржавели под дождем. Впрочем и люди также не слишком были защищены от непогоды. А зима была совсем рядом. Необходимо было обеспечить людей теплой одеждой. Я пошел к бухгалтеру, и ужасное открытие ожидало меня там: чуть ли не 90% бригадников были должны лагерю огромные деньги. Кто двадцать тысяч, а кто и тридцать...

Я собрал бригаду.

— Вы что же, подлецы, все промотали?! Ведь нет и не будет вам теперь ни теплой одежды, ни бушлатов!

Промотчики мои смущенно помалкивали.

По реке Яне шла шуга (ледяное крошево). Приближались холода, и оставить людей беззащитными перед морозом я не мог...

Обругав их покрепче, я вернулся в бухгалтерию.

— Вот получим мы скоро всей бригадой зарплату за три месяца — мы уж тебя не обидим, — сказал я бухгалтеру. — А все эти карточки надо бы того...

Бухгалтер доверял мне совершенно.

— Эх, Ази, не могу я тебе отказать! Другому бы не за что не сделал такое дело, но тебе... Только об одном прошу: чтобы в бригаде меня не выдали, а там будь что будет!

Я поручился за всех своих бригадников, как за самого себя.

Карточки с записями долгов на мою бригаду я получил в руки. Пришел в палатку и сообщил: "Сейчас будет общее собрание. Посторонних просим удалиться!" Когда в палатке остались все свои, я по списку начал выкликать поименно всех должников

и вручал каждому его карточку. Когда эта церемония была закончена, я сказал:

— Теперь бросайте эти бумажки в печь! И чтобы ни одна душа живая об этом не знала!

Один из бригадников подошел ко мне и расстроганно произнес:

— Я уже восемь лет по лагерям скитаюсь, а еще не видел, чтобы законник так о фрайерах заботился!

Вскоре пришла зарплата, и бухгалтер наш получил свои десять тысяч: я сам сказал ему, с кого удержать.

Были у меня в бригаде отчаянные картежники. Я договорился с бухгалтером, чтобы им зарплату без меня не выдавали. Я еще загодя взял у каждого адрес, куда следовало посылать письма (сказал, что так положено).

Как всегда после получки, в зону приехала автолавка. Под моим наблюдением на каждого картежника было выписано по ящику сгущенного молока, по ящику мясных консервов, по три кг сливочного масла, десять кг сахара и по мешку муки на двоих. Осталось у каждого от пятисот до тысячи рублей, но не более.

— А остальное, — объявил я — мною отослано вашим семьям! Так что на карточное развлечение осталось вам немного!

Мои слова были встречены хохотом. Никто не поверил. Но не прошло и месяца, как все они получили письма из дому, где сообщалось о деньгах, благодарили и т.д. В ответ бригадники написали, что об этой посылке позаботился бригадир. И стали прибывать мне многочисленные приветы от родителей и жен заключенных.

Не скрою, мне было очень приятно узнать об этом.

Выпал снег. Мы находились на объекте, когда нам сообщили, что в лагерь приехало начальство из поселка Кагуста. Там находился центральный лагпункт. Вот, значит, и вновь заработала "сеялка" в нашей зоне... На этот раз в решетках задержался и я.

Шестидесяти каторжникам приказали собираться.

ГЛАВА ТРЕТЯЯ

Собраться приказано было с вещами. Это было делом нетрудным, но куда я дену свою библиотеку?

Я и забыл упомянуть раньше, что начал собирать книги.

Любовь к чтению пробудил во мне один из моих приятелей — Толя из Ленинграда. Он жил в другой палатке, но мы частенько ходили друг к другу в гости. И всякий раз, когда к нему не зайдешь, он лежит и книгу читает. Я забавлялся тем, что неожиданно выхватывал из его рук книгу. Он сердился; бранил меня.

Как-то раз он навестил меня. Принес с собой какую-то маленькую брошюрку.

— На, зверина, читай!

Оставил мне эту книжицу и ушел.

Я, понятно, и не думал ничего читать. Засунул книжицу под подушку, где она и оставалась. Однажды после работы я прилег на нары, запустил руку под подушку, и чувствую: что-то там твердое. Вытащил — смотрю, а это книга, что мне Толя оставил. Полистал ее и принялся читать помаленьку. В книге рассказывалось о разведках в немецком тылу...

Я зачитался. Приходя после работы, я немедленно брался за книгу. Наконец, дочитал ее до конца.

Пришел к Толе и говорю:

— Спасибо, это здорово было... Знаешь что, дай-ка мне еще что-нибудь почитать. Только не толстое.

Толя засмеялся. Я отлично понял его смех, но виду не подал.

— Ну ладно-ладно, хватит. Дашь или нет?

Теперь мне было понятно, почему он так бесился, когда я вырывал у него книгу на самом интересном месте..

Прочел и еще одну книгу. А потом дал мне Толя прочесть "Спартак". Я ее брать не хотел, потому что толстая слишком...

Спартак меня поразил. Иногда мне казалось, что это я там, и все, о чем написано, происходит со мною, вокруг меня...

На ужин я не пошел, остался в палатке. Читал до утра.

А утром сказал своему заместителю, что на работу не выйду. Позавтракал, и лег обратно с книгой.

Я и не заметил, как зашел к нам Толя. Подбегает ко мне и говорит:

— Ты что ж это, на работу не ходишь — так зачитался?!

И стал отбирать у меня книгу.

— Толик, остань, не мешай...

Взгляды наши встретились. Секунду длилось молчание, и мы неудержимо захохотали...

Вот так я и стал азарным книгочеем. Доставал или покупал книги через надзирателей, бухгалтера. На разгрузке покупал книги у моряков. Собралась вполне приличная библиотека.

Жаль мне было с нею расставаться, но и тащить их неизвестно куда опасно. Да еще нас предупредили, что двенадцать километров придется пройти пешком, так что взял я с собою самое необходимое. Объявили, что желающие могут вещи оставить, потом их привезут за нами вслед. Я так и сделал. Взял с собою полотенце, пару бельишка, зубную щетку, шесть кусков сахара, штук десять пряников

и две банки сгущенки, смешанной со сливочным маслом. Предупредил своих, чтобы на мою помощь не надеялись и посоветовал оставить свои вещи, как это сделал я. В такой путь и лишняя иголка плечи ломит.

Морозы стояли в 50-60 градусов.

Закутавшись с ног до головы во все имеющиеся теплые тряпки, мы отправились в путь. Уже через пять километров товарищи мои стали оставлять на снегу взятые с собой вещи... Мы вышли утром из Нижнеянска группой в 60 человек, а пришли в поселок Когуста к восьми вечера вчетвером. Те, кто не взял с собою вещей. Меня спасла собачья шапка с длинными ушами: как-то мы поймали собаку, мясо ее съели, а из шкуры я сшил себе шапку.

В лагерь мы пришли без конвоя: охрана отлично понимала, что в такой мороз им опасаться нечего. Да и куда было бежать?.. Конвой останавливался, разводил костер, грели консервы, пили спирт "из горла".

56 оставшихся каторжников плелись, как могли: кто остался без ушей, кто без носа, кто без пальцев на руках...

Тех, кто превратился в кусок замороженного мяса, привезли потом на санях. Отогреть их не удалось.

В зону нас не впустили, так как там находились суки. Поселили в палатке, как и в прошлый раз. Через два дня привезли наши вещи. Мы начали разбирать и обнаружили, что у каждого чего-нибудь недостает. У меня пропала толстая шерстяная подстилка.

Поднялся шум: мы требовали свои вещи обратно.

Подскочил начальник лагеря капитан Конев.

— Вы!.. Бога благодарите, что хоть это получили, подлецы!!

— Что?! Ты, сука, польстился на подстилку мою, тварь ненасытная!

— Вам, заключенные, такие предметы иметь не

положено, — перешел Конев на официальный язык. — Вы не на курорте находитесь, а в заключении. Поэтому мы произвели конфискацию.

Высказался и ушел. Делать было нечего, говорить не о чем. Сила у них...

Как-то раз один наш товарищ, профессиональный карманник, вытащил у надзирателя из кармана письмо, полученное им из дому. Вот что писала мать сыну (привожу только самое главное...):

”Ты, сынок, пишешь, что водишь на работу 1200 заключенных врагов народа, кого милуешь, кого убиваешь, если не слушаются. Это у тебя хорошая работа, сынок, и оклад хороший ты получаешь, а вот брат твой Еремей день и ночь работает, гнет спину, а прожить никак не может. Если можешь, сынок, поговори с начальником и устрой на работу Ерему хоть на ползарплаты. Он тебе всю жизнь благодарен будет. У нас, ты знаешь, таких работ в деревне нет, а в колхозе жить стало невозможно, живем все впроголодь. Ерема твое письмо прочел и просит, чтобы ты похлопотал за него...”

х х х

В этом лагере мы задержались ненадолго. Сорок человек, и среди них и меня посадили в машины и увезли вверх по берегу Яны. В 456-и километрах находился поселок Куйга.

В этом лагере жили одни ”фашисты”, как называли политзаключенных. Были там власовцы, бендеровцы, одним словом, вся мировая политика...

Через пару дней я познакомился с обстановкой в лагере и решил проверить свои зачеты: сколько накопилось у меня дней за все годы заключения. Записался на прием в спецчасть.

Начальником ее оказался армянин, с которым я уже сталкивался в поселке Эгехая. В поселке он славился своими издевательствами над заключенными.

Армянин сразу узнал меня.

— Ази! Ты как сюда попал?

Увидев его в спецчасти, я был неприятно поражен. Он понял мои чувства.

— Земляк, — обратился я к нему, — давай не будем здесь ругаться. Мы с тобой еще в Ереване в кабаке встретимся за коньяком...

— Да уж, знаю, какой ты мне коньяк припасешь.

Разговаривать дальше особого смысла не было.

— Я пришел своими зачетами поинтересоваться.

Он начал что-то объяснять мне, но настолько туманно, что сходу было ясно — врет. Не желает отвечать.

С тем я и остался...

Подсчитав в уме свои зачеты, я пришел к выводу, что в лагере мне придется проторчать еще шестнадцать месяцев, но если я начну работать, как положено, то могу освободиться значительно раньше. Да и в самом деле, надоело мне все это порядком!

В голове у меня созрел любопытный план.

Вечером я отправился к бригадиру "фашистов". Они жили рядом с нами в бараке. Познакомились быстро. Он назвался Борисом, а я представился ему под своей настоящей фамилией. Рассказал о себе.

— Ты разве еврей? — удивленно спросил он.

— Да.

Он усадил меня на нары, приготовил чайку.

Я рассказал ему, чего бы мне хотелось.

— Ты вот что, — немедленно ответил он. — Выходи завтра утром на работу. Пойдем в мастерские. Я из тебя сделаю хорошего токаря — всю жизнь будешь меня благодарить...

Когда я вернулся к себе, товарищи накинлись на меня с расспросами: куда это я ходил?

Удивлению их не было границ, когда я сказал, что с завтрашнего дня выхожу на работу к "фашистам"... "Да как же они тебя в свою бригаду приняли?"

С верхних нар донеслась чья-то глубокомыслен-

ная шутка:

— Конечно, он же еврей, а еврей всегда найдет выход из положения!

Все засмеялись, и я также. Никакой обиды я не испытывал, пусть их позубоскалят, мне не жалко.

Я лежал в постели, но не спал. Перебирал все прошедшие годы, свою скитальческую жизнь, свои муки... И чего я добился от этой бессмысленной борьбы с начальством? Ничего! Единственный способ: усердно поработать так, чтобы пошли мне зачеты "день за три"... С этими мыслями я и заснул.

Утром я пошел на завтрак в столовую. Это было в первый раз: мы старались готовить себе в палатке.

Еда была паршивая.

— Это вас так всегда кормят? — поинтересовался я.

— А что?

— С такой едой хвост отморозить можно.

Мой собеседник засмеялся.

— Ты вроде к теще на блины приехал!

— К теще не к теще, а это не кормежка.

— Там, где ты раньше был, лучше было?

— А как же.

Разговаривать было особенно некогда. Мы направились к вахте. Там встретил нас высокий круглолицый мужчина. Увидев меня, он спросил у бригадира:

— Это что у тебя за новичок в собачьей шапке?

— Да я его в бригаду принял, хочу токаря из него сделать.

— Вин не буде токарем! Бо вин из "шуриков" (шуриками на своем жаргоне политические называли воров-законников).

Я молчал. Грубить ему не стоило. Надо было поскорее освободиться, так что от меня требовались выдержка и хладнокровие. Я лишь проклинал себя, что напялил эту шапку: не будь ее на мне, я не выделялся бы... Вся бригада слышала его слова:

”из шуриков”...

Круглолицый еще и еще мерил меня взглядом, и сказал на превосходном русском, куда девался его украинский акцент:

— Давай, учи. Посмотрим, что из этого получится.

В цеху бригадир сказал мне, что встреченный — начальник оснаба базы. Все мы находимся в его подчинении. Фамилия его Мизин.

Ты правильно сделал, что смолчал. Мог бы все испортить.

Затем бригадир подозвал к себе какого-то парня.

— Миша, — обратился он к нему. — Вот тебе новенький. Учи его с самых азов. Понятно?

— Пошли! — коротко ответил Миша.

Он сразу же принялся объяснять мне устройство станка: ”Это вот головка, это патрон, это передняя бабка...”

”Азы” я освоил быстро.

— Ну, а теперь за работу!

Возле станка валялось несколько прутков длиною, примерно, в три метра. Обрабатывать их было невозможно, требовалось сначала разрезать их на куски по метру каждый. Мы вдвоем приподняли довольно тяжелый прут, вложили его через шпиндель в патрон. Зажали. Миша велел мне придерживать торчащий конец рукой. К нам подошел бригадир, велел работать на малых оборотах. Как только он скрылся, Миша переключил станок на высокую скорость. Я взялся за торчащий прут, как велел мне ”учитель”...

Станок завертелся. Вместе с ним с непреодолимой силой крутнуло и мою руку. Страшный удар обрушился на большой палец...

— Выключи, сука! — в ярости закричал я.

Станок остановился.

Мой палец висел на жилке. Меня повезли в больницу, но врача не оказалось, так что палец мой спасти не удалось. Медсестра ампутировала его и сделала перевязку.

После мне сказали, что все это было подстроено: так шутили с новичками. Но шутки разные бывают. К примеру, посылают несмысленшца на склад с ведром и говорят: "Принеси-ка фазу". Кладовщик с серьезным видом отправляет жертву в другое место, а оттуда к начальнику. И все смеются. Но мне было не до смеха...

Я решил припомнить Мише его подлость. Мой палец обошелся бы ему дорого, но он узнал о моих намерениях и упросил начальство, чтобы перевели его в другой лагерь. Больше он мне не попадался.

Выйдя из больницы, я вновь обратился к Мизину, чтобы разрешил мне вернуться в цех. Он долго не соглашался.

— Я докажу вам, что из меня будет токарь! — говорил я ему.

Наконец он сдался.

Поработав три месяца учеником, я перешел на самостоятельную работу.

Палец, вернее, культя, зажила, но на холоде я не снимал рукавицы, так как от перемены погоды рану ломило.

К тому времени сменился наш начальник лагеря. Я сам его не знал, даже и не видел никогда. Говорили, что он еврей.

В один из выходных я решил пойти покалякать с приятелями. По дороге мне попался парикмахер (о нем я еще расскажу подробнее). С ним был офицер с майорскими погонами. Я подумал, что это должно быть новый начлагеря. И не ошибся.

Внезапно я услышал:

— Заключенный Абрамов! Подойди ко мне.

Я подошел, поздоровался.

— Чего прикажете, начальник?

Он улыбнулся.

— Хочу с тобой поговорить.

— С каких это пор начальники лагеря стали беседовать с заключенными?

— С тех самых пор, Абрамов, как законники стали токарями работать.

— А что в этом плохого?!

— Наоборот, хорошо! Только пораньше надо было за это браться.

— И сейчас не поздно, начальник. Я еще молод.

— Одним словом, молодец ты, Абрамов. Я рад за тебя. А теперь есть у меня к тебе просьба.

— Слушаю, начальник.

— Дело такое... Ты кухню нашу видел?

— Вполне...

— Ну так вот. Надо новую строить. И клуб.

— Дело хорошее.

— Для того, чтобы строить, материал нужен. А его-то у нас нет.

— Во всех лагерях лесу полно, да и мы в лесу живем.

— Вот-вот. Об этом я хотел с тобой поговорить. Тебе, как деловому парню, поручаю заготовить бревна. Где возьмешь — не мое дело.

— Я, начальник, обдумать хочу это дело. Оно заманчивое, да вот срок у меня остался маленький...

— Оставишь после себя память в лагере.

Посмеялись. Разговор шел вполне откровенный.

Прогулка моя не состоялась, так как я решил вернуться к себе в палатку, поразмыслить. Мне было известно, что в соседнем лагере заготовили тысячи кубов бревен для отправки по реке. Для того, чтобы раздобыть их, нужен был трактор и трос.

Я посоветовался с ребятами. Судили-рядили, и пришли к выводу, что просьбу начальника выполнить надо. Но как?

Утром я подошел к начальнику. Разговор начал он.

— Ну как, Абрамов, подумал?

— Да.

— Выкладывай.

— Мне нужен трактор и трос. И тракторист, понятное дело.

Он поглядел на меня в упор.

— Как ты собираешься все это обделать?

Я рассказал ему мой план.

— Если ночью, после рабочего дня, сделаю хотя бы два рейса, то материал будет заготовлен дней за пятнадцать-двадцать.

Начальник задумался. На каждое мое слово он повторял: "Забавно, честное слово, забавно..."

— Так вот, — наконец сказал он. — Даю тебе свободное хождение и устраиваю в поселковый гараж. Там и трактор найдется и трос. Но тракторист должен быть из наших!

— Ну, а если нас попутают, то как бы мне второй срок не схватить...

— За это, Абрамов, я отвечаю.

На том и порешили.

Нашел я подходящего тракториста, сообщил об этом начальнику. Тот поднял его документы и дал согласие. Через три дня начальник устроил нас в гараж: меня — токарем, а тракториста моего — слесарем. С завгаром мы сошлись: вместе пили, вместе на баб ходили...

Во время очередной попойки я попросил его дать нам трактор.

— Для вас, ребята, душу свою отдам, а не то что там трактор!..

Чтобы не утомлять читателя подробностями, скажу лишь, что за двадцать дней задание-просьба начальника была выполнена.

Построили клуб, кухню и новый просторный барак. В клубе была организована специальная комнатка для парикмахера, куда ходили и мы и начальство.

Парикмахер наш был бывшим комиссаром. Еврей, по фамилии Крупник. Из Днепропетров. за. Военным трибуналом он был осужден на "25-5-5" за "измену родине". Во время войны он попал в окружение и оказался в плену. Пытался бежать несколько раз, но все неудачно. Товарищи любили его и не сообщали немцам, что он еврей. Вот он и получил от благодарного отечества практически бессрочную каторгу только за то, что остался в живых... еврей в немецком плену!

Семья его находилась в Днепропетровске: старуха-мать, жена, две дочери... Как-то он получил от них письмо, в котором жена просит у него развода, так как дочерей не принимали в ВУЗы. Он дал свое согласие. Дочки теперь учатся благополучно, а жена ждет его возвращения.

Все это он рассказал мне в наших дружеских беседах.

Этому высокому стройному человеку с военной выправкой я был обязан многим. Именно он и сказал начальнику лагеря (тому, что сменился) — это, мол, парень деловой, еврей с Кавказа.

— Когда Гофман (новый начальник) принимал дела, — рассказывал Крупник, — он сначала побаивался дать тебе свободный выход, но я уговорил...

После того, что я узнал от Крупника, мне захотелось поговорить с начлагеря о моих зачетах. Встречу Крупник организовал нам у себя в парикмахерской, чтобы никто не знал, что я встречаюсь с начальством.

Вот тут-то я и поведал ему все о себе. Упомянул и о закрытой тюрьме, где зверствовал армянин, который нынче работает здесь в спецчасти. Рассказал и о нашем разговоре, о его увертках...

— Мне кажется, он мои зачеты уничтожит!

— А что ж ты мне раньше не говорил?! — набросился на меня с руганью начальник. — Завтра же приходи в спецчасть. А я дам задание, чтобы все твои зачеты были подготовлены.

Армянин не ждал такого оборота дела. Выслушав приказание начальника, он вместе с бухгалтером отправился за моими документами.

— Чтобы ни одна бумажонка не пропадала! — напутствовал его начальник.

Через десять минут мое дело было на начальственном столе.

— Прямо здесь подсчитайте, сколько он должен работать из расчета "день за три"!

Все эти прикидки и раскидки долго времени не заняли: мне оставалось находиться в заключении

восемь месяцев...

Все покинули кабинет.

— Ну, Абрамов! Восемь месяцев, понял?! — сказал начальник. — Не дай Бог, если услышу, что ты нарушил! Своими руками голову отсеку... Ты должен сейчас быть тише воды, ниже травы, понял?

— Спасибо, начальник.

— Чеши на работу, потом будешь благодарить.

На работу я летел, но все же опоздал минут на двадцать. Объяснил, что задержали в спецчасти.

Все шло отлично. На работе ко мне относились хорошо, свобода моя приближалась.

Но среди заключенных обо мне пошла дурная молва.

Однажды мой товарищ по бригаде Коля Табаков сказал мне:

— Ты, Ази, помог начальству отличиться — построили в зоне хорошую кухню и клуб. Вот начальство с тобой и возится. Да и на кухне ты забираешь для себя консервы и дефицитные продукты...

Я почувствовал, что кровь отлила от моего лица. Волосы зашевелились, когда я услышал эту мерзкую клевету. Трясущимися губами я попросил его отойти со мной в сторону, подальше от посторонних глаз и ушей.

— Скажи мне, Коля, это ты от себя говоришь, или так другие думают?

— Вся зона так говорит, Ази. По правде говоря, все политзэка тобой недовольны.

— И что же, есть у всех "по моему вопросу" какое-нибудь решение?

— Пока нет. Но дело кончится плохо.

Я понял, к чему он гнет...

— Прошу, пока что воздержитесь от ваших решений! Оправдываться я не буду. А через три дня выяснится, кому выгодно наговаривать на воров-законников и откуда это пошло.

Не теряя даром времени, я пошел в соседнюю палатку. Вызвал предводителя этой группы. Он

подтвердил Колины слова и добавил, что политзэка собираются просить у начальства убрать из зоны воров-законников: они-де гнут поваров и отнимают продукты...

Я собрал сходку законников. Рассказал все, что мне известно о положении в зоне. Присутствующие были, казалось, поражены, в недоумении переглядывались. Я же думал только об одном: поскорее выяснить, кто все-таки занимается вымогательством.

В воскресный день я отправился на кухню. Было время обеда и расдача шла вовсю. Дверь я распахнул неожиданно для повара. Вошел, стал так, чтобы он не мог выйти. Мы оказались лицом к лицу. Раздатчик, увидев меня, побледнел. Хотел было прервать раздачу, но я запретил ему. На плите скворчал прикрытый крышкой противень. Я обратил на него внимание, как только вошел. Медленно приблизился к противню, приподнял крышку. Вот где собака зарыта... Там жарилось мясо, нарезанное крупными ломтями, картофель, всяческие аппетитные приправы.

Раздатчик не ответил...

Обед подходил к концу, заключенные раходились.

Я повторил свой вопрос. Раздатчик что-то промямлил. Я прикрикнул на него:

— Ты скажешь, свинья вонючая, кому это приготовлено?! Или я прямо здесь тебе кишки выпущу!

Мы были на кухне только вдвоем. Деваться ему было некуда.

— Ты знаешь, — тихим голосом начал он, — это заказали Володя Питерский и Володя Мазай...

Воры-законники.

Я не поверил своим ушам.

— Врешь! — мой голос сорвался.

— Нет, не вру. Вот увидишь, как через десять-пятнадцать минут они сюда придут.

Я схватился за голову. Значит, правду в лагере

говорят. Эта мысль неотступно трепетала в моем мозгу.

— Да.

— Почему молчал до сих пор?

— Мы боялись...

Положение казалось безвыходным, но необходимо было что-то решать. Если разоблачить этих двух, значит — навести беду на всех законников в зоне...

— Так вот. Ты, тварь, если назовешь их имена, будешь вариться вместе с консервами в котле. Это понял?

— Ага. Но что...

— Скажешь, что для себя готовил. И для подручных.

— Ты хочешь, чтобы нас растерзали?! За что?!

— Не бойся, я этого не допущу. Самое худшее — из поваров вылетит.

Я вышел. Позвал одного заключенного и сказал, чтобы он сбегал в барак и палатку, позвал таких-то и таких-то. Затем вернулся. Повар, видно, не ожидал моего возвращения. Когда я переступил порог, он копался в дальнем углу кухни.

— Что ты там рылся? Прятал что-нибудь?!

За дверью раздался шум. Я позвал несколько человек и закрыл двери.

— Вот посмотрите, кто жрет ваши пайки и ваше мясо!

С этими словами он открыл крышку противня.

— А там в углу, — продолжал я, не давая никому опомниться, — у него еще и тайник есть.

Это было сказано наугад, и я здорово рисковал. Но мое чутье не подвело меня. Повар смотрел на меня остановившимися в ужасе глазами. Подняли пол в углу, и извлекли два мешка мясных консервов, мешок муки, сахар, сухофрукты...

— Так вот кто нас голодом морил!? — раздался страшный рев. — Ребята, хватайте его! Зажарим живьем.

Повар был обречен.

— Вы не сделаете этого! — крикнул я. — Такое

в каждом лагере бывает, в каждой зоне...

Я принялся уговаривать их, убеждать. Язык мой работал, но сам-то я смотрел украдкой на тех, кто заварил эту кашу — на моих воров-законников... Смотрел и удивлялся. Они ведь видели, как я стараюсь перед политзаключенными, чтобы отвести беду от них. Видели! А сами кричали: "Вот что ваши мужики вытворяют! А мы, законники, не нуждаемся в вашей жратве. Все, что хочешь, есть в магазине, а денег у нас хоть отбавляй!"

"Фашисты" зауважали меня после этой истории...

х х х

Чувство радости и одновременно страха перед будущим владело моим существом. Радовался я, понятно, тому, что с каждым прожитым днем приближалось мое освобождение... Дома, в родном Дагестане, ждали меня отец, жена, родные. А страшило меня не только то, что отвык от жизни вольной, нетюремной, нелагерной, но и необходимость дотянуть оставшиеся месяцы в заключении...

Быть может, это покажется кое-кому отвратительным, но я обязан сказать: многие воров-законники завидовали тем своим товарищам, которые вот-вот должны были освободиться. И эта зависть толкала оставшихся на всяческие мерзкие выходки и провокации. Он, видите ли, уходит, а мы остаемся!

Именно такие чувства и привели к описанному выше "кухонному скандалу". Питерский и Мазай знали, что политзаключенные с недоверием и с подозрительностью относятся ко мне, и сознательно втянули меня в хитро задуманную интригу. В порыве гнева я мог убить повара и стал бы вечным лагерником. Мог бы, как им казалось, и разоблачить воров. Тогда бы смерть настигла меня. Знали и то, что политические, с которыми я работаю, непременно расскажут мне о грязных слухах. И опять-таки надеялись, что не вытерплю я этого оскорбления и

совершу что-нибудь непоправимое... И тогда мой лагерный срок с неумолимостью начнет раскрываться.

Я постоянно ждал, что они выкинут еще какую-нибудь гадость, поэтому находился в постоянном напряжении. Чтобы расслабиться, стал частенько выпивать. Постоянная настороженность даром не проходит, и иногда я терял контроль над собой. Напившись после работы, я приходил к ним в барак и молча, упорно глядел на них. Вызывал на разговор. Страшная злоба кипела в моей душе. Ведь именно после собранной мною сходки они заказали свой шикарный обед на кухне, специально велели повару держать его открыто, чтобы противень попался мне на глаза. Сознательно подстроили так, чтобы на кухне никого кроме меня и повара не оказалось. Знали, что я не успокоюсь, примчусь туда, чтобы разобраться. И следили за мной.

Питерский и Мазай хорошо понимали мое состояние, но виду не подавали.

Но им чуть было не помогла моя несдержанность.

Многие мои друзья кололись морфием. Кололись также и эти двое...

Как я уже говорил, меня расконвоировали, так что я имел возможность доставать наркотики. Как-то перед праздником мой друг Хасан попросил достать ему несколько кубиков. Я выполнил его просьбу, предупредив, чтобы он ни в коем случае не давал ничего Мазая. Еще раньше я рассказал ему, что именно из-за этих — Мазая и Питерского, — политические чуть было не устроили вора́м погром.

Хасан и Мазай были дружны — я знал об этом. Они всегда делились всем, что было.

Вечером я, подвыпив, решил заглянуть к ним в барак. Хасан сидел на нарах.

— Как дела, Хасан?

— Спасибо, все хорошо.

— Ты обещание свое помнишь?

Хасан врать органически не мог. За это я его особенно уважал.

— Ты меня, Ази, извини, но я не мог ему отказать! Один кубик он получил!

Бешенство овладело мною. Хмель куда-то исчез, осталась одна кровавая мгла. Я бросился на своего друга, схватил его за горло и стал душить. Сами собой вырывались из моего рта крики...

— Что ты сделал, стерва, подхалим, подонок!!

Весь барак смотрел на нас. Ничего не соображая, я все сильнее сжимал пальцы. Хасан не сопротивлялся. Я был вне себя... Хасан забил ногами в предсмертных судорогах, захрипел, но я не ослаблял хватки. Внезапно я почувствовал сильный удар по рукам и меня оторвали от полумертвого Хасана. Его тут же принялись откачивать. Коля Мордвин, который и оторвал меня от жертвы, поволок меня в мой барак, где я почти немедленно заснул.

Проснулся задолго до подъема. Сел на нарах, вспоминая вчерашнее. Я прекрасно понимал, что за это воры-законники могут отсечь мне голову, и с полным правом... Что же делать, как выйти из дикого, непоправимого положения? Мне грозит смерть. И это накануне освобождения! Случилось то, чего я больше всего боялся в последнее время... Соберут сходку, и тогда мне конец. Дурака сваял.

Раздался звон рельса. Подъем. Все начали одеваться. Искоса поглядывали на меня мои товарищи... Никто не заговорил со мною. Отправились завтракать. После завтрака я вышел во двор. Ко мне подошел Сергей Старуха, вор-законник, но из таких, кто ни во что не лезет, ни в какие конфликты не вмешивается.

— Ты знаешь, Ази, что тебе за твой поступок отрубят голову, а жаль. Ведь ты скоро должен быть на свободе!

Кавказская моя кровь закипела.

— Иди отсюда, сука паршивая, пока я тебе язык не вырвал!

Я понял, на что намекал Сережа. Он хотел, чтобы я выпулился из зоны и стал сукой, как делают многие, когда видят, что гибели не миновать.

Сережа отстал, а я поплелся на работу. Но и

работа не клеилась. Взяло копаясь у станка, я пришел к выводу, который показался мне единственно возможным...

Вытащив из заначки припасенные на черный день готовые детали, сдал их, отпросился у начальника цеха и ушел. Было десять утра.

Объект, на котором работал Хасан, находился в другом районе, довольно далеко от моего. Я шел быстро, нервы разгулялись. Шел, зная, что это возможно последние мои минутки. Но решение было принято, да и ничего иного не оставалось.

Хасан с товарищами работали в столярном цеху. Когда я показался в дверях, все поглядели в мою сторону, но никто не издал и звука.

— Послушайте, — начал я. — Я пришел к моим товарищам. Прошу их выслушать меня, но без посторонних воров.

Те, к кому я обратился, побросали инструменты и окружили меня. Я стою около здоровенной колоды-пенька. А рядом, на верстаке, лежал столярный топор. Я его сразу приметил.

— Так вот, ребята. Мой вчерашний поступок с Хасаном достоин смерти. Я не хочу сходки воров всей зоны!

С этими словами я резко повернулся и схватил топор. Увидев его в моих руках, все невольно расступились.

— Хасан! — позвал я. — Возьми топор. Отсеки мне голову и баста.

Топор я положил на колоду, а сам стал рядом.

Все снова окружили меня. Молчали...

— Что ты медлишь?! Делай свое дело! Я заслужил смерть!

Хасан первым нарушил молчание. Подошел ко мне, обнял за плечи.

— Ты, Ази, правильно поступил, что не собрал сходку. Там бы я тебе точно голову бы откусил. А теперь я тебя прощаю. Мы друзья.

Он поцеловал меня, голос его прервался. Обнявшись, мы зарыдали...

— Как завидовали нашей дружбе, — сквозь рыдания шептал он. — Как ты мог поднять на меня

руку, не понимаю...

Наплакавшись вдоволь, мы с Хасаном попросили у всех прощения за беспокойство. Расцеловались с каждым...

Вот так я в очередной раз пережитрил смерть. Не приди я, Хасана уговорили бы собрать сходку, и он не смог бы противиться ее решению. Я как бы родился заново. Вот и подумал, что неплохо бы отпраздновать такой день.

Я вернулся к себе в цех и отпросился у начальства на целый день, ссылаясь на головную боль. По дороге в зону я купил рыбу "тайман". Чудовище было длиной метра в два, а весом в тридцать килограммов. Когда я волок свою покупку, на меня смотрели с удивлением. Придя в барак, я выпотрошил рыбину, размочил сухую картошку. Развел огонь и принялся готовить праздничный ужин к приходу товарищей.

Попросил одного надзирателя, чтобы он купил пару бутылок спирту, дал ему денег и два кило рыбы. Спирт он принес. Я накрыл стол как можно красивей, насколько это возможно в лагерном бараке.

Я следил за вахтой. Вот-вот должны были появиться товарищи. Наконец, появились и первые фигуры. Все были удивлены, увидев накрытые столы.

— Что еще за праздник сегодня? — спрашивали они.

— День моего рождения! И я хочу, чтобы вы его отметили вместе со мной.

Умывшись, все расселись, наполнили стаканы.

— Ну что ж, друзья, — сказал один из самых близких мне людей Алик, славившийся своим умением пошутить, — жаль, что забыли мы тебе, Ази, подарок купить. Ну ничего, в следующий раз не забудь предупредить заранее. А сейчас мы тебе преподнесем самое дорогое и самое хорошее...

И он вышел из-за стола, подошел ко мне, поцеловал, чокнулся со мной и выпил свой стакан. Его примеру последовали другие. Желали мне счастья и скорейшего освобождения.

Позвали кое-кого из соседних бараков. Началась гулянка, песни. Хасан все это время сидел рядом со мною...

Словом, праздник удался отлично.

Товарищи разошлись, заснули, а мне все не спалось... За семь с лишним лет моих скитаний по тюрьмам и лагерям никогда не было мне так больно, как за вчерашнее... Ведь я всегда обдумывал каждый свой шаг, каждое решение свое проверял трижды, как же я так сорвался на этот раз? Но нет худа без добра... Все обошлось. И я славлю Господа нашего за свершившееся чудо. А это было именно чудо, ибо никогда еще никто не выходил живым из такой переделки: воровские законы суровы...

Некоторые "блатари" были недовольны мною, так как я, будучи бригадиром, не давал им в обиду мужиков, а это многим было не по нраву. Вот они и хотели насолить мне...

Наступил новый 1956 год. Мне оставалось три месяца заключения. А там — свобода!

Уже с минувшего октября я готовил себя к вольному существованию. Надо было переменить свои тюремные привычки, которые, как легко догадаться, не отличались особой эlegantностью, приучить себя не разговаривать на лагерном жаргоне, оставить особые лагерные повадки в обращении с людьми. Дело было нелегкое.

Я достал себе такую книгу: "Эстетика поведения". Стал упорно заниматься по ней...

1 января я рано утром вышел из лагеря, предупредив товарищей, что вернусь к обеду. Как всегда в это время года была метель. В трех шагах не было видно не зги. Деревья лопались вдоль от мороза.

Я подошел к вахте.

— Ты куда собрался, Абрамов, — спросил дежурный. — С ума ты сошел в такой день шляться, замерзнешь ведь по пути.

— Праздник сегодня, — ответил я. — Пойду принесу консервов, компотов каких-нибудь в банках...

— А, ну так и нас не забудь.

Я ответил ему известной пословицей насчет "нашего теленка, которому удастся убить ихнего волка..."

До поселка я добрался без приключений. Зашел к одному знакомому инженеру. Он как-то пригласил меня к себе на праздник. Там все выпивали и закусывали за празднично убранном столом. Налили стаканчик спирта и мне. Я было заупрямился, но они настаивали. Посидев с ними немного, я извинился, сказал, что мне надо еще достать кое-какие лакомства. Хозяин любезно предложил мне полную наволочку компотов в банках — чуть ли ни двадцать банок. Я достал деньги, хотел расплатиться, но хозяин с женой наотрез отказались.

От них я заглянул к своему товарищу, который недавно освободился. Прославленный вор-законник Гена Лупатый. У них тоже шел пир горой, но несколько в ином роде: гитара, блатные песни и прочее...

Сами понимаете: в мои-то годы, да с блатною душой, и общество подходящее... Разве удержишься от соблазнов?

Кто-то пел романсы на слова Есенина. Я-выпил, закусил, еще выпил. Сам взял гитару. Особо мастерски играть я не мог, но спеть готов и сегодня, расплескать душу с гитарою в руке...

От выпитого в голове у меня стоял полный кавардак. Но все же решил я вернуться в зону. Лупатый, увидев, что меня не уговорить остаться, дал мне в дорогу свой тулуп и проводил до дороги... А дороги-то не видать. И решил я потопать напрямик, по сугробам. Это меня чуть не погубило... Я падал, спотыкался, зарывался в снег по пояс. Но понимал, что остановиться нельзя — замерзну. Наволочку с компотами я не терял, как-то тащил за собой. Вся моя пьянь миновала.

Мне было по-настоящему жутко: один в степи, пурга. Миновали последние метры снежной целины, и я очутился на дороге. Тут-то я потерял сознание и заснул...

...Из зловещего забытья меня вытолкнул чей-то голос:

— Проснись, родимчик, проснись, замерзнешь!

Я слышал слова, но мог лишь невнятно повторить потерявшие для меня смысл звуки: "Замерзнешь, замерзнешь..."

— Как так замерзнешь? — вдруг воскликнул я, и очнулся.

Возле меня стоял лагерный конвой.

— Что я, сплю?

— Твое счастье, что тулуп на тебе, да и праздник сегодня... А то бы трактор тебя в лепешку превратил. На тебя уж иней сел! Сам знаешь, в такой мороз...

Я пришел в себя окончательно. Узнал конвойного по фамилии Величко. Он спас мне жизнь, а был одним из самых больших зверей в зоне. Известен он был "комическим" случаем: как-то, собираясь стрелять в заключенных, он неудачно оттянул затвор пистолета, отжал случайно курок, и пуля угодила ему в большой палец ноги...

"Родимчиком" он назвал меня потому, что я пристрастился к этому слову и всех в лагере величал "родимчиками". Вот и дали мне такое прозвище.

Величко подхватил меня под руку и повлек за собою. Я хватился своего груза. По счастью мы отошли недалеко и я вернулся на место своей "зимовки". Загреб снег и обнаружил наволочку с компотами...

Когда мы приблизились к лагерю, Величко остановил меня.

— Ты должен показать, что в полнейшем ажуре, понял? Бодрый, как ни в чем не бывало. И если ты, еб твою мать, сегодня потеряешь свой пропуск на свободный выход, я тебе покажу, где раки

зимуют! Вытянись!!!

Я повиновался.

— А теперь сделай пять шагов вперед, пять назад!

Я в точности исполнил его приказание.

— Еще разок вытянись — и пошли!

Вот мы и на вахте...

— Ну как, родимчик, погулял? — встретил меня дежурный.

— Сколько хожу без конвоя, ни разу не пил, а сегодня выпил... Вы бы меня бабой назвали, вернись я в такой праздник трезвым!

Таким образом я опередил их "претензии": не дал им самим заговорить о моем опоздании и пьянстве.

Они смотрели на меня и посмеивались.

— Ну, ребята, спирту я, конечно, не достал, а вот консервы — пожалуйста! — Я извлек из наволочки пять банок и оставил им.

Мои товарищи ждали меня к обеду, как я и обещал, но не дождались — вернулся я к пяти вечера. Отругав меня за безумный мой поступок, все пошли к столу. Столы были еще накрыты, словно меня дожидались.

В середине января 1956 года пришло освобождение моему другу Хасану. Срок у него был пятнадцать, а просидел он пять... Я дал ему свой адрес. Вскоре после его отъезда я получил письмо: Хасан посетил мою семью в Махачкале, рассказал им о моих делах. Сказал, что скоро освобожусь, если не приключится какое-нибудь ЧП. В лагере любое происшествие — против заключенного...

Я почему-то вспомнил о пожаре, который был у нас в лагере еще до моего прибытия. Сгорела жилая палатка, где были заключенные, многие из них погибли... Один обгорел настолько, что превратился в подобие обугленной чурки. Но глаза у него сохранились.

Видно, сильное сердце было у этого человека. Если он не умер сразу же от таких ужасных ожогов! От него ничего не осталось, только глаза,

язык и душа... Я испытывал суеверный страх, глядя на эту дышащую болячку, когда раз в неделю сдирали с него, словно сорочку, сухую гнойную кору.

Однажды произошло следующее, о чем я и сегодня не могу говорить без дрожи.

— Ази, — обратилось несчастное существо ко мне, — ты меня не узнаешь?

По всему телу моему прошлась как бы ледяная лапа... Вздогнул каждый волосок.

Ответить ему я не мог, лишь кивнул как баран головой, глядя на него... А он-то, видно, считал мое молчание оскорбительным.

Кто он? У меня не повернулся язык спросить у него самого. Я еще раз кивнул головой: знаю, мол, помню, а то как же.

Пишу эти строки сейчас, вспоминая прошлое, а глаза мои сами собой наполняются слезами. Мой младший сын Натанеэль смотрит на меня удивленно:

— Папа, ты чем-то расстроен или вспомнил тяжелый эпизод из своей жизни?

— Да, сынок, я описываю события, которые нельзя вспоминать без слез.

Я ему прочел об этом несчастном человеке, от которого остались только глаза и язык, который мог издавать членораздельные звуки.

— Неужели все это происходило в Советском Союзе?

Мой сын не мог этого представить.

— Да, сынок, — посмотрел на него в упор, и подумал: хорошо, что успел увезти вас из этого логова, чтобы вы не испытали на себе все те ужасы, которые видел я и многие миллионы советских граждан. Вот здесь, в папке, строки, которые показывают всю гнилость системы СССР — как на воле, так и в тюрьмах, лагерях, на каторге, в ссылках, в этих строках нет ничего выдуманного, это я перенес и вытерпел на своей шкуре. Но я выжил, а миллионы — нет.

Наступил долгожданный день, 26 марта 1956 года.

В лагере поселка Куйга Верхоянского района мне вручили конверт с бумагой на освобождение.

С этим конвертом в руках я еду в Управление Северных лагерей.

В этот день мои товарищи не вышли на работу, устроили проводы и после обеда я уехал из лагеря...

Взял с собою сумку со всем необходимым. В поселке прежде всего я зашел к Гене Лупатому. Они, оказывается, уже поджидали меня.

Гена и его жена Вера были очень рады моему появлению.

Я, сам того не замечая, не расставался со своей сумкой — там лежал заветный конверт. Вера обратила внимание на эту мою странность: верчусь я с сумкой, то на одно плечо ее повешу, то на другое, а положить куда-нибудь не хочу.

Вера сама взяла мою сумку, отнесла ее на вешалку, а мне на колени посадила свою дочурку...

— Успокойся, дорогой Ази, все страшное позади. Крепи нервы и береги силы...

Честно говоря, я не верил, что это все же произойдет и я выйду на свободу.

Гена пошел в поселок сообщить кое-кому о моем появлении. Через час в его доме собрались друзья, чтобы отметить день моего освобождения.

Пошла гулянка по-сибирски! До четырех утра не смолкали гитарные струны. Все поднимали бокалы за мое счастье, целовали меня, желали всего, что только друг может пожелать другу.

И уже под утро спели мне на прощание мой любимый романс.

Ветер в роще листвою шумит,
Пожелтевшей листвою осеннею.
Вспоминаю о том, как прошли
Молодые года без цветения.

Дни проходят один за другим,
Месяца пролетают и годы,
Был недавно совсем молодым
И веселым юнцом безбородым...

Вот пришла и завязла весна,
Жизнь пошла по распутице топкой,
И теперь я сижу у окна.
Поседев за тюремной решеткой.

Нет по сердцу мне здесь ничего:
Край чужой, неприятные дали.
Извели, измотали всего,
Грубо в душу, смеясь наплевали!

Как в каленых железных тисках,
Сердце ноет, болит и страдает.
Только мысль о родимых краях
Его биться сильнее заставляет.

Пусть повсюду осенняя грусть,
Звезды гаснут и в инее стынют,
Я домой непременно вернусь
И родные края меня примут!

Пусть идут проливные дожди —
Грязь я смою, а грубость — запрячу,
И прижмусь к материнской груди,
И тихонько от счастья заплачу...

ОТ АВТОРА

*Клевета и ложь — узаконенный
метод политики мещан.*

(М. Горький)

Это происходило в той стране, где "великий" Ленин и партия многое обещали народу после победы Октябрьской революции. Но они не добавили в своем декрете; Тюремь, Истязания, Каторга, Гонения, Ссылки не прекратятся.

И массовая травля для всех всеми не прекратится, а будет расти изо дня в день. И было построено на Руси Государство Великой тюрьмы и небывалые в истории человечества бесчетные лагеря смерти для тех, кто вместе с "отцом народов" делал революцию.

Об этом и идет речь в моей книге.

Я, человек, видевший воочию и переживший на своей шкуре муки ада и все ужасы лагерной жизни, сидевший во многих лагерях и тюрьмах страны "всеобщего счастья", рассказал вам Историю своей жизни.

Свою книгу я начал писать еще в Союзе. Позднее я уничтожил ее, когда выезжал в Израиль: провезти ее с собой было невозможно.

Я уезжал в Израиль потому, что ощущал себя его частью, частью этой страны, частью еврейского народа, среди которого я родился и вырос. Но я

считал своим долгом восстановить свою книгу, и при первой возможности опубликовал ее.

Я хотел честно и правдиво описать все, что пережито, всю ту жизнь, которая выпала на мою долю и на долю миллионов советских людей. Я прочел много книг на эту тему, но нигде, никогда не попадалась мне книга, в которой вор-законник открыто и правдиво описал свою прошлую жизнь. А те, кто писал о них, были люди со стороны, далекие от той жизни и рассказать о подлинном босяке фраер не в состоянии, хотя он и крутился близко от них. Почему? Да потому, что он эту жизнь не понял, не испытал на своей шкуре. Я описал принятые у воров неписанные законы, повадки, выражения, воровской жаргон, встречу вора, жизнь его на свободе и в лагерях, объяснения, что можно делать вору и чего нельзя и на свободе, и в лагерях:

Как из воров-законников начальство делало в лагерях сук, где и как это началось на практике и в каком году, по указанию Москвы и то-есть главных иезуитов Берии и Круглова, по заветам корифея Ленина: какими методами уничтожают приступный мир:

Какие меры предпринимали воры-законники для своей защиты от сук и от лагерного начальства, как делали воры перевороты из сучьих лагерей воровские, как дерзко вели себя воры при этом, и какую тактику применяли.

х х х

Я прочитал много книг разных авторов и меня чрезмерно поразила писанина о жизни воров России, об их правилах, то есть об их неписанных законах жизни. Я — бывший вор в законе и хорошо знаю неписанные законы воровского мира.

Я постарался описать все подробно, но так, чтобы читатель понял, что к чему.

Поясню некоторые отдельные отрывки из книг

этих писак, где они пишут всякую чушь о жизни воров России. С больной головы на здоровую они вают свои подлые измышления.

Меня порой удивляет, откуда они берут эту ересь, о которой пишут в своих книгах. Постараюсь объяснить, чем они вводят читателей в заблуждение по этим вопросам, особенно в тех странах, где публикуют подобные книги. Вот например: купил я книгу Михаила Демина "Блатной". Прочитал и пришел в недоумение. Господин Демин пишет, как пацанов на сходках производят в законные воруы и многие другие небылицы из жизни воров.

Я писал в своей книге, что у воров нет никаких паханов и авторитетов, вор формируется в тот период, когда вращается среди воров, его видят везде, часто в разных городах, и он автоматически становится представителем этого общества, если это можно назвать так, а не так, как некоторые фаршмаки (фаршмак — испорченный воровским жаргоном лагерник), или как их называли честные воруы, случайно примкнувшие к воровскому миру фраера. Будучи грамотными, такие писаки описывают жизнь воров так, как они ее понимают. Ибо они не вошли вглубь жизни воров, ни к чему не примкнули, познакомились с ней поверхностно. Чтобы знать эту жизнь, нужно побывать в этой шкуре, а они лишь с краю столкнулись с ней. Приведу несколько примеров из книги господина Демина. Вот, например, что он пишет: процедура возведения в закон ничем не отличается от стандартных правил приема в партию. Происходит это, как водится, на общем собрании (на толковище). Представший перед обществом (пацан) рассказывает о своих подвигах, причем, каждое из дел подвергается коллективному обсуждению, и если блатные сходятся в оценке, и оценка эта положительная, поднимается кто-нибудь из авторитетных урок и членов ЦК и завершает толковище ритуальной фразой: "Смотрите, урки, хорошо смотрите. Помните, приговор обжалованию не подлежит". Где

они берут эти вымысленные факты, не пойму?! Эта вся писанина — ложь, таких сходок у воров не бывает. Может, Мишаня перепутал с собранием коммунистов? Может быть! Ибо я не был членом КПСС и не в курсе дела.

Хочу пояснить, что такое пацан в лагере. Если ты молодого вора назвал пацаном, кто бы ты не был, он тебя так пошлет, что будешь долго помнить. Солидный вор может драконить (подначивать) молодого, но палец ему в рот не сунет — этот молодой вор откусит руку по локоть.

Пацанами называли молодых парней-фраеришек, подкармливали их и держали при себе воры как сухаря (сухарь — это когда воры убивали сук, а эти фаршмаки брали на себя дело и срок мотали им).

Пацанами еще называли порчаков (нахватавшихся лагерного и воровского жаргона). Как говорят воры, "люблю блатную жизнь, но воровать боюсь". Некоторые воры приголубливали их, особенно старые колымчане и ебли в туза (в жопу).

Дорогие писаки, вы это хорошо знаете, мне кажется, а искажаете факты. Вам, как я понял, нужны бабки, а там как хотят, пусть понимают. Господин Демин пишет, что у воров бывают дуэли. Не хочу обидеть его, постараюсь все-таки ответить, чтобы читатель понял и знал, как все это делается: у воров все вопросы решаются на сходке, и если провинившегося находят виновным, то его поступок карается смертью, его тут же убивает на сходке тот, перед кем он виновен, а не на выдуманной дуэли. И не бывает произвольного решения одного человека. Если даже и виноват, все равно без сходки никто не возьмется решать судьбу вора один. Если он вор честный, как говорят, Босьяк без примеси, и если он произведет произвольно самосуд, будь он тысячу раз прав, то ему будет плохо потом.

А по Демину — происходят классические дуэли,

даже с секундантами. И если один из двоих погибает на дуэли, а властям удастся задержать убийцу, секунданты выступают в качестве свидетелей убийцы и выгораживают его. Смех да и только. Это же явная выдумка! Неужели современные писатели не думают о том, что они пишут. Конечно, нет цензуры, кто что хочет, тот и плетет, лишь бы лаве (деньги). Какое чудо — существует бумага! Без нее и умные становятся дураками.

Не мог я удержаться от смеха, прочитав, что у воров состоялась Международная конференция, первый раз за всю сознательную жизнь слышу эту Великую приписку воров.

Хотя я вором и не родился, а стал им в процессе своей жизни, я был вором и честно придерживался тех неписанных законов, в процессе формирования которых я узнал, что можно, а чего нельзя делать. Я был очень чувствительным в той жизни, следил за своими поступками и требовал от язвитых (задир) воров того же. Я присутствовал на многих сходках, всегда защищал слабых. Честно сказать, я и сам был хорошая язва, но к тем, кто много мнил о себе, относился с предубеждением, часто подначивал их от нечего делать. Не уступал никому, но очень любил умных людей.

Прошу, чтобы меня правильно поняли, это я пишу не потому, что хочу похвалиться, что там был. Прочитав книгу, вы поймете, зачем все это упоминаю. Меня знают на севере — от поселка Когуста на берегу моря Лаптевых и до города Верхоянска на Яне-реке. От бухты Тикси и до города Керенска по Лене-реке. Знают меня и на Колыме, хоть я и не был там. Был на Чукотском полуострове, в бухте Пивек, но не долго. И там многие меня знают. От бухты Пивек — вглубь по трассе, был и на острове Диксон. Сидел в четырех тюрьмах под следствием; сидел в одиннадцати пересыльных лагерях; сидел в двух закрытых тюрьмах; отбывал срок в восьми концлагерях. На свободе бывал в Крыму, во Львове, в Тифлисе и Баку, объездил весь Урал, был в Москве, бывал

почти во всей России. Объездил почти всю Среднюю Азию в пределах СССР. Встречал разных воров, с разными характерами. Во многих лагерях и тюрьмах встречался с ворами, товарищи были у меня испанцы и греки, знал я румынов и поляков, французов и финнов и многих других. Обо мне зачитывали приказ по лагерям, что меня и моих товарищей расстреляли. Это происходило в 1953-м, 54-м, 55-м годах. Почему, хотите спросить? Это делали специально, чтобы деморализовать воров в лагерях. Одновременно зачитывались приказы: в лагерях за убийство — расстрел. Если бы вы, читатели, знали, сколько с 1945-го по 1955-е годы было уничтожено людей при подстрекательстве свьше! Миллионы матерей не увидели больше никогда свои сыновей и дочерей. От нечего делать расстреливали миллионы заключенных. Эти цифры относятся к уголовникам. А о политиках я напишу ниже. Что я расстрелян — рассказывали по лагерям воры. Но когда я кого-нибудь из них встречал на свободе, удивляясь невообразимо: "Ты жив, Ази, на свободе?" Я встречал воров, что сидели при царе-батюшке в России, встречал таких, что сидели в Соловецких лагерях. Я описал в своей книге, какие законы были у воров в разные периоды и при разных обстоятельствах. Но в Международной конференции я не слышал никогда и ни от одного из уроков.

Вот что рассказывал мне один родский (пожилой вор) в 1939 году, когда советская власть захватила часть Польши и многие польские воры сели в тюрьмы России. Прошло много времени, и в моей памяти не сохранилось, на каком пересыльном пункте состоялась сходка воров Польши и России. Русские воры доказывали свое, а польские воры — свое. У каждого были свои законы, но они пришли к одному знаменателю, если можно так сказать, и решили предрерживаться русских воровских законов. Как я описываю ниже, у польских воров был такой воровской закон, как у русских до тридцатых

годов. Где выудил такую чушь о Международной конференции М.Демин, не знаю, не слышал, не могу понять! Только одно могу сказать — это взято от лампочки!

Бывают сходки у воров на свободе, собираются 15 или 20 человек, решают вопрос, в чем обвиняется тот или иной босьяк. Но это не конференция, а просто сходка воров, где нужно решить вопрос. Тут же на сходке выносятся решения. И если его обвиняют в серьезном проступке и выносятся решение о смерти, то его тут же убивает тот, перед кем он провинился, то есть тот, кто его обвинил, тот его и убивает...

Опишу, каким образом собирают сходку воры на воле. Тот, кого обвиняют, ездит по городам, зная, кто где живет, и назначает день сходки. Все приезжают в определенный день в определенное место и решают его судьбу.

Еще один пример из книги М. Демина "Блатной". Он пишет, что до революции в России такие сборища происходили несколько раз. И во время гражданской войны небезызвестный налетчик, одесит Мишка-Япончик собрал и организовал черноморское ворье для оказания помощи атаману Григорьеву. Я понимаю так: когда человек теряет стыд, то с ним нехуя разговаривать, так и я поступил с этим писакой. Странно, почему он тогда не причислил батьку Махно в старшие Паханы, и я возмущаюсь, почему он не упоминает старшую Жучку (воровку) Маруську и остальных лесных и катакомбовских бандюг. РЕЧЬ В КНИГЕ идет о ворах России, а они суют туда отъявленных лесных головорезов. Еще раз напомню, честный БОСЯК (вор) до 1945 года не имел права носить нож в кармане. Вы спросите, почему нельзя было босьяку носить нож? Воры тоже люди, и в их венах тоже течет кровь человеческая, у них тоже есть нервные клетки. И среди воров тоже бывают ссоры, НО ЕСТЬ ПРЕДЕЛ У БОСОТВЫ. В среде преступного мира есть люди очень дерзкие, и во избежание поножовщины вор не имеет права носить нож в кармане, если только он не идет на работу (воровать). Если вор систематически брал

работу с мокрым (убийством), то его воры презирали и избегали за это. Другое дело — безвыходное положение, то есть самозащита, то это, как говорится, дело пятое. Но что воры участвовали в банде Мишки-Япончика — это чушь неописуемая!

Вероятность, что вор-карманник, или же вор-домушник оказался в банде Чеботаря или у Япончика, считается ложью, как говорили у хозяина (в лагере): "Без туфты и без амонала не построить бы и Беломор-канала".

А вы, молодцы, толкайте телегу (обман). Обидно мне, в прошлом честному вору (в скобках я даю эквивалент значения каждого слова) и освободившемуся честным, мне обидно — никто меня не смог согнуть — ни сучня, ни лагерное начальство, я вынес, вынес муки ада, да, да, ада! И я завязал честно: живу, имею детей и внуков, надеюсь дожить и увидеть правнуков. И вам желаю, чтобы вы дожили до счастливых дней — иметь внуков и правнуков.

И мне обидно, что эти писаки приписывают все мерзости, которые творились в лагерях, честным вора.

О политических:

Фашисты — так называло лагерное начальство политзаключенных, а те называли себя страдальцами, писали о себе, что натерпелись в лагерях больше всех. Вопрос к политическим: кто были в лагерях придурки? А? В отделах бухгалтерии? Завхлебобрезками? Поварами? Завбанями? Нарядчиками? Бригады — 90% из вас, а не из блатных! Коменданты тоже 90% из вас! Коптерщиками? Медицинскими работниками-лепилами?

Вообще, все лагерные придурки, как их называли лагерные крысы, были из политических или растратчиков, а не из уроков. Если он и просил у тебя, то не при помощи насилия, а культурно: не хотел — не давал.

Я прочитал книгу "Большой террор" Роберта Конквеста. О многом я узнал из этой книги. Там часто упоминается А. Солженицын и генерал Горба-

тов. Как они пишут в своих книгах, блатные делали все подлости в лагерях и терроризировали заключенных.

Вы, политики, как вас называли в лагерях, как вы жрали друг друга на свободе, вы и в лагерях так же жрали друг друга, не отставая! Сталин вас так одрессировал, что вы и в лагерях наперегонки бегали стучать куму (лагерному следователю) друг на друга. Не правда ли, самоеды? А? А У ВОРОВ, ПОЯВИСЬ ЛИШЬ СУКА НА ВАХТЕ, ОН УЖЕ НА НОЖЕ. Так кто подлецы? Уголовники, воры или политики? Политические были почти сплошь стукачи, это ваше слово — стукач.

Варлам Шаламов в своих воспоминаниях хоть плетет, но он описывает, как топили вы друг друга. У меня к вам простой вопрос, господин Роберт Конквест, или просьба, как вам будет угодно: кто наговаривает на блатных, то есть пишут о них и сваливают на них всю лагерную грязь, что они, сами политические творили. Спросите у этих писак, как они могли попасть прямо после суда и с политической статьей, при том, что все лагерное начальство называло их фашистами, из тюрьмы или пересыльного лагеря этапом, прямо в барак к лагерным придуркам? А?

Они вам откроют истинную правду, эти бывшие лагерные крысы, как их называли в лагерях.

А я вам скажу, да, дорогой господин Конквест, чтобы попасть по приходу с Этапа к лагерным придуркам в барак, нужно сделать сперва поток мерзостей, а потом попасть к этим крысам в барак. Писать можно все, бумага терпит. И они тоже. Прочитаете мою книгу, читатель, и вы поймете, что может делать вор, по их неписанным законам, а что нельзя! А этим писакам нужны лаве (деньги), а наговаривать, фраера, на это они способны, их лозунг хорошо мне знаком, но они этот лозунг приписали вора: умри ты сегодня, а я завтра! Многие в своих книгах пишут под шаблон, одно и то же, как будто договорились, мол, нам, политикам, читатели поверят! НЕТ, И ЕЩЕ РАЗ НЕТ, я

рассею эту вашу ложь! Вы пишете, что блатные жили в лагерях, как им хотелось. Вы совершенно правы, что они жили так. Но не забывайте, что это их второй дом. Знаете ли вы, господа писатели и лжесочинители, как жили воры в лагерях Царской России и при Советской власти? Откуда вы взялись на головы воров?! Чтобы занять их места? А? Они же вам уступили все жирные места. Нет? Это вам не подходит?

Почему? Я вам напомним! Вы жрали-обжирались, дрались за престол и отдали сами себя на съедение вашему Вождю и предсказателю, да предсказателю Сталину! А он вас убирал вашими же руками. Вы лезли этому удаву в пасть, который уничтожал вас с вашей же помощью. Так вы попали в тюрьмы и лагеря вами же созданные на погибель своего народа.

Честные воры были дураки, что отдали вам жирные и теплые места, а сами занялись самоуничтожением. Подготовил декрет "корифей всех времен и народов" Ленин, каким методом следует уничтожить преступный мир, придумал кару для преступного мира — как уничтожить его. Ваш учитель сыграл тут красивую игру, но не забыл заодно убрать и вас. Он посчитал вас люмпен-пролетариатом и убрал со своего пути, а заодно и уголовный мир. Вы забыли, что у палки есть два конца. Бараны шли на убой, а тут обвиняете урок, слепые котят. Не вы ли терроризировали их в некоторых лагерях своими подсказками безмозглому начальству, которое советовалось с вами, как надо вести дела. А???

И это все вы творили, начиная с СОЛОВЕЦКИХ ЛАГЕРЕЙ!

Прочитаете, писаки, в моей книге словарь блатных слов, что употреблялись в жизни блатарей.

Но не пишите вы о босяцкой жизни, не вам о ней писать!!!

АБРАМОВ ЕРУХАМ (АЗИ)

ЗАИГРАЛИ ТРЕПЕТНО АККОРДЫ

Заиграли трепетно аккорды,
Побежали пальцы по ладам,
Молодая жизнь моя не вянет,
Только в жизни, видно, вяну сам.

х х х

Ты ушла, окутана туманом,
Ты пришла, окутанная в дым...
Я остался тосковать с баяном,
Потому что ты ушла с другим.

х х х

Я прошел долины голубые,
Слышал песни старых чабанов.
Надвигались сумерки ночные,
Ветер дул с каспийских берегов.

х х х

И сошел я с тракта на дорогу,
Вспоминая, детка, про тебя,
Вспоминал глаза твои большие,
Словно роза нежный, пышный стан.

х х х

Приморили, гады, приморили,
Отбрали молодость мою.
Молодые кудри поседели,
Я у края пропасти стою.

СЫН РЫБАКА

Что так низко склонилась твоя голова,
Или юность тебе еще снится?
Пей шампанское, друг, еще ночь впереди,
Да и некуда нам торопиться.

Знать, немало ты горя видал, мой дружок,
Коль ты плачешь, бокал наливая,
Так послушай же, друг, то, что я повидал
в своей жизни проклятой и жгучей.

Я родился на Волге в семье рыбака,
От семьи той следов не осталось,
Хоть и мать беспредельно любила меня,
Но судьба мне ни к черту досталась.

Невзлюбил я тогда ту батрацкую жизнь,
Невзлюбил ни пахать и ни сеять,
А с веселой братвой, под названьем шпана
Вниз по Волге пустился бродяжить.

Не умел я тогда, мой дружок, воровать,
Но на дело бросался я смело,
И в одну из ночей пригласили меня
На богатое, крупное дело.

Ну и ночка была, прямо выколи глаз,
А для вора она как обычно,
Поработали мы, ну не больше, чем час,
И как волки вернулись с добычей.

И опять загуляла, запела братва,
И баян с переливами льется,
И не помню, дружок, как за круглым столом
Я в одну малолетку влюбился.

Ну и девка была, словно тополь цвела,
Словно в сказке ночная фиалка,
За один поцелуй, я б полжизни отдал,
А за ласки и жизни не жалко.

Чтоб красоток любить, нужно деньги иметь,
А без денег ну некуда деться,
И решил я тогда день и ночь воровать,
Чтоб немного приличней одеться.

День и ночь воровал для красоты своей,
Швырял деньги налево, направо,
Но в одну из ночей крепко я погорел,
И вот тут началась моя драма.

Коль случилась беда, открывай ворота,
Крикнул я: до свиданья, красотка,
Здравствуй, каменный дом, мать старушка
тюрьма,
Здравствуй, цементный пол да решетка.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*В связи с подготовкой к печати второго тома этой книги, автор будет признателен тем, кто пришлет свои отзывы и пожелания по адресу:
Абрамов Ерухам. Шикун Пеэр 21, кв. 14,
Хедера, Израиль.*

